

ЖУРНАЛ
БЕЛАРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издаётся с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2 2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Заместители главного редактора

ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: fourmigor@gmail.com

Ответственный секретарь

ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru

Агилера М. Малагский университет, Малага, Испания.

Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.

Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь.

Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.

Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.

Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Иванич П. Нитранский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.

Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.

Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.

Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.

Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь.

Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.

Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.

Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Якубовска В. Нитранский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.

Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.

Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Deputy editors-in-chief

LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary

DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 141.1:165

ДИАЛЕКТИКА И. КАНТА: УЧЕНИЕ О РАЗВИТИИ ИЛИ ЛОГИКА ВИДИМОСТИ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечено наличие двух версий диалектики в философском творчестве И. Канта: первая версия, предложенная им в докритический период, связана с традиционной доктриной развития, противостоящей механицизму и специфической метафизике; вторая версия, разработанная в критический период, является логикой видимости, тем, что непременно нужно преодолеть разуму на пути к истине. Показано, что в докритический период философ положил начало процессу спонтанной диалектизации естественных наук и поставил ряд вопросов, далеко выходящих за рамки ньютонаовского механицизма.

Ключевые слова: диалектика; И. Кант; диалектика Г. В. Ф. Гегеля; докритический период; критический период; учение о развитии; диалектизация естествознания; логика видимости; опасность для разума.

Образец цитирования:
Румянцева ТГ. Диалектика И. Канта: учение о развитии или логика видимости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:4–7.

EDN: CHYQWO

For citation:
Rumyantseva TG. Kant's dialectics: the doctrine of development or logic of visibility. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:4–7. Russian.
EDN: CHYQWO

Автор:
Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:
Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

KANT'S DIALECTICS: THE DOCTRINE OF DEVELOPMENT OR LOGIC OF VISIBILITY

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The presence of two versions of dialectics in the philosophical work of I. Kant is noted: the first one, proposed by him in the pre-critical period, is connected with the traditional doctrine of development, opposing mechanicism and speculative metaphysics; the second one, developed in the critical period, is the logic of appearances, what the mind has to overcome on the way to truth. It is shown that in the pre-critical period the philosopher initiated the process of spontaneous dialectisation of natural sciences and posed a number of questions far beyond Newtonian mechanicism.

Keywords: dialectics; I. Kant; dialectics of G. W. F. Hegel; pre-critical period; critical period; doctrine of development; dialecticisation of natural science; logic of visibility; danger to reason.

Введение

Философия И. Канта всегда привлекала и будет привлекать к себе внимание многочисленных исследователей. После того как в 2024 г. человечество отметило 300-летний юбилей данного мыслителя, интерес к нему и его творчеству значительно возрос. В круг проблем, традиционно обсуждаемых в рамках учения И. Канта, все же не так часто входит его диалектика. Так, по сравнению с гегелевской диалектикой, о которой написано множество статей и даже монографий, кантовская диалектика не так часто становилась предметом специального рассмотрения. Исключением является разве что опубликованная еще в 1929 г. книга В. Ф. Асмуса «Диалектика Канта» и ряд более поздних публикаций, посвященных главным образом трансцендентальной диалектике. В настоящей статье предпринята попытка взглянуть на это проблемное поле учения И. Канта в несколько непривычном свете – показать, что в разные периоды его творчества (докритический и критический), которые, разумеется, не следует отделять друг от друга непроходимой стеной, мы можем отметить различное отноше-

ние философа к диалектике и зафиксировать наличие двух ее версий. Имеется в виду, что на смену Канту-диалектику, проявившему живой интерес к идеи развития уже в первых своих работах и высказавшему ряд поистине гениальных мыслей, связанных с разработкой радикально новой немеханистической картины мира, приходит философ, для которого диалектика ассоциируется уже не более чем с логикой видимости, являющейся абсолютно не плодотворной для философии и выступающей только предостережением от сверхопытного расширения знаний, в которое впадает разум при отсутствии у него дисциплины, предписанной критикой [1, с. 161].

Более того, в философской литературе нередко говорится, что не следует рассматривать И. Канта в качестве основоположника той исторической формы диалектики, которая ассоциируется с гегелевской или же с марксистской диалектикой, и что его диалектика не является источником двух вышеназванных ее форм¹ [2]. Спрашивается, что же собой представляет кантовская диалектика?

Основная часть

Рассмотрим докритический период творчества И. Канта. Можно утверждать, что на данном этапе в своих исследованиях немецкий философ положил начало процессу стихийной диалектизации естественных наук. Задолго до главного трактата докритического периода «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755) он, если не ответил, то по крайней мере поставил ряд вопросов, которые далеко выходят за рамки механицизма Ньютона («Мысли об истинной оценке живых сил» (1746)). Разбирая здесь важный для естествоиспытателей Германии XVIII в. вопрос об источниках движения, мыслитель явно симпатизирует не Ньютону, а Лейбничу, «кото-

рый первый учил, что в теле имеется некая сущностная сила, которой оно обладает еще до протяжения» [3, с. 63]. И. Кант отнюдь не повторяет взгляды своего соотечественника, а переосмысливает их, особенно когда речь заходит о силе как проявлении некоей внутренней психической активности. Уже в этой ранней работе он фактически приходит к мысли о важности объяснения мира как живого, развивающегося и динамичного, а также умело преодолевает односторонность и крайность точек зрения его гениальных предшественников, диалектически вскрывая противоречия каждой из анализируемых им позиций.

¹История философии : учеб. для вузов / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Бугаева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2008. 783 с.

В последующих трудах докритического периода («Претерпела ли Земля...» (1754), «Стареет ли Земля» (1754) и др.) он уходит от господствовавшего в те годы религиозного догматизма и механистических объяснений природы и делает, в частности, вывод о том, что наша планета вовсе не движется так, как запустил ее Бог, а претерпевает некоторые изменения со временем своего возникновения. Что касается вышеупомянутого главного трактата этих лет, то в нем И. Кант переходит от диалектического истолкования отдельных природных процессов к объяснению основополагающих принципов развития мира [4, с. 317]. В этом труде он представил нашу Вселенную как единую живую динамично развивающуюся по законам диалектики (т. е. через внутренние противоречия) систему. Неслучайно Ф. Энгельс заметил, что « первую брешь в метафизическом понимании природы пробила небулярная гипотеза Канта-Лапласа – самая первая попытка научно объяснить происхождение Земли и Солнечной системы» [5, с. 350–351].

Чуть позднее, в работах 1760-х гг., И. Кант опять предстает перед нами в образе философа-диалектика. В труде «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) он продолжил развитие своих диалектических идей, глубоко исследовав природу противоположностей и сделав важный для всего его последующего творчества вывод о различии между логическими и реальными противоположностями. В данном трактате, как, впрочем, и в ряде других работ 1760-х гг., мыслитель начал резко критиковать формальную логику, полагая, что она в принципе не способна отразить с помощью применяемого в ней метода силлогистики все богатство и разнообразие мира реальных противоположностей.

Осознавая тот факт, что вышеобозначенные работы немецкого философа, в том или ином аспекте много раз находились в центре исследовательского внимания, следует тем не менее подчеркнуть важность обращения к ним в контексте теоретической реконструкции образа Канта-диалектика. В этих трудах философ не только критиковал прежний спекулятивно-метафизический и механистический методы постижения мира, но и сознательно опирался при этом на диалектические принципы его объяснения и понимания.

Обратимся теперь к критическому периоду творчества И. Канта. В это время мыслитель разработал такой критический метод, как срединный путь между докритическим и скептицизмом, направленный на их преодоление. Под данным методом он разумел «не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех знаний, к которым он может стремиться независимо от всякого опыта» [1, с. 9].

Еще до написания труда «Критика чистого разума» в письме к немецкому философу, логику и ма-

тематику, с трудами которого И. Кант был хорошо знаком, И. Ламберту от 2 сентября 1770 г. он отмечал, что, «по-видимому, метафизике должна предшествовать особая, впрочем чисто негативная наука, в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности, дабы предотвратить их воздействие на суждения о предметах чистого разума...» [6, с. 522]. Мыслитель даже хотел составить тогда свое главное сочинение из двух разделов – феноменологии и метафизики (как учения о природе и методе). В понятие «феноменология» он вкладывал тот же смысл, который ему предназначал И. Ламберт. Тот понимал под феноменологией учение о чувственной видимости, влияние которой на сферу рассудка, разума и на метафизику как таковую следует если не устраниТЬ, то по крайней мере ограничить.

Однако в труде «Критика чистого разума» И. Кант свое учение о видимости свяжет уже не с чувственностью в трансцендентальной эстетике, а с диалектикой как логикой видимости, в отличие от аналитики – логики истины. Здесь речь пойдет уже о совсем другом, особом роде видимости – трансцендентальном, который будет ассоциироваться у мыслителя с высшей познавательной способностью – разумом и который он будет считать в принципе неустранимым. Самому термину «диалектика» философ придаст только негативный характер; она фактически предстанет у него в образе софистики, которая, по И. Канту, во все времена была не более чем попыткой выдать ложь за истину. Более того, он назовет ее просто «ничтожной наукой» и отведет ей в своей теории познания очень специфическое место – быть не более чем предостережением от сверхопытного расширения знаний, исследованием иллюзий, но уже иллюзий разума, в которые тот впадает при отсутствии у него дисциплины, предписанной критикой. По мнению мыслителя, «трансцендентальная диалектика довольствуется тем, что вскрывает видимость трансцендентных суждений и вместе с тем предохраняет нас от ее обмана» [1, с. 273]. Ее отрицательное место и значение философ связал с идеей о непознаваемости вещей в себе, к которым диалектика бесполезно устремляет свои взоры, что абсолютно исключает всякую возможность применения к ним чистых понятий рассудка. Именно такое применение категорий к вещам в себе и приводит к трансцендентальной видимости, которая должна быть подвергнута жесткой разоблачающей критике.

Однако в то же самое время философ отметил и неустранимый характер этой видимости: «Следовательно, существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума, не такая, в которой какой-нибудь простак запутывается сам по недостатку знаний или которую искусственно создает какой-нибудь софист, чтобы сбить с толку разумных людей,

а такая, которая неотъемлемо присуща человеческому разуму и не перестает обольщать его даже после того, как мы раскрыли ее ложный блеск, и постоянно вводит его в минутные заблуждения, которые необходимо все вновь и вновь устранять» [5, с. 273].

Центральное место в трансцендентальной диалектике И. Канта заняла антитетика чистого разума, или учение об антиномиях, т. е. о противоречиях, которые возникают, когда разум выходит за границы опыта. И хотя после разрешения антиномий философ опять утверждал об их диалектическом (иллюзорном) характере, крайне негативно отзываясь о смысле диалектики, которую надо радикально устраниć из метафизики, рассматриваемым в ней идеям разума он сам отвел существенную роль как в познании, так и в практике. Его учение об антиномиях было с восторгом воспринято таким настоящим диалектиком, как Г. В. Ф. Гегель. Именно этот раздел труда «Критика чистого разума», в котором его великий предшественник развил учение о противоречиях, тот оценит крайне высоко. Не следует, однако, забывать о том, что в целом само отношение к противоречиям у этих двух философов было предельно разным. Если для Г. В. Ф. Гегеля, как и для классиков марксизма, противоречие трактовалось как универсальный принцип развития мира, то для И. Канта оно всегда ассоциировалось с опас-

ностью для разума, с тем, что может разрушить его, привести к губительному скептицизму в познании, т. е. к тому, что непременно следует устраниć или хотя бы ограничить.

Диалектика И. Канта была нацелена на то, чтобы спасти целостность разума, преодолев наличие в нем противоречивой двойственности. Что же касается последователей мыслителя, начиная с И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля, то для них именно противоречие стало движущей силой развития, а сам процесс познания превратился в переход от одного противоречия к другому путем их обнаружения и разрешения. В данном контексте сегодня нередко звучит все еще кажущаяся крамольной мысль о том, что подлинным основоположником немецкого классического идеализма конца XVIII – первой трети XIX в., а также диалектики следует считать вовсе не И. Канта, а И. Г. Фихте, заслугой которого стала разработка целого ряда системообразующих принципов, впоследствии развитых и усовершенствованных его ближайшими последователями в лице Ф. В. Й. Шеллинга и того же Г. В. Ф. Гегеля. При этом роль и место И. Канта в немецком идеализме не призываются, скорее речь идет об акцентировании истинной уникальности его учения, благодаря которому философия обрела дух основательности и критической рефлексии.

Заключение

В наследии И. Канта существовало две версии диалектики. Первая версия, которая была предложена в докритический период его творчества, может ассоциироваться у нас с традиционным учением о развитии, противостоящим механицизму и спекулятивной метафизике, а вторая версия представляет

собой логику видимости, то, что непременно следует преодолеть разуму на пути к истине. Для преодоления этого препятствия на пути познания истины и был, собственно, написан труд «Критика чистого разума» – текст, призванный выполнить эту грандиозную задачу.

Библиографические ссылки

1. Кант И. *Сочинения в 6 томах. Том 3*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1964; 799 с.
2. Панафиадина ОН. Трансцендентализм И. Канта и немецкий идеализм (к вопросу о некоторых стереотипах экспликации кантовской теоретической философии). *Вопросы философии*. 2011;4:177–186. EDN: NQVXFB.
3. Кант И. *Сочинения в 6 томах. Том 1*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1963. Мысли об истинной оценке живых; с. 52–82.
4. Мотрошилова НВ. *Рождение и развитие философских идей*. Москва: Политиздат; 1991. 463 с. EDN: SCTYSN.
5. Энгельс Ф. Диалектика природы. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 339–627.
6. Кант И. *Трактаты и письма*. Москва: Наука; 1980. Письмо к Ламберту; с. 520–523.

Статья поступила в редакцию 08.01.2025.
Received by editorial board 08.01.2025.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ А. Ф. ЛОСЕВА И Э. КАССИРЕРА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

С. А. СТАСЬКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определены методологические основания языковых теорий А. Ф. Лосева и Э. Кассирера. Доказано, что языковые теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера играют важную роль в философских учениях. Выявлены основные сходства и различия подходов А. Ф. Лосева и Э. Кассирера к языку. Сделан вывод о том, что для возникновения и функционирования языкового символа необходима развитая как в синтаксическом, так и в семантическом аспекте языковая среда.

Ключевые слова: язык; символ; анализ языка; символическая форма; имя.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE THEORY OF LANGUAGE IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE BY A. F. LOSEV AND E. CASSIRER: A COMPARATIVE ANALYSIS

S. A. STASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Nizeliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The methodological foundations of A. F. Losev's and E. Cassirer's linguistic theories are determined. It is proved that the linguistic theories of A. F. Losev and E. Cassirer play an important role in philosophical teachings. A. F. Losev's and E. Cassirer's linguistic theories play an important role in philosophical doctrines. The main similarities and differences of A. F. Losev's and E. Cassirer's approaches to language are revealed. The conclusion is made that for the emergence and functioning of a linguistic symbol a linguistic environment developed both in syntactic and semantic aspects is necessary.

Keywords: language; symbol; language analysis; symbolic form; name.

Введение

Невзирая на определенное различие между теориями символа А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, они имеют много общего, и само понятие символа в его функциональном (логическом) смысле мыслители определяют сходным образом. И для А. Ф. Лосева, и для Э. Кассирера символизм выступает в том

числе функцией человеческого разума, позволяющей формировать единый образ мира на основании чувственных данных и существующих в рамках культуры понятий. Символизм в указанном логическом аспекте проявляется себя в совершенно различных областях человеческой деятельности: в области

Образец цитирования:

Стаськевич С.А. Концептуальные основания теории языка в философии культуры А. Ф. Лосева и Э. Кассирера: компаративный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:8–12.

EDN: HWMWCD

For citation:

Staskevich SA. Conceptual foundations of the theory of language in the philosophy of culture by A. F. Losev and E. Cassirer: a comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:8–12. Russian. EDN: HWMWCD

Автор:

Сергей Александрович Стаськевич – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:

Siarhei A. Staskevich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
6734061@mail.ru

эстетики, науки, философии, религии и др. Однако все эти духовные сферы объединяет то, что их выражает и фундаментом служит язык в качественно разных его формах. И хотя строгий терминологический язык науки существенно отличается от образного языка эстетики, они имеют общие исторические корни, культурный контекст и отчасти принципы функционирования. Последнее обусловлено тем, что развитие языка и человеческого мышле-

ния шло параллельно, и их взаимовлияние породило адекватные друг другу мыслительные и языковые формы. В силу этого историческое развитие языка особенно интересовало философов, разрабатывавших символическую теорию. Среди них, разумеется, были А. Ф. Лосев и Э. Кассирер. Подходам этих двух философов к интерпретации языкового фундамента символизма и будет посвящена данная статья.

Методологические основания анализа языка для философии символа

Любой язык представляет собой систему социально-культурных кодов, с помощью которых фиксируется и хранится социально-исторический опыт, накопленный людьми в разных сферах их жизни и деятельности. Язык является связующим звеном человека и мира, дающим субъекту определенную систему отношений не только к природе и обществу, но и к самому себе. В семиотике – науке, изучающей знаки и знаковые системы, а также их роль в информационных и коммуникационных процессах, – выделяются синтаксический, семантический и прагматический аспекты языка. В рамках синтаксического аспекта язык рассматривается как некоторая система знаков, изменяющихся по определенным правилам и образующих языковую систему. В свою очередь, семантический аспект характеризует смысловое содержание языковых выражений, образующих непосредственный смысл терминов и высказываний языка. Прагматический аспект предполагает рассмотрение языковых выражений в отношении практической деятельности и специфики общения, характерных для определенной исторической эпохи. Все три измерения языка образуют единое смысловое пространство символа.

Охарактеризуем общие предпосылки возникновения и существования символа в теориях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера. Первый мыслитель применял онтологический подход, согласно которому основанием символа выступает вещь как носитель некоего божественного смысла (идеи), через который только сама вещь и может существовать. Для Э. Кассирера важным представляется функциональный подход, который раскрывается в его теории познания и философии культуры.

Но и символ как функция, и символ как суть нуждаются в выражении средствами развитого языка. Причем более простые типы знаков (индексальные или иконические) вполне могут выражаться с помощью синтаксиса. А символ для своего появления нуждается в весьма развитой семантике. Данное обстоятельство связано с тем, что символ как особый тип знака предполагает объединение разнородных на первый взгляд свойств и вещей культуры, в рамках одного абстрактного понятия. Абстрактность такого понятия не позволяет ему выражать столь обширный комплекс смыслов сугубо за счет своего положения в предложении, фонетических или морфологических особенностей. Ассоциативных связей здесь тоже будет недостаточно. Необходимо образование сложных семантических связей в самом языке, в рамках которых могли бы транслироваться и усваиваться тончайшие оттенки смысла. Подобный механизм характерен для развитых языков зрелых культур.

Однако именно сравнение современных языков с древними или существующими и по сей день в рамках узкой этнической группы позволяет проследить едва заметные на первый взгляд исторические изменения в человеческом мышлении. Подобные сведения вполне можно получить и путем анализа развитого современного языка, в котором всегда сохраняются некоторые следы иных мыслительных подходов и способов употребления слов. Подобным анализом занимались как А. Ф. Лосев, так и Э. Кассирер. В области, где философия непосредственно связана с лингвистикой как наукой, разница между их теориями символа фактически стирается, уступая место своеобразным подходам и наблюдениям, вполне дополняющим друг друга.

Роль анализа языка в философских учениях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера

Если обратить внимание на теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера в целом, то нельзя не отметить, что язык в них имеет разный статус. Для Э. Кассирера язык является одной из символических форм, развивающихся наравне с остальными формами и в тесной взаимосвязи с ними. Для А. Ф. Лосева

язык представляет собой отдельную, важную область бытия наряду с мышлением и действительностью. Однако эта разница не упраздняет присущее обоим подходам понимание жизненного динамизма языковой среды и ее тесной взаимосвязи с развитием когнитивных способностей человека.

В учении Э. Кассирера язык выполняет особую функцию, потому что в основе формообразования других символических форм (искусство, наука и др.) лежит уже осуществленное языковое формообразование [1, с. 160]. Впрочем, это совсем не значит, что язык всегда предшествует другим формам и определяет их развитие. Совершенствование языка на практике идет параллельно с человеческим мышлением и осмыслинением действительности – следовательно, ни язык, ни, например, миф не предшествовали друг другу, а развивались параллельно. В то же время язык пронизывает собой все достижения духовной культуры и, как выразитель человеческого разумного мышления, занимает в системе немецкого философа особое место.

Согласно Э. Кассиреру, в человеческом языке так же, как и в мышлении, преодолевается хаос чувственных впечатлений, уступая место представлению и созерцанию (которое, сохранив кантианскую суть, приобретает символический характер). Посредством языка как системы знаков человек начинает творить смыслы, фактически формируя образ мира [1, с. 164]. Разумеется, развитие мышления и символических форм ведет к разветвлению языка, таким образом появляются языки мифа, естественной науки и др. Но начинается этот процесс согласно Э. Кассиреру с объективации и абстрактного выражения человеческого тела, именование которого и дает первоначальное развитие основополагающим понятиям языка [1, с. 166].

Для Э. Кассирера основополагающими абстрактными понятиями языка выступают среди прочих понятия числа, времени и пространства. В ходе весьма обстоятельного исследования языков древних народов философ пришел к выводу о том, что все эти понятия в их современной разработанной и тщательно отрефлексированной форме являются не природной данностью языка и ума, а их огромным достоянием, результатом долгого духовного развития людей определенных культур. Так, например, Э. Кассирер ссылается на исследования, согласно которым в ряде языков отсутствует понятие числа как абстрактного количества, а у носителей этих языков не развита способность к счету, который выходил бы за рамки мысленной привязки конкретного предмета к частям человеческого тела [2, с. 160–162]. Иными словами, возникновение языка и мышления связано с качествами чувственно-материальных вещей. В том, чтобы выйти за их пределы, состоит огромное достижение человеческого разума, и этот процесс не был осуществлен одномоментно, а занял длительный исторический отрезок и включил множество промежуточных этапов.

То же самое можно отметить и в осмыслинении времени, которое рядом народов воспринимается не трехчастным, со множеством промежуточных состояний, а разделенным согласно положению «сей-

час – не сейчас» [2, с. 150–151]. При этом стоит отметить, что, например, племена охотников имеют весьма детальное представление о природных циклах, и данный факт отчасти является залогом их выживания. Но ни время, ни число, ни пространство не освоены этими племенами в той степени абстракции, когда эти понятия становятся оторванными от качеств окружающей среды и образуют преимущественно духовный, универсальный в своем применении к явлениям и вещам символ. Учитывая, что именно данные понятия являются для Э. Кассирера «основными созерцаниями» в кантовском смысле, которые создают условия для синтеза феноменов в единое понятие мира, можно предположить, что мир в его конструктивном понимании выступает едва ли не всецелым достоянием языка [2, с. 157]. Достоянием языка, равно как и достоянием мышления, можно считать и символ.

Обращаясь к анализу языка, А. Ф. Лосев так же, как и Э. Кассирер, попытался не только утвердить и упрочить идею связи исторической динамики языка и мышления, но и проследить основные вехи этой динамики как в грамматическом, так и в семантическом аспектах языка. По мнению философа, грамматика и лексика позволяли приспособливать язык к нуждам меняющегося человеческого мышления там, где это было наиболее уместно. Например, согласно А. Ф. Лосеву так называемая полная инкорпорация в языке (добавление к глагольной основе другого, связанного с ней слова, в результате чего происходит образование сложного слова, называемого инкорпоративным комплексом) позволила выразить зародившуюся в мышлении субъектность. В свою очередь, конкретизация подлежащего и скажемого, а также увеличение их выразительного по отношению к свойствам и качествам потенциала, связаны с постепенным разложением древнего тотемизма и фетишизма [3, с. 282]. Такого рода анализ языка, в связи с типом мышления общества на определенном этапе его развития, А. Ф. Лосев пытался осуществлять и в дальнейшем. Разнородный исторический материал дает необъятный простор для подобных исследований.

Так как одним из основополагающих для А. Ф. Лосева было понимание мифа как бытия, которое человек непосредственно переживает в символе (в индивидуальной действительности, созданной при помощи символа), согласно логике мыслителя более полное представление о языке в его тесной взаимосвязи с мышлением можно получить при анализе не только их самих, но и мифа, в котором язык и мышление получают конкретно-чувственное оформление и выражение. Подобное выражение происходит в культуре, которая была предметом пристального интереса и русского, и немецкого философов. Эта позиция сближает подходы А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, поскольку последний тоже выступал за комплексность

в изучении духовных феноменов: «Философия символических форм занята не исключительно и даже не в первую очередь чисто научными, точными способами понятийного постижения мира, но всеми направлениями миропонимания» [4, с. 20]. Иное понимание мифа у немецкого философа здесь не должно вводить в заблуждение, ибо то, что А. Ф. Лосев определяет как миф, для Э. Кассирера является жизнью (в индивидуальном образе мира). Это разделение имеет скорее терминологический характер, не влияющий на суть подходов и методов.

Действительно сближает А. Ф. Лосева и Э. Кассирера признание мифичности естественного языка, т. е. слова как носителя особого, сакрального смысла [1, с. 171]. Причем для Э. Кассирера эта сакральность (склонность человека отождествлять слово, образ и суть предмета в их единстве со смыслом иного, высшего порядка) не является поводом для создания религиозной философии. Признавая в слове естественного языка мифический элемент, философ лишь стремится, исходя из этого факта, определить принципы, на которых зиждется понимание мира говорящим: «Язык улавливается не как абстрактная форма мышления, но он должен пониматься как конкретная жизненная форма» [4, с. 49]. А. Ф. Лосев, как философ с религиозным уклоном, признает подобный подход к языковому выражению наиболее адекватным как человеку, так и самому бытию. Русский мыслитель распространяет выводы о мифичности языка не только на естественный, стихийно возникший язык, но и на искусственные языки, в том числе на язык современной науки.

Иными словами, оба философа признают необходимым отождествление имени и сущности вещи, но Э. Кассирер считает это частным случаем, характерным для естественного языка и мифа как своеобразных символических форм: «Миф еще не знает того раскола между “реальным” и “ирреальным”, между “действительностью” и “видимостью”, который осуществляется чисто теоретической объективацией и который ей по необходимости приходится осуществлять» [4, с. 62]. В свою очередь, А. Ф. Лосев придает необходимости подобного отождествления вид всеобщего правила, где каждая языковая активность, вне зависимости от области культуры, приобретает характерные для мифа черты.

Таким образом, та же разница, что ранее была выявлена в отношении знака, сохраняется и в отношении слова. Для А. Ф. Лосева язык имеет религиозно-философский статус, а слово обладает не просто множеством значений в контексте языка, позволяя при этом мышлению осуществить ту или иную смысловую операцию, но и религиозной функцией связи человеческого и божественного. Все остальные статусы языка по отношению к этому в творчестве русского философа вторичны [5, с. 301]. Вторичным остается и тот сугубо функциональный гносеологи-

ческий, феноменологический статус, который придает языку Э. Кассирер.

Подобные различия в теориях исследователей объясняются тем, что А. Ф. Лосев по праву может считаться продолжателем византийской философско-богословской традиции, корни которой восходят к неоплатонизму. Позже систему религиозного философствования, в рамках которой Бог действует через энергию, воплощенные в имени, назовут имяславием [5, с. 301]. Это направление было весьма популярно в те времена, когда начинал творить А. Ф. Лосев. Ключевую онтологическую идею имяславия мыслитель пронес через всю свою жизнь. Совсем иные философские ориентации имел Э. Кассирер – представитель марбургской школы неокантианства. Как последователя кантианской философии его интересовали в первую очередь когнитивные способности человека, которые исследователь рассматривал в контексте понятия культуры. Неудобную для кантианства тему мира вещей немецкий философ по возможности старался игнорировать, не постулируя ни кантианских вещей в себе, ни положений, согласно которым слово соответствовало бы сути вещей. Напротив, для Э. Кассирера верным показателем развития культуры является движение от использования чувственного восприятия к чистому (абстрактному) знаку [6, с. 53–54]. Сама вещь, по отношению к которой употребляется знак, формируется в духе, а ее объективные свойства выступают преимущественно духовным образованием.

С вышеупомянутой разницей связано и еще одно отличие в подходах к анализу языка у А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, причем во многом это отличие методологического плана. Для Э. Кассирера язык и его динамика скорее в феноменологическом аспекте, значит и развитие языка у философа зачастую рассматривается в отрыве от реальных материальных условий и нужд исторической эпохи. Развитие языка для Э. Кассирера, как и развитие культуры, происходит преимущественно в духовной сфере, поэтому исследователь в своем труде «Философия символических форм» ограничился кантианской умозрительностью, лишь выборочно подкрепляя выводы разума конкретными эмпирическими данными лингвистики, истории и антропологии [1, с. 160].

Более последовательно использовал метод историзма А. Ф. Лосев, для которого материальные условия развития культуры всегда прямо или косвенно влияли в том числе и на язык [7, с. 3–4]. В трудах русского философа встречается не только трактовка синтаксического и семантического аспектов языка в их связи с изменением мышления, но и дополнение вышесказанного материальным обоснованием, в основе которого лежат факты истории и быта. Интеллектуальная и идеологическая среда, в рамках которой большую часть жизни творил А. Ф. Лосев, весьма располагала к использованию подобного подхода.

Заключение

А. Ф. Лосев и Э. Кассирер предложили тщательно разработанные теории языка, в рамках которых стало возможным обращение к основному предмету интереса философов – символу. Символ и для А. Ф. Лосева, и для Э. Кассирера является феноменом, образующимся на стыке языка, мышления и действительности, и имеет как организационную, логическую, формообразующую, так и выразительную, смыслообразующую функции, которые на практике тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Язык, в особенности его семантический аспект, развиваясь, предлагает мышлению новые формы абстрактного выражения, потому анализ языка может многое дать для понимания генезиса человеческого мышления, равно как и наоборот. Таким образом, лингвистика и философская гносеология в равной степени необходимы для понимания происхождения символических форм в человеческом сознании. Оба философа признавали в языке элемент творческой активности, чувственной спонтанности и произвольности, что является важным условием существования символа. Безусловно, А. Ф. Лосев и Э. Кассирер делали большой упор на динамизме развития языка и его фундаментальном значении для формирования всей человеческой культуры, а также погруженного в нее индивидуального бытия. Указанные аспекты сближают языковые теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера в культуроедческом, лингвистическом и гносеологическом аспектах.

Следовательно, методологическими основаниями анализа языка для философии символа являются следующие положения:

1) символизм пронизывает человеческую культуру в целом, однако наибольшую силу и изощренность в обобщении и выражении символ обретает в языке;

2) для анализа символа в контексте языка необходимо четко разделять его прагматический, синтаксический и семантический аспекты. Анализ всех

трех аспектов важен и необходим для анализа символа, но особенную познавательную ценность представляет семантика;

3) язык развивается и приобретает спецификации в рамках символических форм культуры (языка науки, эстетики, мифа и др.), что делает его прекрасным плацдармом для выявления различных аспектов символизма;

4) в языке сохраняются следы форм мышления и паттернов поведения, смысловых образований, характерных для разных исторических эпох, поэтому анализ языка предоставляет теории символа многообразные и ценные исторические сведения относительно генезиса символических форм культуры.

Стоит заметить, что в языковых теориях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера есть существенные различия. Символ для А. Ф. Лосева является посредником между человеком и Богом, местом соприкосновения смысла и идеи. Символизм для русского философа – это процесс богоопознания и миропознания на доступном человеку уровне. И именно в таком статусе символ обретает свою настоящую ценность, по отношению к которой все его прочие аспекты становятся вторичными. Если в плане синтаксиса философ сблюдает научную строгость, то семантика языка становится для А. Ф. Лосева сферой онтологии (имя – выразитель божественной сути вещи), в то время как Э. Кассирер строго и последовательно следует неокантианской, абстрагированной от вопросов об онтологическом статусе вещей теории познания. Аксиома имяславия «имя бога есть Бог, но Бог не есть имя» подспудно подразумевается и сохраняется во всех теоретических изысканиях русского философа, что выводит между разработанной им теорией и теорией Э. Кассирера непреодолимый в мировоззренческом аспекте барьер, который впрочем не мешает специалистам в области языка и мышления активно использовать достижения двух выдающихся мыслителей своего времени.

Библиографические ссылки

1. Стрельник ОН. Э. Кассирер о связи мифа и языка. *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2004;1:157–175.
2. Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 1, Язык*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга; 2002. 270 с.
3. Лосев АФ. *Знак. Символ. Миф*. Москва: Московский университет; 1982. 453 с.
4. Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 3, Феноменология познания*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга; 2002. 397 с.
5. Соваков БН. О языковой концепции А. Ф. Лосева. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2013;16:300–304.
6. Карымова СМ. Философия Э. Кассирера в исследовании вещного мира традиционных культур. *Вестник Томского государственного университета*. 2010;340:53–56.
7. Лосев АФ. *Античная мифология в ее историческом развитии*. Москва: Министерство просвещения РСФСР; 1957. 617 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 32.019.5

«УМНЫЙ ПОЛЕМОС»: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ

С. Н. ФЕДОРЧЕНКО¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Аннотация. Выявлены особенности применения технологий искусственного интеллекта в современных информационных войнах, концептуализирован политический феномен «умного полемоса». В рамках нового концепта «умного полемоса» предложено сконцентрировать внимание исследователей на практиках использования алгоритмов в информационном противоборстве, в том числе в вооруженных конфликтах. Показан широкий диапазон использования технологий «умного полемоса» (от цифровых манипуляций, цифровой пропаганды, создания дипфейков до систем сопровождения боевых операций и практик применения кибероружия). Сделан вывод о том, что, несмотря на вызовы и риски развития «умного полемоса» в сфере сопровождения информационно-боевых операций, интеллектуальные системы чаще используются в цифровых психологических манипуляциях. Изучены кейсы политической интриги, создаваемой посредством применения искусственного интеллекта в информационных операциях, отмечены использование многоходового стратегического сценария, наличие заказчика, его целей и «мишени»-жертвы в структуре данных интриг. В ответ на вызовы, угрозы и риски «умного полемоса» предложен ойкуменный подход, который подразумевает формирование цифровой ойкумены государства и его союзников.

Ключевые слова: «умный полемос»; искусственный интеллект; ИИ; информационные войны; алгоритмы; информационно-психологическое воздействие; политические манипуляции; цифровая ойкумена.

Образец цитирования:

Федорченко СН. «Умный полемос»: искусственный интеллект в информационных войнах. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:13–22.

EDN: KMTHUJ

For citation:

Fedorchenko SN. «Smart polemos»: artificial intelligence in information wars. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:13–22. Russian.

EDN: KMTHUJ

Автор:

Сергей Николаевич Федорченко – доктор политических наук, доцент; доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии.

Author:

Sergey N. Fedorchenko, doctor of science (politics), docent; associate professor at the department of history and theory of politics, faculty of political science.
s.n.fedorchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>

«SMART POLEMOS»: ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INFORMATION WARS

S. N. FEDORCHENKO^a

^aLomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. The article reveals the specific features of using artificial intelligence technologies in modern information wars and conceptualises the political phenomenon of «smart polemos». Within the framework of the new concept of «smart polemos», it is proposed to focus the attention of researchers on the practices of using algorithms in information confrontation, including armed conflicts. A wide range of «smart polemos» technologies is shown (from digital manipulations, digital propaganda, creating deepfakes to combat operations support systems and cyberweapons use practices). It is concluded that, despite the challenges and risks of developing «smart polemos» in the field of supporting information and combat operations, intelligent systems are more often used in digital psychological manipulations. Cases of political intrigue created through the use of artificial intelligence in information operations are studied; the use of a multi-move strategic scenario, the presence of a customer, his goals and a «target»-victim in the structure of these intrigues are noted. In response to the challenges, threats and risks of «smart polemos», an ecumenical approach is proposed which implies the formation of a digital ecumene of the state and its allies.

Keywords: «smart polemos»; artificial intelligence; information wars; algorithms; information and psychological influence; political manipulation; digital ecumene.

Полемос (Война) – отец всех существ и царь всех существ,
одних он обращает в богов, других в людей,
одних делает рабами, других – свободными.
Гераклит. *О природе*¹

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все больше внедряются в экономическую и социально-политическую жизнь современного человека, так как обладают «сквозными» признаками (охватывают множество сфер). «Умные» алгоритмы используются в обработке больших данных, предиктивной аналитике, автоматизации производства, интеллектуальном сопровождении бизнес-процессов, логистики, электронной коммерции, сельского хозяйства, здравоохранения, транспорта, туризма, совершенствовании государственного управления, улучшении имиджа политических лидеров, продвижении бренда партий, прогнозировании выборов и политическом моделировании. Но технологии ИИ применяются не только в мирных целях, происходит их активное проникновение в информационно-военную сферу, что определяет необходимость внедрения в политическую науку и полемологию отдельного термина – «умный полемос» (*«smart polemos»*).

«Умный полемос» (др.-греч. Πόλεμος – божественное воплощение, олицетворение войны; спутник бога войны Ареса, упоминаемый в сочинениях Пиндара, Квинта Смирнского и Аристофана) – это политический феномен, означающий использование технологий ИИ в вооруженных конфликтах, в том числе в информационных войнах. О феномене «умной» войны было пророчески заявлено в басне Эзопа, сохранившейся через переложение Валерия Ба-

брия и дошедшей до нас в классификаторе Э. Перри. Согласно этой басне, когда боги женились, Полемосу досталась в жены Гибрис – демон неподобающего поведения, гордыни, дерзости и потакания худшим склонностям. Этот античный источник в очередной раз подчеркивает фундаментальную характеристику любой информационной войны, сохранившуюся до настоящих времен, – целенаправленное манипулятивное влияние на противника и его решения посредством информации. Именно на это обращал внимание доктор технических наук, один из основоположников российской научной школы изучения информационных войн С. П. Растворгусев, отмечавший, что целью информационного воздействия выступает изменение поведения некоей системы, которая начинает руководствоваться чужими, а не собственными интересами. Противник ориентируется именно на информационные мишени, стремясь привить большинству элементов информационной системы конкурента чужие ценности. Существуют даже попытки выявить алгоритмически управляемые идентичности [1]. Суть «умного полемоса», как политического феномена, базирующегося на манипулятивных технологиях воздействия нейросетевых алгоритмов, становится более понятной, если учесть основной закон информационной войны, описываемый в научных работах С. П. Растворгусева: «Доказанная взаимосвязь несуществующих событий стано-

¹Перевод А. В. Лебедева. См.: Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб. : Наука, 2014. С. 155.

вится законом, определяющим поведение реальных субъектов» [2, с. 7]. Ближе всего к пониманию сущности «умной» войны подошел российский исследователь С. Б. Переслегин, выделивший «войну Афины» (война ума и технологий), «войну Ареса» (война силы, армий) и «войну Аполлона» (война смыслов)² [3].

Правда, в определении самой механики «умной» войны до сих пор сохраняется неопределенность. Если французские аналитики Р. Гийонно и А. ле Дез выделяют в работе кибервоинов три тактических режима: оборонительный режим, наступательный режим и режим безопасности [4], то С. П. Растворгувев считал наиболее важным маркером информационной войны именно наступательный характер информационного оружия. Не случайно Г. Киссинджер, Э. Шмидт и Д. Хаттенлокер подчеркивают сложность проблемы разграничения наступления и обороны, неоправданной агрессии и допустимого упреждения в области применения «умного» оружия государствами [5, с. 152] (авторы даже предлагают новый термин «страны – лидеры в области использования ИИ», описывающий государства, которые

обладают «умным» оружием (Россия, США, Китай)). Между тем в настоящей работе рассматриваются в основном видимые проявления «умного» информационного оружия (факты использования ИИ в беспилотных летательных аппаратах и автономном оружии в современных конфликтах не освещены).

«Умный полемос» предполагает, что интернет уже пережил некоторую милитаризацию, в ходе которой в его архитектуру проникли представители армии, киберподразделений, органов государственной власти, хакерских группировок и частных военных компаний. Достаточно вспомнить, как и кем создавалась сеть ARPANET, прототип интернета. Другими словами, в цифровых коммуникациях изначально стала формироваться модель инфраструктуры с применением информационных технологий, а также складывались социально-экономические и политические условия, подготовившие наступление эры информационного оружия. Сейчас исследователи говорят о вепонизации – возникновении в цифровых коммуникациях информационного оружия, в том числе на базе технологий ИИ (*weaponisation of AI*) [6].

Материалы и методы исследования

В данной работе используется принцип триангуляции, предполагающий сочетание нескольких методов. Во-первых, для изучения академической литературы по теме использования технологий ИИ в информационных конфликтах применяется критический дискурс-анализ. Во-вторых, в целях анализа реальных фактов применения технологий ИИ в информационных конфликтах и понимания мотивов заказчиков этих технологий – политических акторов используется метод кейс-стади. В-третьих, феномен «умного полемоса» рассматривается через модель политической интриги, предложенной российским исследователем, доктором политических наук В. В. Разуваевым. Согласно этой модели политическая интрига создается посредством как минимум двух ходов интригующей стороны [7, с. 53–54]. Например, если первым ходом является заказ разработки дипфейка (от генерированного текста до синтетического видео) и его распространение в интернете, то вторым ходом будет выступать скандализация, негативизация образа политического конкурента и его сторонников. В случае сложной политической интри-

ги применяется многоходовый стратегический сценарий («многоходовка»).

Современная «многоходовка», как ключевая методика политической интриги, использует все преимущества и возможности цифровых технологий. В этом контексте особо интересна обнаруженная представителем Торонтской школы коммуникативистики М. Маклюэном закономерность: влияние средства коммуникации становится более интенсивным, если оно сочетается с другим средством коммуникации [8, с. 29]. Это гениальное предвидение канадского мыслителя имеет прямое отношение к военно-политическим эффектам, возникающим благодаря применению технологий ИИ в цифровых коммуникациях (сочетание технических средств создает как новые возможности для интересантов, так и новые вызовы, угрозы, риски для их жертв). М. Маклюэн полагал, что любая технология может рассматриваться как оружие, а автоматизация не только проникает в городское планирование и промышленность, но и связывает государство с социальными фактами [8, с. 440, 450]. Каковы научные подтверждения «умного полемоса»?

Краткий обзор исследований

В научных исследованиях давно обращается внимание на то, что использование технологий ИИ, практикующееся в информационных войнах, сопровождается самыми разными психологическими эффектами, создает условия для возрастания степени

подверженности массового сознания манипуляциям и влияет на процесс усвоения деструктивной информации. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что существуют уязвимые к информационным манипуляциям такого типа группы – молодежь и люди

²Бакланов И. Война Афины // ИнформКурьер-Связь : сайт. URL: <https://www.iksmedia.ru/articles/5846322-Vojna-Afiny.html> (дата обращения: 15.11.2024).

пожилого возраста. Психологи Т. А. Нестик и Е. А. Михеев также отмечают, что интеллектуальные системы применяются в информационных войнах для пропаганды, автоматизированного фишинга и репутационных манипуляций в ходе дипломатической работы [9]. Большой потенциал новой цифровой (вычислительной) пропаганды, использующей возможности технологий ИИ, отмечают и современные исследователи в области политической науки [10].

Экзистенциальный характер рисков и угроз «умного полемоса» для общества и государства дополнительно подтверждают результаты проекта, инициированного американскими исследователями, которые поставили эксперимент на пяти моделях ИИ (*GPT-4-Base*, *Llama-2-Chat*, *Claude 2.0*, *GPT-3.5* и *GPT-4*). Ученые хотели выяснить, как будут реагировать, какие решения предложат интеллектуальные системы при трех сценариях развития отношений между странами – вторжении, кибератаке и бесконфликтной обстановке. Результаты симуляции показали, что все пять моделей допустили эскалацию международных отношений и труднопредсказуемые варианты эскалации, вплоть до развертывания ядерного оружия [11]. Особенno жесткие решения предлагала модель *GPT-4-Base*. Драматичность положения состоит в том, что ученые из компании *Anthropic*, организовавшие исследовательский проект в области больших языковых моделей, тоже пришли к неутешительным результатам. Первый эксперимент, в ходе которого использовались подсказки для ИИ, составленные на базе опросов, которые были проведены в рамках проектов *World Values Survey* и *Pew Research Center's Global Attitude and Trends*, показал, что ответы интеллектуальных моделей сходны с распределением мнений жителей США, Австралии, Канады, некоторых стран Европы и Латинской Америки, тогда как, например, мнения граждан России и Китая учитывались в меньшей степени. Второй эксперимент предполагал применение подсказок уточнений по странам, однако модели продемонстрировали связь с устоявшимися стереотипами, а не глубокое знание специфики духовно-нравственных ценностей России и Китая. Третий эксперимент, в процессе которого использовались лингвистические подсказки (вопросы на русском языке), выявил, что даже при таком условии модели генерируют ответы, сходные с мнениями граждан США, Канады и некоторых европейских стран, а не жителей России. Авторы сделали выводы о том, что языковые модели могут распространять предубеждения, приводить к гомогенизации убеждений, взглядов, продвигать определенные типы мировоззрения и политические идеологии³.

Последние разработки в сфере языковых моделей заставляют серьезно задуматься о возрастающих возможностях «умного полемоса» в цифровой пропаганде, моделировании и имитации политического поведения посредством создания активности искусственных социальных групп. Исследователи с факультета политической науки и факультета компьютерной науки Университета Бригама Янга предложили концепцию алгоритмической точности (*algorithmic fidelity*), согласно которой языковые модели наподобие чат-бота способны конструировать алгоритмические копии разных социальных групп. В соответствии с предположением ученых об алгоритмической точности [12] генерируемые ИИ тексты выбираются из комбинации разных распределений вероятностей, а не из одного всеобъемлющего распределения. Другими словами, языковая модель дает результаты и интегрирует эффекты, которые коррелируют с паттернами, идеями, опытом, мнением, отношениями и установками разных групп людей. Проведенный над искусственными выборками таких социальных групп с генерацией синтетического набора данных эксперимент продемонстрировал хорошую способность модели *GPT-3* имитировать ответы представителей американских демократов и республиканцев. Авторы исследования признают, что возможности таких языковых моделей могут использоваться в целях манипуляции и дезинформации.

В рамках другого проекта интеллектуальная система провела интервью с 1052 респондентами. Результаты интервью были преобразованы в текст, на основе которого чат-бот *GPT-4o* смоделировал генеративных агентов. Результаты показали, что генеративные агенты с точностью в 85 % воспроизводили ответы реальных людей-респондентов⁴. Получается, что созданная система агентов может имитировать индивидуальное и коллективное поведение, что не только открывает новые перспективы для политического прогнозирования, но и подтверждает высокие риски влияния ИИ на провоцирование информационных конфликтов на основе синтетических пользователей – генеративных агентов. Не даром белорусские исследователи Д. Г. Доброродний и А. И. Верещако отметили, что технические объекты ИИ уже фактически «могут претендовать на статус социального актора» [13, с. 73]. Сходные выводы сделаны и в российской политической науке [14].

Не так давно группа ученых из Центра имени Гельмгольца (Мюнхен) предприняла попытку создать единую теорию познания с помощью экспериментальной проверки разработанной им на базе алгоритма *Llama 3.1 70B* модели *Centaur*. Вычислительная модель *Centaur* была дополнительно обуче-

³Towards measuring the representation of subjective global opinions in language models [Electronic resource] / E. Durmus [et al.]. URL: <https://arxiv.org/abs/2306.16388> (date of access: 23.11.2024).

⁴Generative agent simulations of 1,000 people [Electronic resource] / Joon Sung Park [et al.]. URL: <https://arxiv.org/abs/2411.10109> (date of access: 23.11.2024).

на основе данных базы *Psych-101*, включающей свыше 10 млн ответов от более чем 60 тыс. участников 160 психологических экспериментов. База данных *Psych-101* содержит результаты многочисленных когнитивных исследований человеческого поведения (памяти, процессов принятия решений (по Маркову), игровых автоматов, обучения с учителем). В ходе обучения через низкоранговые адаптеры (дополнительные обучаемые модули) система фокусировалась на моделировании поведения человека. В результате алгоритм *Centaur* стал не только первой моделью, отвечающей большинству критериев А. Ньюэлла (от работы в реальном времени, проявления адаптивного поведения до использования и интеграции обширных знаний об окружающей среде и применения естественного языка), но и моделью, которая может прогнозировать и моделировать поведение человека в самых разных областях (от политики до экономики). Также дополнительная проверка показала, что полученная модель способна прогнозировать человеческую нейронную активность⁵. О высоких политических рисках существования искусственных выборок социальных групп свидетельствует обнаруженная в 2023 г. учеными из Индианского университета и Северо-Восточного университета (Бостон) на платформе *X (Твиттер)*⁶ сеть ботов (*botnet*, ботнет) [15]. Боты использовали изображения и имитировали поведение людей, отвечая друг другу и формируя иллюзию общения. Еще М. Маклюэн писал, что технологии меняют образцы восприятия и чувственные пропорции [8, с. 30].

Между тем не все исследователи согласны с тем, что последние открытия в области генеративного ИИ обязательно приведут к масштабному росту по-

литико-психологических манипуляций и появлению информационных войн нового, алгоритмического типа. Скептики считают недоказанным тот факт, что ИИ способен генерировать более персонализированный и убедительный контент в целях дезинформации⁷. Хотя эксперимент с алгоритмами сервиса *Netflix*, напротив, показал, что интеллектуальные системы могут способствовать появлению высокого уровня персонализации предпочтений пользователей [16]. ИИ приводит к эффекту алгоритмического самоподтверждающегося эстетического потребления, снижая интерес человека к альтернативному контенту.

Есть определенные сомнения и по поводу возможностей дипфейков (технологий ИИ, использующихся для синтезирования голоса, изображения, в том числе в целях манипуляции). Например, экспериментальное исследование, проведенное в Нидерландах, дало понять его организаторам, что дипфейк не оценивался респондентами как более убедительная форма информации, чем текст. Результаты реализации проекта показали, что дипфейки не являются такой опасной дестабилизирующей силой для общественного порядка, как предполагалось в других научных работах. По мнению авторов эксперимента, дипфейк не может сам по себе воздействовать на политическую поляризацию. Вместе с тем авторы исследования уверены, что со временем дипфейки могут оказать более значительное влияние на поведение и убеждения людей. По оценке авторов, современные дипфейки обладают только косвенным влиянием, снижая лишь доверие человека к новостям [17]. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к анализу кейсов.

Анализ кейсов «умного полемоса»

Проведенный анализ практик «умного полемоса» (применения ИИ в информационных войнах и конфликтах) позволяет назвать несколько технологий деструктивного информационного воздействия такого рода. Во-первых, к цифровым манипуляциям можно отнести широкий спектр информационно-психологических операций по обману и вводу в заблуждение в политической, общественной сферах и бизнес-сфере. Как правило, под такими манипуляциями подразумеваются дипфейк-видео, дипфейк-фото, голосовые, текстовые дипфейки и др. Также политические манипуляторы часто используют разные техники информационного воздействия, аккумулируя их аудио- и видеоэффект, а также тексто-

вые эффекты в одном дипфейке. Во-вторых, к области применения кибероружия можно отнести специфические информационные операции и процедуры, нацеленные на подрыв кибербезопасности и снижение (ликвидацию) защитных функций информационных систем противника. Использованием кибероружия можно считать применение интеллектуальными системами распознавания неживых и живых целей; генерацию эксплайтов с помощью технологий ИИ (программ, фрагментов программных кодов, ориентированных на нахождение уязвимых мест в программном обеспечении противника); распределенные автоматизированные атаки; организацию кибератак на системы машинного обучения;

⁵*Centaur: a foundation model of human cognition* [Electronic resource] / M. Binz [et al.]. URL: <https://arxiv.org/abs/2410.20268> (date of access: 23.11.2024).

⁶Доступ к платформе *X (Твиттер)* был ограничен в России на основании решения Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 февраля 2022 г.

⁷*Simon F. M., Altay S., Mercier H. Misinformation reloaded? Fears about the impact of generative AI on misinformation are overblown* [Electronic resource] // Harvard Kennedy School. Misinformation Review. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/misinformation-reloaded-fears-about-the-impact-of-generative-ai-on-misinformation-are-overblown/> (date of access: 23.11.2024).

обращение к системам машинного обучения при поиске уязвимых мест цифровых систем противника; массовый фишинг; автоматизированное тестирование полученных эксплойтов; адаптивные фишинговые атаки, обход систем безопасности; автоматизированное распространение вредоносного программного обеспечения. Среди интересантов (заказчиков создания и применения кибероружия) могут быть так называемые киберармии – специальные подразделения армий государств, занимающиеся кибернаступлением (информационными атаками) и обеспечивающие киберзащиту (кибероборону). В отличие от цифровых манипуляций использование кибероружия может приводить к более серьезным киберфизическим последствиям. Заказчиками цифровых манипуляций могут быть политические партии, лидеры, организации и движения, в том числе и радикального толка, а также власти. Технологии цифровых манипуляций и кибероружия часто применяются вместе, поэтому их не всегда бывает легко четко отделить друг от друга.

Авторы связывают использование дипфейков с общими цифровыми манипуляциями, на эффективность которых влияют такие факторы, как эмоциональная привлекательность контента (привокация гнева, страха и других эмоций, позволяющих подавлять критическое мышление), персонализация контента (технологии ИИ помогают ориентировать манипуляцию на ценности и убеждения человека), его повторяемость (облегчает запоминание контента), социальное влияние (контент, одобряемый сообществом на цифровых платформах, может привлечь внимание отдельного человека), достоверность (к источнику контента должно сформироваться доверие), временные ограничения (манипуляция более эффективна, если у людей нет времени на проверку контента), осведомленность пользователей (те люди, которые знакомы с манипуляциями, способны с ними бороться) [18]. Примечательно, что компания *Sumsup*, специализирующаяся на анализе дипфейков, в ходе своего исследования установила, что в 2024 г. по сравнению с предыдущим годом произошел серьезный рост числа использований дипфейков по всему миру (более чем на 245 %). Широкое применение дипфейков авторы исследования связывают с выборами. М. Маклюэн в прошлом веке пророчески писал о «войне икон», фундаментальном росте влияния технологий: «...после битвы переместилось в ментальное созворение и сокрушение образов – как в войне, так и в бизнесе» [8, с. 136]. Дипфейки участвуют в процессе ремифологизации современного политического сознания, так как «миф есть мгновенное целостное видение сложного процесса», о чем писал канадский исследователь [8, с. 39].

Эксперты обращают внимание на то, что появляются все больше различных систем на основе

технологий ИИ, которые анализируют данные для осуществления наступательных информационных операций. Среди функций таких интеллектуальных систем выделяют атаки на базы данных приложения; запуск сложных кибератак и имитацию пакетов для обновления, удаления и установки программ; отбор информации на базе алгоритмов распознавания лиц; создание вредоносного программного обеспечения, обходящего системы безопасности; автоматизированный сбор информации; создание шаблонов для кибератак [6].

В качестве одного из первых ярких примеров информационной операции на основе технологий ИИ в политике можно привести видео, появившееся в интернете в мае 2018 г., на котором американский президент Д. Трамп высмеивал правительство Бельгии за то, что оно не вышло из Парижского соглашения по климату. Политический дипфейк спровоцировал обсуждения между бельгийскими жителями в социальных сетях. Часть бельгийцев возмущались вмешательством американского президента в политику независимой страны. Позже выяснилось, что разработку этого дипфейка на основе машинного обучения заказала производственной студии бельгийская социал-демократическая партия *sp.a*. Истинная цель партии заключалась в привлечении внимания бельгийцев к онлайн-петиции, призывающей власть принять срочные меры по борьбе с изменением климата [19]. Из данного кейса видно, что если первым ходом политической интриги было создание и распространение дипфейка с помощью цифровых коммуникаций, то вторым ходом являлась не просто критика правительства, а привлечение внимания общественности к экологической проблематике и петиции. Как отмечал М. Маклюэн, «все без исключения средства коммуникации... конфигурируют сознание и опыт каждого из нас» [8, с. 34].

С января 2024 г. жители американского штата Нью-Гэмпшир стали получать звонки якобы от президента США Дж. Байдена. Он призывал не голосовать на предварительных выборах Демократической партии, так как это только поможет республиканцам в избрании Д. Трампа. Мало того, в голосовом сообщении оглашался номер телефона К. Салливан, политика, экс-председателя Демократической партии этого штата, возмущившейся такой ситуацией. После подачи ею заявления генеральная прокуратура штата в ходе расследования установила, что голос Дж. Байдена был сгенерирован искусственно. Федеральная комиссия по связи обвинила компанию *Lingo Telecom* в передаче робозвонка на основе технологии генеративного ИИ, однако установить, кто являлся заказчиком голосового дипфейка, удалось не сразу. В заказе таких звонков признался политический консультант С. Крамер, работавший на члена палаты представителей Д. Филлипса, крупного бизнесмена, основного соперника и критика Дж. Бай-

дена. Д. Филлипс осудил действия своего политического консультанта. С. Крамер оправдывался тем, что он хотел привлечь внимание общественности к проблеме применения технологий ИИ в политических кампаниях. В августе 2024 г. компания *Lingo Telecom* согласилась выплатить штраф в размере 1 млн долл. США за передачу поддельных автоматических звонков, а в сентябре этого же года Федеральная комиссия выписала С. Крамеру штраф в размере 6 млн долл. США⁸. По оценке исследователей, приводимая в качестве примера техника вишинга из-за массовости своего применения в некотором плане схожа с фишингом [6]. Кейс показывает создание политической интриги с помощью определенного алгоритма: 1) генерирования дипфейка; 2) заказа роботизированных голосовых звонков через компанию; 3) реализации попытки сорвать предварительные выборы через массовые звонки.

Распространение одного из первых скандальных дипфейк-фото в Бангладеш фиксируется в 2023 г. На нем политик Р. Фарахна из оппозиционной Националистической партии Бангладеш соотносилась с женщиной в бикини на пляже. Позже был доказан целенаправленный подлог. В 2024 г. противники индийской партии «Бхаратия Джаната» создали дипфейк-видео, на котором А. Хан, звезда Болливуда, высмеивал эту популярную политическую организацию за то, что она не выполнила своего обещания перевести 1,5 млн рупий на банковские счета граждан. Затем на видеоролике актер высказался в поддержку оппозиционной партии «Индийский национальный конгресс». Голос А. Хана был искусственно обработан, при этом его пресс-секретарь объяснил, что актер не высказывался по поводу партии⁹. В этом же году было распространено дипфейк-видео, на котором актер Р. Сингх критиковал Н. Моди, премьер-министра Индии, за инфляцию и безработицу в стране. Сообщение, как и в случае с А. Ханом, завершалось призывом голосовать за оппозиционную партию «Индийский национальный конгресс». Видеоконтент также был сгенерирован с помощью технологий ИИ. Р. Сингх из-за распространения этого видео в интернете подал жалобу в полицию¹⁰. Политические условия и контекст применяемых дипфейков позволяют прийти к промежуточному выводу о том,

что их заказчиками были люди, поддерживающие противников тех политических лидеров и партий, которые стали объектами критики, дискредитации и умышленной манипуляции. Кейсы показывают, что политическая интрига была организована минимум в два хода, таких как создание и распространение дипфейков, а также сетевая агитация (через провоцирование комментариев) за оппозиционную партию и (или) дискредитация конкурентов (политика или партии) с параллельной скандализацией.

В информационных войнах с использованием технологий ИИ могут участвовать специальные государственные ведомства и разные хакерские группировки, АРТ-группы (*advanced persistent threat groups* – группы продвинутых постоянных угроз), сочувствующие политике определенных государств или работающие на них, но сохраняющие автономию. Милитаризация цифрового пространства направлена на вепонизацию интернете. На базе государств, их военно-политических блоков и макрорегионов возникает целая цифровая архитектура «умного полемоса». Например, с 2008 г. существует Центр передового опыта киберобороны НАТО, а с 2009 г. – Киберкомандование США. В 2021 г. появился Региональный центр кибернетической безопасности НАТО¹¹. Проектами в области технологий ИИ занимается Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США. К киберподразделениям можно отнести британскую межвидовую кибергруппу, Силы информационной поддержки Народно-освободительной армии Китая, группировки «Электронная армия Ирана», «Йеменская киберармия», «Пакистанская киберармия», лояльную к Ирану электронную команду из Ирака «Фэйтмион», киберсообщество «Ливанский кедр» (Ливан), прорукавинскую группу «IT-армия», саудовские группы «Кибермухи», аффилированную с движением ХАМАС кибергруппу «Шторм-1133», сочувствующую Израилю кибергруппировку «Хищный воробей»¹², группу «Киберянычары» (Турция), симпатизирующую Турции кибергруппу «Анка Неферлер», прогреческую группу хакеров «Аноним Греции», проегипетскую кибергруппу «Египетская киберармия». Сходные подразделения и кибергруппы есть во многих странах. В связи с этим примечательно, что в 2023 г.

⁸Political consultant fined \$6 M for using AI to fake Biden's voice in robocalls to voters [Electronic resource]. URL: <https://nypost.com/2024/09/26/business/political-consultant-fined-6m-for-using-ai-to-fake-bidens-voice-in-robocalls-to-voters/> (date of access: 15.11.2024).

⁹Deepfakes take just minutes to make with artificial intelligence. Here's how Indian political parties use them against opponents [Electronic resource]. URL: <https://www.abc.net.au/news/2024-05-30/how-ai-is-disrupting-india-election-campaign/103899138> (date of access: 15.11.2024).

¹⁰Ranveer singh files police case after deepfake video goes viral [Electronic resource]. URL: <https://www.ndtv.com/india-news/ranveer-singh-files-police-case-after-deepfake-video-goes-viral-5495846> (date of access: 15.11.2024).

¹¹Хетагуров А. Новый инструментарий США и НАТО для информационного и киберпротивоборства с Россией в Восточной Европе [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-instrumentariy-ssha-i-na-to-dlya-informatsionnogo-i-kiberprotivoborstva-s-rossiey-v-vostochnoy-/?sphrase_id=113374031 (дата обращения: 15.11.2024).

¹²Цуканов Л. «Цифровой шторм» Аль-Акса: штрихи к противостоянию Израиля и ХАМАС [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/tsifrovoy-shtorm-al-aksa-shtriki-k-protivostoyaniyu-izrailya-i-khamas/?sphrase_id=151590373 (дата обращения: 15.11.2024).

компания «Лаборатория Касперского» подготовила отчет, в котором отслеживаются кибератаки АРТ-группировок на государственные ресурсы России, Беларуси, Индонезии, Малайзии и Аргентины, национальный телеком Пакистана¹⁵. Также в разработке и применении ИИ в информационных конфликтах активно участвуют технологические корпорации *Palantir Technologies Inc.*, *Clearview AI*, *Primer Technologies Inc.* и др. В России в ответ на такие вызовы и угрозы еще в 2017 г. министр обороны сообщил о создании войск информационных операций¹⁶.

К сожалению, технологии ИИ все чаще используются в информационных войнах террористическими и экстремистскими группировками. Научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН Л. А. Шашок отметила, что террористическая группа «ИГхорасан» (запрещена в России) стала публиковать пропагандистские ролики, созданные с помощью технологий ИИ, в которых видна попытка подражать реальным ведущим афганских новостных агентств. Мишенью террористической цифровой пропаганды становятся не только взрослые, но и дети. Например, бот группировки «Исламское государство» (запрещена в России) «Сарх Аль-Хилафа» распространял многосерийный мультсериал, в котором персонажи Салим и Муавия одобряли взгляды террористической организации. Бот поддерживал 4 языка и был удален из социальных сетей после совершения терактов в концертном зале «Крокус сити холл». Л. А. Шашок отмечает, что террористы используют технологии ИИ для генерации видео, постоянно меняя свою тактику, чтобы избежать блокировок контента. Они обращаются к псевдообучающим курсам о технологиях ИИ, чат-ботам на их основе, контенту, содержащему отрывки из документальных фильмов о дикой природе, спорте, а также музыке¹⁵. Создание политической интриги с помощью технологий ИИ предполагает реализацию террористами нескольких ходов: 1) повышение узнаваемости, привлечение внимания населения разных стран к деятельности террористических организаций; 2) вербовку новых сторонников в их состав; 3) наращивание сил, ресурсов и захват политической власти в регионе или в целом государстве.

Американское правительство, часто обвиняющее Россию и Китай в использовании новейших технологий цифровой пропаганды, само стремится к применению ИИ в качестве информационного оружия.

Так, в 2024 г. С. Биддл, репортер из американской новостной организации *The Intercept*, обратил внимание на планы Совместного командования специальных операций США, в которых была заявлена необходимость в использовании передовых технологий по генерированию убедительных онлайн-образов в цифровых коммуникациях, а также уникальных профилей несуществующих людей со своим фоном, набором фотографий для конструирования виртуальной среды, не идентифицируемой алгоритмами. С. Биддл также напоминает, что в 2023 г. Командование специальных операций США проявило интерес к технологиям создания дипфейков¹⁶.

Можно предположить, что использование технологий ИИ американскими специалистами будет направлено на дискредитацию внешней и внутренней политики стран – противников США; генерацию, поддержку и усиление в них образа врага; оправдание последующих санкционных или наступательных на мерений США. Даже если опасения С. Биддла сильно преувеличены, существуют факты, свидетельствующие о возрастании роли «умного полемоса». Одно международное исследование подтвердило, что модели *ChatGPT* и *GPT-3* можно использовать в целях генерирования микротаргетированной политической рекламы автоматизированным способом. Эксперимент показал, что персонализированный и адаптированный к личности человека контент, созданный с помощью ИИ, оказывает более эффективное воздействие, чем неперсонализированный [20]. Другое исследование, получившее этическое одобрение Колумбийского университета, также подтвердило, что персонализированные сообщения, полученные при помощи модели *ChatGPT-3*, оказывали на испытуемых большее влияние, чем неперсонализированные [21]. В третьем исследовании, проведенном учеными из Оксфордского университета на основе чат-бота *GPT-4*, было доказано, что влияние технологий ИИ состоит не в адаптации сообщений под конкретного человека, а наоборот, в оказании неперсонализированными, общими сообщениями убеждающего воздействия. Результаты эксперимента засвидетельствовали, что одно сообщение из двух сотен слов, генерированное ИИ, смогло повысить поддержку респондентами предполагаемого мнения почти на 50 %. Авторы пришли к выводу, что как нетаргетированные, так и микротаргетированные политические сообщения по большинству вопросов, созданные ИИ, имеют убедительность¹⁷.

¹⁵ Азиатские АРТ-группировки: тактики, техники и процедуры [Электронный ресурс]. URL: <https://go.kaspersky.com/ru-apt-report> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁶ Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80есе> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁷ Шашок Л. А. Джихадисты берут на службу искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/kart-blansh/2024-06-03/3_9021_kb.html (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁸ Biddle S. The Pentagon wants to use ai to create deepfake Internet users [Electronic resource]. URL: <https://theintercept.com/2024/10/17/pentagon-ai-deepfake-internet-users/> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁹ Hackenburg K., Margetts H. Evaluating the persuasive influence of political microtargeting with large language models // PNAS : website. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2403116121> (дата обращения: 15.11.2024).

Стоит отметить, что в настоящее время появляется опасный тренд использования технологий ИИ в сфере специфического информативно-физического воздействия. Так, правительство Израиля экспериментирует с технологиями «умного полемоса», например, интеллектуальными системами *Lavender* и *The Gospel*, применяя их в своих информационных и военных операциях. Алгоритмы системы *Lavender* нужны израильтянам для обнаружения, маркировки, а также ранжирования людей, которые подозреваются в подготовке терактов, сотрудничестве с боевым крылом организаций «Исламский джихад» (запрещена в России) и «ХАМАС» в Палестине¹⁸. Система *The Gospel* обрабатывает крупные массивы всевозможных разведывательных данных, перехваченных текстовых и звуковых сообщений, данные движения групп людей, съемки спутников и беспилотных аппаратов.

Складывается впечатление, что, несмотря на вызовы и риски развития «умного полемоса», например использование ИИ в сопровождении информационно-боевых операций, пока интеллектуальные системы применяются только для цифровых психологических манипуляций. Логично предположить, что ИИ в информационных конфликтах будет использоваться государствами, партиями, политическими лидерами, АРТ-группами, хакерами и террори-

стическими группировками после апробации соответствующих техник крупными технологическими корпорациями. Психологическое воздействие «умных» алгоритмов корпоративных платформ видно на примере «темных» паттернов (*dark patterns*) – уловок цифровой архитектуры, интерфейса, обманывающих пользователей и провоцирующих их на принятие невыгодных или даже рискованных решений. Интересно, что в одном из исследований 11 тыс. сайтов было выявлено 1818 фактов наличия таких «темных» паттернов, созданных для манипулирования посетителями цифровых ресурсов [22]. Широкая апробация цифровых манипуляций также видна на примере платформы *Ютуб*, алгоритмы которой нацелены на увеличение периода просмотра видеоконтента пользователями и корректировку их социально-политических взглядов. Еще в 2016 г. было замечено, что, например, после просмотра человеком роликов с Д. Трампом ему предлагался контент на тему отрицания холокоста и превосходства белой расы [23].

Вместе с тем роль интеллектуальных систем в социальной и политической жизни, их эволюцию важно понимать правильно. Ответственность за применение таких систем должен нести человек, конкретная корпорация или государство.

Заключение

Обращение к академическому дискурсу и кейстади позволяет утверждать, что технологические трансформации, научные исследования, развитие экономических отраслей, существующих политических и социальных институтов создали благоприятные условия для появления «умного полемоса» – политического феномена, подразумевающего применение технологий ИИ в информационных войнах и вооруженных конфликтах. Анализ кейсов показал, что диапазон использования технологий «умного полемоса» довольно широк (от цифровых манипуляций, цифровой пропаганды, создания дипфейков до систем сопровождения боевых операций и практик кибероружия). Разбор кейсов применения ИИ в информационных операциях через модель политической интриги выявил, что в каждом случае можно обнаружить многоходовой стратегический сценарий, заказчика, его истинные цели и «мишень»-жертву.

Снизить угрозы цифровой десуверенизации, колониализма и колонизации, риски применения враждебных технологий ИИ в информационных манипуляциях может развитие цифровой ойкумены – системы технологических корпораций, информационных агентств, цифровых радио и телевидения, осуществляющих слаженную медийную активность не только внутри страны, но и за ее пределами для позициони-

рования, защиты интересов, ценностно-цивилизационной, политической и экономической повестки поддерживающих их государств [24]. В условиях геополитических рисков и угрозы перехода информационных войн на алгоритмический уровень Россия и Беларусь могут постепенно сформировать собственную цифровую ойкумену, которая предполагает тесное сотрудничество в области разработки и внедрения единых цифровых стандартов, ведение совместной политики информационной безопасности и создание общего цифрового пространства, обеспечивающего качественные коммуникационные площадки для функционирования обратной связи между представителями граждан, государства и бизнеса, а также сохранение и развитие культуры обеих стран.

Стратегия выстраивания цифровой ойкумены на деле означает формирование новой модели цифровой суверенизации. Такая модель может включать инвестиции в совместные технологические разработки России и Беларуси; снижение цифровой зависимости от крупных зарубежных, особенно западных технологических корпораций; более активное сотрудничество в области цифровых технологий со странами БРИКС и ШОС. Возможно, ойкуменный подход станет одним из стратегических ответов на вызовы «умного полемоса».

¹⁸Чугунов В., Доронин А. Боевое применение ИИ-систем Израилем в секторе Газа: этические проблемы // Российский совет по международным делам : сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/boevoe-primenenie-ii-sistem-izrailem-v-sektore-gaza-eticheskie-problemy/> (дата обращения: 15.11.2024).

Библиографические ссылки

1. Cheney-Lippold J. A new algorithmic identity: soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture & Society*. 2011;28(6):164–181. DOI: 10.1177/02632764114244.
2. Растворгусев СП. Планирование и моделирование информационной операции. *Информационные войны*. 2014;1:2–10. EDN: RUXFYP.
3. Переслегин СБ. *Первая мировая. Война между реальностями. Том 2*. Москва: Яуза; 2020. 608 с.
4. Guyonneau R, le Dez A. Artificial intelligence in digital warfare: introducing the concept of the cyberteammate. *The Cyber Defense Review*. 2019;4(2):103–116.
5. Киссинджер Г, Шмидт Э, Хаттенлокер Д. *Искусственный разум и новая эра человечества*. Ахметов К, переводчик. Якимова Е, редактор. Москва: Альпина про; 2022. 200 с.
6. Yamin MM, Ullah M, Ullah H, Katt B. Weaponized AI for cyber attacks. *Journal of Information Security and Applications*. 2021;57:102722. DOI: 10.1016/j.jisa.2020.102722.
7. Разуваев ВВ. *Анатомия политической интриги*. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; 2019. 184 с.
8. Маклюэн МГ. *Понимание медиа. Внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. Москва: Кучково поле; 2023. 464 с.
9. Нестик ТА, Михеев ЕА. Информационные войны с использованием систем искусственного интеллекта: анализ психологических механизмов воздействия. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2019;4(4):148–174. EDN: VOXRQM.
10. Володенков СВ. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций. *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки*. 2024;2:47–70. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70.
11. Rivera J-P, Mukobi G, Reuel A, Lamparth M, Smith Ch, Schneider J. Escalation risks from language models in military and diplomatic decision-making. In: ACM FAccT Executive Committee. *FAccT '24. Proceedings of the 2024 ACM conference on fairness, accountability, and transparency*. New York: Association for Computing Machinery; 2024. p. 836–898. DOI: 10.1145/3630106.365894.
12. Argyle LP, Busby EC, Fulda N, Gubler JR, Rytting C, Wingate D. Out of one, many: using language models to simulate human samples. *Political Analysis*. 2023;31(3):337–351. DOI: 10.1017/pan.2023.2.
13. Доброродний ДГ, Верещако АИ. Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2024;1:66–74. EDN: IALYPG.
14. Володенков СВ, Федорченко СН. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций. *Полис. Политические исследования*. 2022;5:40–55. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.04.
15. Kai-Cheng Yang, Menczer F. Anatomy of an AI-powered malicious social botnet. *Journal of Quantitative Description: Digital Media*. 2024;4:1–36.
16. Pajkovic N. Algorithms and taste-making: exposing the Netflix recommender system's operational logics. *Convergence*. 2022;28(1):214–235. DOI: 10.1177/13548565211014464.
17. Hameleers M, van der Meer TGLA, Dobber T. You won't believe what they just said! The effects of political deepfakes embedded as vox populi on social media. *Social Media + Society*. 2022;8(3):1–12. DOI: 10.1177/20563051221116346.
18. Ienca M. On artificial intelligence and manipulation. *Topoi. An International Review of Philosophy*. 2023;42:833–842. DOI: 10.1007/s11245-023-09940-3.
19. Ullrich QJ. Is this video real? The principal mischief of deepfakes and how the lanham act can address it. *Columbia Journal of Law and Social Problems*. 2021;55(1):5–6.
20. Simchon A, Edwards M, Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence. *PNAS Nexus*. 2024;3(2):1–4. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgae035.
21. Matz SC, Teeny JD, Vaid SS, Peters H, Harari GM, Cerf M. The potential of generative AI for personalized persuasion at scale. *Scientific reports*. 2024;14(1):1–17. DOI: 10.3389/fphys.2019.00637.
22. Mathur A, Acar G, Friedman M, Lucherini E, Mayer J, Chetty M, et al. Dark patterns at scale: findings from a crawl of 11 K shopping websites. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2019;3:1–32. DOI: 10.1145/3359183.
23. Kozyreva A, Lewandowsky S, Hertwig R. Citizens versus the Internet: confronting digital challenges with cognitive tools. *Psychological Science in the Public Interest*. 2020;21(3):103–156. DOI: 10.1177/1529100620946707.
24. Федорченко СН. Государство–цивилизация в цифровой ойкумене. *Журнал политических исследований*. 2023;7(1):3–26. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024.
Received by editorial board 23.12.2024.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РАСЫ: ОТ ПОНЯТИЯ К КОНЦЕПТУ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются понятие «расы» и концепт расы в социально-философском контексте. Аккумулируются различные версии интерпретации понятия «расы». Системно исследуется феномен расы, выявляются семантические границы в его интерпретации, эксплицируются представления о расе как о концепте и осуществляется сравнительный анализ понятий «расы» и «этнос». Обозначаются появление разных версий расовой классификации, их природа и дальнейшая перспектива, а также проводится четкая граница между понятиями «этнос» и «раса». Выявляется ди-хроматический характер расы как концепта, обусловленный аккумуляцией его биологической и социальной природы. Осуществляется попытка объяснить причину актуализации понимания расы как социального феномена, оказавшего влияние на формирование и обострение неорасизма в современном мире.

Ключевые слова: раса; расизм; неорасизм; этнос; расогенез; расовая классификация.

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF RACE: FROM NOTION TO CONCEPT

О. В. КУРБАЧЕВА^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The concept of «race» and the concept of race in a socio-philosophical context are considered. Various versions of the interpretation of the concept of «race» are accumulating. The phenomenon of race is systematically investigated, semantic boundaries in its interpretation are revealed, ideas about race as a concept are explicated, and a comparative analysis of the concepts of «race» and «ethnicity» is carried out. The author identifies the appearance of different versions of racial classification, their nature and future prospects, and draws a clear line between the concepts of «ethnicity» and «race». The article reveals the dichotomous nature of race as a concept which is due to the accumulation of its biological and social nature. The article attempts to explain the reason for the actualisation of the understanding of race as a social phenomenon which has influenced the formation and exacerbation of neo-racism in the modern world.

Keywords: race; racism; neoracism; ethnicity; raceogenesis; racial classification.

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Социально-философское осмысление феномена расы: от понятия к концепту. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;2:23–28.

EDN: RVLHAW

For citation:

Kurbacheva OV. Socio-philosophical understanding of the phenomenon of race: from notion to concept. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:23–28. Russian.

EDN: RVLHAW

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

Введение

Сегодня пристальное внимание к проблемам самоопределения этнических общностей и межкультурного взаимодействия не только выражается в научно-теоретическом интересе, но и связывается с актуальными вопросами современной социальной практики: повышенным уровнем нетерпимости, стереотипизации, ксенофобии, а также активизацией прорасистских настроений в обществах. В настоящее время в мире мы наблюдаем большое количество конфликтных ситуаций, возникших на почве расовой дискриминации или этнофобии и выражающихся как в активной, так и в пассивной форме (например, этнические стереотипы, этнофоли兹м и др.). Более того, в конце XX – начале XXI в. в научных и публичных дискурсах все чаще как особый тип расовой дискриминации стал встречаться новый концепт – культурный расизм, акцентирующий внимание уже не столько на антропогенетических маркерах (цвете кожи, глаз, волос), сколько на различиях в культуре, языке и традициях. Культурный расизм выступает своеобразным безрасовым расизмом, отличающимся своей размытостью, завуалированностью, но проявляющимся открыто в форме дифференциации людей по культурным признакам, идеологии расового превосходства и непринятия другой культуры [1, с. 38].

Актуальность данного исследования обусловлена эскалацией напряженности в этнокультурном взаимодействии, ксенофобией и существованием расовых предрассудков, выходящих далеко за пределы повседневных дискуссий, а также научной риторики. Акцентирование исследовательского внимания на самом понятии «раса» и концепте расы коррелирует с ключевой идеей данной работы: для того чтобы разобраться в причинах и особенностях проявления расовой дискриминации и существования идей неорасизма на современном этапе развития, важно обратиться к семантическому и концептуальному осмыслению понятия «раса». Данная идея отражается в гипотезе исследования: концептуальная неточность в интерпретации расы как биологического, а затем и как социального феномена стала одним из косвенных оснований для проявления

неорасизма и активизации расовых предубеждений. Системный философский анализ сущности расы позволит всесторонне рассмотреть проблемные аспекты и выявить возможные причины обострения расовых предрассудков на актуальном этапе социальной динамики. В связи с этим целью данной работы выступает социально-философский анализ феномена расы как понятия и концепта на современном этапе развития, а объектом данного исследования служит сам феномен расы. Для реализации обозначенной цели были поставлены следующие задачи: выявить семантические границы интерпретации понятия «раса»; осуществить сравнительный анализ понятий «этнос» и «раса»; эксплицировать особенности становления теории рас и расовой классификации; раскрыть отличительные черты концептуальной трансформации расы как биологического и социального феномена. Новизна данной работы обусловлена дефицитом комплексного философского исследования феномена расы. Большинство научных работ, посвященных анализу расовых общностей, реализуются в дисциплинарном пространстве физической антропологии, расоведения и этнографии. Именно благодаря философскому подходу возможно осуществить системную параметризацию расы как феномена и выявить диалектически противоречивый характер имеющихся подходов к описанию сущности расы. Философский дискурс содержательно представлен в своем большинстве исследованиями темы расизма или неорасизма Э. Балибара, Ф. Фанона, И. Валлерстайна, Х. Арендт и др.

Настоящее исследование основывается на принципах системного подхода. В его ходе применялись исторический и логический методы, определяющие особенности становления теории рас и расовой классификации; метод компаративного анализа ключевых дисциплинарных и междисциплинарных подходов к изучению сущности расы с выявлением общих оснований и специфических особенностей ее интерпретации; методы историко-философской и концептуальной реконструкции, отражающие динамику представлений о расе как о понятии и концепте.

Понятие «раса»

В научный категориальный аппарат понятие «раса» было введено этнографом Ф. Бернье лишь в конце XVII в. Вместе с тем само слово «раса» восходит еще к древнегреческому и латинскому языкам (к лексеме «поколение» (лат. *generatio*) и лексеме «корень» (др.-греч. *ῥίζα*)), а уже начиная с эпохи географических открытий данный термин можно обнаружить в различных европейских языках. На-

пример, распространение понятия «раса» в XV в. часто связывают с процессом культурного заимствования французским интеллигентским и аристократическим сообществами итальянских терминов, в том числе и термина «razza»¹. Как отмечено в работе П. Буля, само понятие «раса» сначала употреблялось для фиксации пород охотничьих собак, позднее – для отличия династий королевского

¹ В современном итальянском языке синонимичный ряд слова «razza» состоит из лексем «семья», «фамилия», «родословная», «происхождение», «потомство» и т. д.

дома и обозначения линии потомков и рода вообще [2, р. 12]. Сегодня можно встретить большое разнообразие определений понятия «раса», что весьма расширяет, но вместе с тем и затрудняет его анализ. Например, отхождение от семантической строгости и четкости в дефиниции можно обнаружить в энциклопедии *Britannica*: понятие «раса» определяется через дифференциацию человеческого вида на отдельные группы на основе унаследованных физических и поведенческих различий. В данном источнике подчеркивается, что «расы определяются культурными вмешательствами, которые отражают особые взгляды и убеждения, навязанные различным группам населения в результате западноевропейских завоеваний, начавшихся в XV в.» (здесь и далее перевод наш. – О. К.)². В данном определении мы можем увидеть, что понятие «раса» интерпретируется одновременно и как биологический, и как социокультурный феномен. Однако если мы обратимся к специализированным научным направлениям, та-

ким как расоведение или физическая антропология, то обнаружим наличие строгих смысловых границ в определении: «раса – это популяция или группа популяций в рамках одного вида, имеющая единое происхождение в пределах определенного ареала и отличающаяся от других таких же групп набором биологических наследуемых признаков или, другими словами, набором аллелей генов» [3, с. 8]. Таким образом, в узкопрофессиональном тезаурусе раса характеризуется исключительно через биологические отличия представителей. Тогда возникает следующий вопрос: с чем связано такое расхождение в понимании сущности расы и какова причина появления семантического диапазона в определении? Проанализируем эту концептуальную дихотомию с философско-методологической точки зрения, что позволит, с одной стороны, обозначить реперные точки в рассматриваемом вопросе, а с другой стороны, системно рассмотреть объект нашего исследования.

Понятия «раса» и «этнос»

Очерчивая категориальное пространство понятия «раса», мы неизбежно сталкиваемся с другими категориями и концептами, которые функционально и содержательно связаны с ним. Одной из таких категорий выступает этнос, с которым у термина «раса» зачастую обнаруживается концептуальная связь. Так же, как этнос и этническая идентичность, раса связана с вопросами происхождения, принадлежности, тождества и различий людей. Однако принципиально важное отличие понятий «этнос» и «раса» заключается в том, что раса является именно биологическим понятием. Раса определяется как группа популяций, которая имеет общее происхождение, существует на едином географическом ареале, объединяется историей генофонда. Принадлежность к одной расе отражается лишь в общности физического типа, т. е. сходстве определенных наследственных биологических признаков (цвета кожи, волос и глаз, формы носа, разреза глаз и др.) [4, с. 49]. И если расы отличаются сугубо на физическом уровне, то этносы имеют социокультурную дифференциацию. В этнической идентичности нет прямой связи социальных и биологиче-

ских признаков, так как сами этнические общности формируются на основе природно-климатических, социально-экономических, духовно-мировоззренческих факторов, т. е. в основе этноса лежат не генетические, а культурно-исторические факторы. Расовая дифференциация, в свою очередь, связана только с биологическими признаками.

Однако сложности заключаются в том, что, во-первых, иногда понятия «раса» и «этнос» подводят к общему знаменателю. Например, в рамках примордиалистского подхода принадлежность к этнической группе определяется по рождению и, соответственно, этнические культурные характеристики инверсивно распространяются и на расы³. Во-вторых, понятие «раса» политизируется и идеологизируется, в результате чего раса становится инструментом социального разделения и основанием для идеологии расового превосходства. Для того чтобы разобраться с причинами возникновения данных сложностей и особенностями такой «проекции» понятия «раса» в общественном сознании на современном этапе социального развития, необходимо очертить его концептуальный остов.

Теория рас и расовая классификация

Первая в истории европейской науки расовая классификация была разработана еще в 1684 г. французским исследователем Ф. Бернье. Конечно, по-

пытки дифференцировать человечество по определенным признакам предпринимались и ранее. Например, в середине 3 тыс. до н. э. в Древнем

²Race [Electronic resource] // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/race-human> (дата обращения: 05.11.2024).

³В рамках примордиалистской парадигмы этническая общность и принадлежность к ней человека (общность происхождения, единая территория, язык, культура, самосознание и самоназвание) подразумевают наличие реально существующей группы с объективными неизменными параметрами, основывающимися на принципах гомогенности. Среди представителей данного подхода можно выделить С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, Н. Н. Чебоксарова, Э. Шилза и П. ван ден Берга, утверждающего, что этнос представляет собой расширенную родственную группу.

Египте была создана одна из первых классификаций по расовым критериям. В рамках данной классификации выделялось четыре группы людей, которые соответствовали цветам (египтяне – красному, представители востока – желтому, народы севера – белому и народы юга – черному цвету). Безусловно, эта классификация была редуцированной и ненаучной, но тем не менее она коррелировала с общей тенденцией дифференциации людей по морфологическим характеристикам. Сходная типология рас по цвету кожи описана в Библии. Однако в рамках данной классификации выделяются уже не четыре, а три расы, произошедшие от сыновей Ноя (от Сима – желтокожие, от Иафета – белокожие и от Хама – чернокожие) [1, с. 34]. Лишь в конце XVII – начале XVIII в. Ф. Бернье, К. Линней и И. Блуменбах попытались обосновать деление людей на различные расовые группы с истинно научной точки зрения. Главными критериями дифференциации уже выступили не только морфологические признаки, но и географическое происхождение, краиологические характеристики и др. Именно работа «Новое деление Земли» Ф. Бернье стала отправной точкой для научных классификаций рас и краеугольным камнем для последующих тенденциозных обвинений автора в шовинизме и расизме. Эмпирические знания автора, накопленные в результате многолетних путешествий, стали основой для издания в одном из номеров парижского журнала «Journal des sçavans» статьи «Новое деление Земли на различные человеческие виды или расы, населяющие ее» [5, с. 145]. В ней учёный выделяет четыре расы, совершая на тот момент революционный методологический шаг. Ф. Бернье был первым, кто научно, т. е. доказательно и обоснованно, начал использовать внешность как критерий для классификации людей: «...до настоящего момента географы делили Землю только на страны или регионы» [4, с. 52]. Оперируя географическими ареалами проживания людей и морфологическими характеристиками, автор описывает евразийскую, экваториальную, азиатскую расы и добавляет к ним четвертую, лопарскую расу, а также закладывает основу для дальнейших дискуссий о наличии промежуточных, или «малых», рас.

Следует подчеркнуть, что в научных классификациях вне зависимости от использованных критерии расы считались равными, а сама дифференциация людей по внешним признакам являлась квалифицированной попыткой объяснения их разнообразия. Вместе с тем в данный период в интеллекту-

альной среде встречались и другие представления о равнотенности рас. Примером может служить эволюция представлений о расах, их значении и статусе в трудах мыслителей эпохи Просвещения, например Д. Юма, Ф.-М. А. Вольтера, Г. Гегеля и др. Важно отметить, что, например, теория рас И. Канта хронологически оформляется в рамках колониального дискурса эпохи Просвещения, но, безусловно, эта корреляция с историческим контекстом не является оправданием расовым предубеждениям мыслителя.

В работах Д. Юма «О национальных характерах» или И. Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» мы встречаем следующие описания рас, которые на сегодняшний день однозначно были бы отнесены к расовым предрассудкам: «...склонен считать, что негры и вообще другие расы (ведь существует четыре или пять различных рас) по природе ниже белых» [6, с. 61]; «...африканские негры от природы не обладают таким чувством, которое выходило бы за пределы нелепого» [7, с. 138]. Однако в работах мыслителей колониальной эпохи нет четкой концептуальной дифференциации понятий «народ», «нация» и «раса», расистский дискурс с его однозначно негативной коннотацией тогда еще не существовал. Тем не менее в работах этих философов мы встречаем примеры высказываний с элементами ксенофобии и расовых предубеждений, проявляющихся в вертикальной классификации рас⁴. Так, И. Кант, являясь одним из главных представителей просветительской мысли, начинает свой творческий путь с размышлений в духе европоцентристского дискурса и прибегает к вертикальной иерархии рас, делая заметный акцент на достоинствах белой расы. В то же время сама проблематика колониализма занимала маргинальное место в размышлениях философа, а в последних работах И. Кант уже прямо критиковал колониальную идеологию и рабство.

Стоит отметить, что в истории становления научной картины мира можно найти большое количество расовых классификаций, которые объединяют акцент на морфологических характеристиках и биологической природе рас. Однако встречается также концепция, в соответствии с которой современное человечество представляет собой «непрерывный генетический континуум внутривидового разнообразия» [3, с. 8]. В рамках этой клиницистской концепции отрицается наличие рас как таковых, а наблюдаемые их варианты ввиду клинальной изменчивости переходят один в другой⁵. Необходимо добавить, что такой подход к классификации рас

⁴ В книге «Антропология с pragматической точки зрения» мы действительно не находим ни расовой классификации, ни описания рас. Данной теме посвящена лишь одна страница, на которой рассматриваются индивидуальные разнообразия в пределах одной расы. Вместе с тем в работе [7] И. Кант по-прежнему обращается к характеристикам народностей. Однако даже в этих характеристиках философ более сдержан и корректен, нежели в своих первых работах. Также в трактате «К великому миру» мы обнаруживаем прямую критику колониализма и рабства. И. Кант критикует «чудовищную несправедливость» и пренебрежение человеческой жизнью, с которым европейские народы относились к жителям открытых ими стран.

⁵ Среди современных представителей научной мысли, отрицающих существование рас, можно отметить американского ученого Дж. Даймонда, который в 1988 г. за работу «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ» получил Пулитцеровскую премию.

является редким исключением в антропологической мысли и не имеет под собой доказательную базу. Начиная с 1930-х гг. в расоведении признается парадигмальной популяционная концепция, в рамках которой раса представляет собой популяцию или группу популяций, описание которых основывается не на средних значениях признаков, а на «размахах изменчивости», перекрывающихся у близких рас. Отдельный человек принадлежит к определенной расе только на основании того, что к ней относится вся популяция, и поэтому индивидуальная типология невозможна [3, с. 8]. В то же время сегодня во всех научно обоснованных классификациях и доказанных теориях подчеркивается, что современное человечество, т. е. все известные расы, принадлежит только к одном виду – *homo sapiens* и имеет равный уровень физического, интеллектуального и эмоционального развития, а различия между расами касаются лишь косвенных характеристик, так как основные доминирующие признаки были интериоризированы до периода образования расовых общностей.

Во второй половине XX в. появилась другая стратегия использования понятия «раса». По мнению американского социального антрополога П. ван ден Берге, необходимо избавляться от редукционистской интерпретации термина «раса» в узком биологическом понимании как подвида *homo sapiens* и трактовать его как социологическое понятие: «...социальная раса обычно включает в себя людей с биологическими тривиальными фенотипами; также она обычно не вполне соответствует генетически изолированным популяциям... поэтому биология не имеет для «социальной расы» существенного значения» [8, с. 89]. В этой трактовке понятие «раса» стоит интерпретировать именно с позиции социокультурного фокуса. Данную концептуальную установку можно увидеть в усовершенствованном виде в работах философа М. Салинса, который ссылается на утверждение о том, что человеческое родство обусловлено не биологией, а именно культурой [9, р. 120]. Стоит отметить, что тенденция к изменению интерпретации понятия «раса» (от биологического детерминизма к его социокультурной параметризации) свойственна не только гуманитарным, но и естественно-научным работам. В 2019 г. Американской ассоциацией биологических антропологов была утверждена декларация, в которой прописано, что «понятие «расы» не дает точного представления о биологической изменчивости человека»⁶.

Так почему же происходит эта своеобразная подмена понятий и изменение в интерпретации термина, в результате которого сегодня все чаще говорит-

ся про социальность расы? Одним из потенциальных объяснений этой концептуальной рокировки выступает социально-психологический фактор дифференциации свой – чужой и последующая стигматизация чужого на уровне общественного сознания. Начиная с XV в. существенно расширяется диапазон антропологических типов, возможность увидеть или встретить кардинально отличающийся морфологический фенотип возрастает. При встрече с человеком, который по внешним характеристикам является другим, чаще всего возникает протекционистская реакция и моделируется обобщенная установка «этот некто другой не такой, как я». До колониальной эпохи групповая принадлежность преимущественно определялась посредством языковых, культурных или конфессиональных критериев [10, с. 229]. В качестве показательного исторического примера можно привести событие периода Франко-фламандской войны (1297–1305) – Брюггскую заутреню. Этот военно-политический конфликт произошел между французскими оккупантами и фламандцами в 1302 г. в г. Брюгге. Фламандские повстанцы казнили своих оппонентов ночью во сне, а чтобы случайно не убить своего, людей заставляли перед расправой произносить фразу «schilde ende vriend» («щит и друг»), в которой содержались сложные для произношения франкофонами звуки⁷.

В эпоху колониализма становится очевидным, что внешние антропоморфные маркеры выступают более явными и значимыми критериями для дифференциации свой – чужой. В общественном сознании массового человека закрепляется установка «другой – значит чужой». И, как известно, впоследствии иерархия людей по расовым (морфологическим) характеристикам закрепилась институционально. Идеология фашизма и расовые сегрегации стигматизируют расовые характеристики и антропоморфный портрет чужого. В связи с этим можно предположить, что исторически негативная коннотация понятия «раса» во второй половине XX в. становится своеобразным основанием для преодоления его биологической природы [10, с. 230]. Научная общественность и сама история ультимативно подтверждают, что расовые характеристики совмещаются в разнообразных комбинациях и сегодня просто не существует закрытых, несмешанных рас. Травматичный исторический опыт дифференции людей по расовым признакам и ускоренный темп миграционных процессов стали основаниями для семантического изменения интерпретации понятия «раса» (от биологического термина к социальному и культурному феномену) [10, с. 230].

⁶AABA statement on race & racism [Electronic resource] // AABA. URL: <https://www.vie-publique.fr/catalogue/281108-lalutte-contre-le-racisme-lantisemitisme-et-la-xenophobie-annee-2020> (date of access: 08.11.2024).

⁷Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Villani_G/frametext82.htm (дата обращения: 08.11.2024).

Заключение

В определении понятия «раса» стоит избегать упрощенного редукционизма. Во-первых, необходимо разводить понятия «раса» и «этнос», так как прямой причинно-следственной связи между терминами и феноменами не существует. Определяющие факторы расо- и этногенеза не совпадают, этническая принадлежность определяется через социокультурные детерминанты и самосознание, а расовая – через гены, но никак не наоборот. Можно привести единичные примеры совпадения расы у представителей одного этноса (айны, тасманийцы, андаманцы). В то же время данное тождество подвергается критической оценке и сомнению: определяющим фактором совпадения выступает именно длительный период географической изоляции, сперва приведшей к своеобразию антропологических типов, а после ее завершения – к существенной трансформации этих типов. Во-вторых, примитивизация и однозначная дихотомия подходов к интерпретации сущности расы (раса только как объективный и физический или субъективный и социальный феномен) не позволяют учитывать

исторически обусловленный и проблемный характер самого концепта. Конечно, нельзя просто вынести за скобки биологическую природу расы или упрощенно свести расу к социокультурному феномену. Осмысление расы как социального феномена не должно исключать существование расы как биологического понятия и явления: «Расовые идиомы, идеологии, нарративы и категории... являются важными, особенно когда они встроены во властные организации. Но реальность расы и даже ее принудительная сила в некоторых обстоятельствах не зависит от существования “рас” как понятия» [11, с. 30]. Также важно учитывать, что вопросы этнической и расовой идентичности, предрассудков и этнокультурного диалога обретают новое звучание и концептуальное осмысление в контексте одновременного формирования глобального транскультурного пространства и антиглобализационных трендов. Ответы на эти вопросы оказывают колossalное влияние на решение проблем диалога культур, формирования культурной грамотности и толерантного отношения к другому.

Библиографические ссылки

1. Курбачёва ОВ. Идеология расизма: сущность, становление и трансформация в современных условиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:31–38. EDN: XNBAPZ.
2. Boulle PH. François Bernier and the origins of the modern concept of race. In: Peabody S. *The color of liberty: histories of race in France.* Durham: Duke University Press; 2003. p. 11–27.
3. Дробышевский СВ. *Происхождение человеческих рас.* Москва: URSS; 2022. 400 с.
4. Негашева МА, Дробышевский СВ. *Происхождение человека: просто о сложном.* Москва: Илекса; 2024. 107 с.
5. Пежемский ДВ, Макрицкая ТА. Франсуа Бернье: к истории первой расовой классификации. *Вестник антропологии.* 2013;2:145–157.
6. Юм Д. *Сочинения. Том 2.* Церетели СИ, переводчик. Москва: Мысль; 1996. 799 с.
7. Кант И. *Собрание сочинений. Том 2.* Москва: Чоро; 1994. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного; с. 85–182.
8. ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива. *Вопросы национализма.* 2014;4:89–96.
9. Sahlins M. *The use and abuse of biology.* Ann Arbor: University of Michigan Press; 1976. 120 р.
10. Курбачёва ОВ. Раса как понятие и концепт: дихотомия колониального наследия. В: Лазаревич АА, редактор. *Интеллектуальная культура Беларусь: от Просвещения к Современности. Материалы 8-й Международной научной конференции. Том 1; 21–22 ноября 2024 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Четыре четверти; 2024. с. 227–230.
11. Брубейкер Р. *Этничность без групп.* Борисова И, переводчик. Москва: Высшая школа экономики; 2012. 408 с.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024.
Received by editorial board 11.12.2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

ENVIRONMENTAL ETHICS

УДК [113/119+502]:[124.51+17.022.1]

ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕЙ ЦЕННОСТИ ПРИРОДЫ

Л. М. ЛОГИНОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проведено исследование внутренней ценности природы. Установлена взаимосвязь между видами ценности (внешней и внутренней) и подходами к ее пониманию (субъектным и объектным). Впервые разработана целостная концепция, в которой определены сущность и характеристики внутренней ценности природы, выделены критерии ее обнаружения, сформулировано определение понятия «внутренняя ценность природы». Представлены теоретико-методологические основания внутренней ценности природы для живых существ, неживых компонентов и экосистем. Этически обоснована необходимость установления гармоничных и уважительных взаимоотношений между человеком и его моральным партнером – природным миром. Даны рекомендации по практическому применению результатов настоящего исследования.

Ключевые слова: внутренняя ценность природы; внешняя ценность природы; инструментальная ценность; терминальная ценность; моральный статус природы; неотъемлемое достоинство; экологическая этика.

Образец цитирования:

Логиновская ЛМ. Феномен внутренней ценности природы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:29–37.
EDN: QRMZLF

For citation:

Loginovskaya LM. The phenomenon of intrinsic value of nature. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:29–37. Russian.
EDN: QRMZLF

Автор:

Людмила Михайловна Логиновская – аспирантка отдела социальной экологии и биоэтики Центра философских проблем социальной динамики. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. Н. Сокольчик.

Author:

Ludmila M. Loginovskaya, postgraduate student at the department of social ecology and bioethics, Center for Philosophical Problems of Social Dynamics.
ouranimal@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-8101-2410>

THE PHENOMENON OF INTRINSIC VALUE OF NATURE

L. M. LOGINOVSKAYA^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. A study of the intrinsic value of nature was conducted. The relationship between the types of value (extrinsic and intrinsic) and approaches to its understanding (subjective and objective) was established. For the first time, a holistic concept was developed which defined the essence and characteristics of the intrinsic value of nature, identified the criteria for its detection, and formulated the definition of the concept of «intrinsic value of nature». The theoretical and methodological foundations of the intrinsic value of nature for living beings, inanimate components and ecosystems are presented. The need to establish harmonious and respectful relationships between humans and their moral partner, the natural world, is ethically substantiated. Recommendations are given for the practical application of the results of this study.

Keywords: intrinsic value of nature; extrinsic value of nature; instrumental value; terminal value; moral status of nature; inherent worth; environmental ethics.

Введение

Вопрос о существовании внутренней ценности природы является ключевым в экологической этике¹ [1]. Однако до сих пор четко не определены сущность, характеристики, а также критерии ее обнаружения. Особый интерес представляет знание о том, кто или что является обладателем данной ценности (только живые организмы, живая и неживая природа, экосистемы или природа в целом) и каков его моральный статус. Следует отметить, что в той части философского социума, которая рассматривает внутреннюю ценность природы как объективную сущность, не достигнут консенсус в том, принадлежит ли внутренняя ценность отдельному при-

родному созданию или она имеет значение только тогда, когда это создание находится во взаимодействии с другими компонентами природы. Ну и, конечно же, не совсем понятно, как именно можно применить знание о внутренней ценности природы на практике.

Прежде чем приступить к изучению проблемы внутренней ценности природы, необходимо разобраться в том, что подразумевают понятия «ценность» и «внутренняя ценность» в целом. Современный британский философ Б. Штейн отмечает: «Трудно понять ценность природы. Еще труднее понять природу ценности»² [2, p. 107].

Философские подходы к пониманию ценности

Существуют различные теоретико-методологические подходы, позволяющие интерпретировать и классифицировать ценности [3]. Для исследования феномена внутренней ценности природы представляет интерес классификация подходов к пониманию ценности, предложенная российским философом А. А. Сычевым³. В зависимости от локализации ценности он выделяет четыре подхода: объектный, субъектный, автономный и диалогический. Объектный подход предполагает, что ценность сосредоточена непосредственно в предмете, явлении или свойстве, она существует сама по себе и не нуждается в том, чтобы ее оценивали [4, с. 304–305]. С точки зрения субъектного подхода именно человек наделяет объекты ценностью, при этом благо становится ценностью только тогда, когда человек или общество оценивают его [5, с. 3]. Автономный подход подразумевает, что ценности пребывают в некоем отдельном мире – «мире идей» или «мире должно-го» [6, с. 460]. И, наконец, согласно диалогическому

подходу ценности возникают в результате взаимодействия субъекта и объекта, при этом оба участника этого «диалога» активно влияют друг на друга. Субъект ценит не сам объект, а ту связь, которая существует между ними [7].

Если в рамках субъектного подхода ценность приписывается объекту и таким образом особое значение придается оценке, то в контексте объектного подхода это становится проблематичным, поэтому должны существовать другие критерии, обосновывающие ценность объекта. Чтобы найти данные критерии, проанализируем эти подходы к пониманию ценности и сравним их.

Субъектный подход к пониманию ценности определяет ценность с точки зрения картезианской парадигмы, подразумевающей существенное различие между картезианским субъектом (человеком) и объектом; только оценивающий субъект может наделить объект ценностью. Известный эстонский аксиолог Л. Н. Столович назвал такой подход персоналист-

¹Экологическая этика – это прикладная дисциплина, изучающая моральную сторону отношения человека к природе.

²Здесь и далее перевод наш. – Л. Л.

³Сычев А. А. Основы философии: учеб. пособие. М. : Альфа-М : Инфра-М, 2008. С. 193–196.

ским [8], так как оценивание происходит при участии персоны – субъекта. Представление о ценности формируется в сознании субъекта. Нет оценивающего субъекта – нет ценности. В персоналистской парадигме ценность всегда относительна (субъективна), так как одни и те же объекты могут иметь существенное значение для одних субъектов и казаться бессмысленными и бесполезными для других. В издании «Философский энциклопедический словарь» предлагается следующая формулировка ценности: «это то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением (П. Менцер)»⁴. Советский философ В. П. Тугаринов, автор теории ценностей, основывающейся на материалистическом понимании потребностей людей, определяет ценности как «предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и т. п.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [9, с. 11]. Разработанное В. П. Тугариновым 1960-х гг. учение о ценностях получило широкое научное признание в СССР. Субъектный подход к пониманию ценности, примененный этим ученым в рамках его теории, стал ведущим, его до сих пор придерживаются многие философы из постсоветских стран⁵.

Вместе с тем современная мировая аксиология характеризуется плюрализмом мнений. Поэтому се-

годня, во-первых, любая теория ценностей, имеющая достаточную аргументацию, может быть признана научным сообществом как имеющая право на существование. Во-вторых, субъектный подход к пониманию ценности перестал быть ведущим в связи с кризисом понятия картезианского субъекта в рамках системного видения мира, где не только человек воздействует на объекты окружающего мира, но и эти объекты оказывают значительное влияние на него, в том числе формируя мировоззрение человека и его представление о ценностях. В издании «Оксфордский словарь английского языка» можно найти следующее определение ценности: «это важность, достоинство и полезность чего-либо»⁶. Следует отметить, что такая интерпретация ценности соответствует объектному подходу. Хотя все же нам трудно пока осознать, каким образом ценность объекта, согласно объектному подходу к пониманию ценности, может быть реальной вне оценивающего субъекта. Можно предположить, что важной характеристикой данной ценности является ее неотъемлемость от данного объекта, а критерием ее обнаружения выступает не оценка (как в субъектном подходе), а значимость и необходимость для обеспечения существования данного объекта. В таком случае становится возможным понимание того, что ценность, сосредоточенная в самом объекте, являющаяся неотъемлемой и обеспечивающей существование данного объекта, есть внутренняя ценность.

Внутренняя ценность как аксиологическая проблема

Один из наиболее сложных феноменов философского исследования ценностей – понятие внутренней ценности. Представление о нем появилось еще задолго до возникновения экологической этики⁷. Однако до сих пор нет четкого определения, что такое внутренняя ценность.

Профессор Сиракузского университета Б. Брэдли, занимающийся изучением современных проблем аксиологии, сформулировал две концепции внутренней ценности – муровскую и кантовскую [10]. Согласно муровской концепции, в основу которой положена моральная теория английского философа Дж. Э. Мура (1873–1958), носителями внутренней ценности являются положения дел или состояния дел⁸ (например, удовольствие, счастье), которые нуждаются в том, чтобы их продвигали, вызывали, а также

максимизировали, что приведет к увеличению количества блага в мире. В соответствии с кантовской концепцией внутренней ценностью обладают объекты (или физические субъекты)⁹, к которым следует испытывать чувство морального долга и относиться с уважением [11, с. 62–63].

Сравнение двух концепций показывает, что в философии понятия «являться ценностью» и «обладать ценностью» не всегда четко разграничиваются. Так, муровская интерпретация, вероятно, предполагает, что такие состояния дел, как счастье и удовольствие, сами по себе являются внутренними ценностями, а кантовская – что объекты, например человек и животные, имеют внутреннюю ценность, т. е. содержат ее внутри себя. Таким образом, когда мы говорим, что объект обладает ценностью,

⁴Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2009. С. 507.

⁵С помощью субъектного подхода к пониманию ценности можно исследовать только внешнюю ценность объекта (ценность, которую объект представляет для других). Познание внутренней ценности объекта (ценности для самого себя) выходит за рамки субъектного подхода к пониманию ценности, примененного В. П. Тугариновым в его теории.

⁶Oxford Dictionary of English. 3rd ed. Oxford : Oxf. Univ. Press, 2010. P. 1963.

⁷Экологическая этика как самостоятельная область знания возникла в середине XX в.

⁸Под муровскими понятиями «положения дел» и «состояния дел», вероятно, подразумеваются свойства и состояния объектов.

⁹Интерпретируя кантовскую концепцию внутренней ценности, Б. Брэдли опирается на идею И. Канта об абсолютной ценности человека. И. Кант был убежден, что носитель абсолютной ценности всегда является целью самой по себе и к нему никогда нельзя относиться как к средству.

мы подразумеваем, что он является носителем некоторого существенного и значимого свойства или состояния. Если мы указываем непосредственно на него, то предполагаем, что это, собственно, и есть ценность. Итак, внутренняя ценность – это не сам объект, а его свойство или состояние.

Дж. Э. Мур разработал два критерия, которые позволяют проверить наличие внутренней ценности: «принцип супервентности» [12, с. 260] и «изоляционный тест» [13, с. 187]. Принцип супервентности заключается в том, что внутренняя ценность всегда зависит от внутренней природы объекта, которому она принадлежит. Иными словами, внутренней ценностью обладает нечто исключительное в силу своих внутренних свойств (например, доброта может присутствовать у человека безотносительно к его отношениям с другими людьми). И наоборот, когда мы отрицаем, что какой-то объект имеет внутреннюю ценность, мы указываем, что ценность данного объекта полностью зависит от его внешних свойств (например, гаечный ключ служит для закручивания гаек). Суть изоляционного теста сводится к пред-

ставлению объекта, обладающего ценностью, абсолютно самим по себе, например единственно существующим во вселенной. Если объект при таких обстоятельствах по-прежнему продолжит иметь ценность, значит его ценность является внутренней.

Применим изоляционный тест к таким мурковским состояниям дел, как счастье и удовольствие. Становится очевидным, что ни счастье, ни удовольствие не могут существовать самостоятельно во вселенной, и наоборот, их можно представить существующими там, но только в совокупности с их носителями (людьми, животными и др.), являющимися, по сути, кантовскими обладателями внутренней ценности. Таким образом, мы приходим к выводу, что внутренняя ценность объектов (например, счастье и удовольствие) является их неотъемлемым свойством и состоянием. Отрицание внутренней ценности будет означать отрицание объектов, которые содержат эту внутреннюю ценность. Так как такое отрицание невозможно, мы можем судить об объективном существовании внутренней ценности, которая не нуждается в оценивающем субъекте.

Теоретико-методологические основания внутренней ценности природы

Получив представление о понятиях «ценность» и «внутренняя ценность», целесообразно перейти к изучению феномена внутренней ценности природы. Исходя из вышесказанного, мы должны найти неотъемлемые свойства и состояния природного мира, являющиеся значимыми и необходимыми для его существования, которые и будут составлять его внутреннюю ценность. Но прежде разрешим эпистемологическую проблему, которая лежит в основе интерпретации двух классификаций, разделяющих ценности природы, с одной стороны, на внешние и внутренние, с другой стороны, на инструментальные и терминальные, так как неопределенность этих понятий мешает объективно выявить сущность и характеристики внутренней ценности природы.

Украинский просветитель в области экологической этики В. Е. Борейко, используя слово «полезность»¹⁰ в качестве синонима ценности, распределяет ценности природы на внутренние (полезность для себя) и внешние (полезность для других), ставя во главу угла критерий «для кого существует ценность (полезность)», или, иными словами, «кто является ее бенефициаром» [14, с. 13]. Исследователь пишет: «На вопрос “кому полезна рябина?” исходя из внешней ценности можно ответить “человеку, снегирям, насекомым, ручью” и исходя из внутренней ценности – “себе самой”». Таким образом, внешнюю ценность природы мы определим как ее ценность для других, внутреннюю ценность – как ее ценность для себя (иными словами, внутренняя ценность природы – это ее самоценность).

Существует также другая классификация, в основу которой положен критерий отношения ценности к цели [15, с. 11–12]. Согласно этой классификации, если ценность является целью самой по себе, то эта ценность называется терминальной. В случае если ценность является всего лишь средством для достижения цели или, иными словами, если ценность выступает посредником на пути к терминальной ценности, то такая ценность называется инструментальной. Итак, сосредоточимся на внутренней ценности природы и изучим, как она соотносится с понятиями терминальной и инструментальной ценности.

Очевидно, что неотъемлемыми, значимыми, необходимыми и объективными свойствами или состояниями для природы являются жизнь и существование. Важно отметить, что жизнь – сложный феномен, включающий в себя два аспекта:

1) жизнь как особая форма бытия, представляющая собой физиологическое существование природного объекта;

2) жизнь как сущность во всех ее проявлениях – в виде потребностей, интересов, свойств живого объекта (клеточного строения, питания, дыхания, роста, размножения, развития и др.), его адаптации к условиям внешней среды и т. д.

По нашему мнению, высшей, а следовательно, терминальной внутренней ценностью любого живого существа является его жизнь как особая форма бытия. Другой аспект внутренней ценности, представленный в живых объектах в виде различ-

¹⁰Категория «полезность» всегда носит сугубо инструментальный характер.

ных жизненных проявлений, служит средством для поддержания жизни, а соответственно, является инструментальной внутренней ценностью. Например, потребность растения в осуществлении фотосинтеза дает ему возможность жить за счет потребления солнечной энергии. Здесь потребность является инструментальной внутренней ценностью, потому что она направлена на поддержание жизни – терминальной внутренней ценности.

Заслуживает внимания тот факт, что вышеупомянутое представление о терминальной и инструментальной внутренней ценности несколько отличается от позиции ряда авторов [2; 7; 16], считающих внутреннюю ценность существующей как цель сама по себе. Вероятно, данные авторы подразумевают внутреннюю терминальную ценность, игнорируя тот факт, что внутренняя ценность может быть еще инструментальной. Также в экологической этике в качестве синонима внешней ценности природы нередко используется понятие «инструментальная ценность»¹¹ [7], с чем мы не можем согласиться.

Наша концептуальная точка зрения на вопрос, в чем состоит внутренняя ценность природы, сходна с позицией таких авторитетных просветителей в сфере экологической этики, как В. Е. Борейко, А. Швейцер, Х. Ролстон III. «Можно предположить, что внутренняя ценность рябины состоит в ее интересе, желании, воле, стремлении к жизни, к свободе, к продолжению существования, к размножению, а также к счастью», – пишет В. Е. Борейко [14, с. 13]. Его мнение согласуется с позицией немецко-французского мыслителя А. Швейцера, считающего волю к жизни высшей ценностью [17, с. 278–284], а также с мнением американского философа Х. Ролстона III, полагающего, что борьба за жизнь и есть внутренняя ценность природы [18, р. 173].

Так как в природе нет несущественных интересов и потребностей, и наоборот, все, что создано природой, является в высшей степени целесообразным и направленным на борьбу за существование, нет смысла разделять понятия «потребности», «интересы» и «ценности» в рамках теории внутренней ценности природы (что, например, можно часто встретить в работах по социологии). Если потребности и интересы природных созданий значимы и необходимы для них самих, а также направлены на поддержание жизни этих созданий, то на этом основании мы можем считать их внутренней ценностью. Таким образом, если человек говорит: «Я уважаю внутреннюю ценность объектов, существующих в природе», значит он учитывает их интересы и потребности, а также признает цели данных объектов, имеющие важное значение для них. Возможно, именно в этом заключается принцип благоговения перед жизнью, сформулированный А. Швейцером [17, с. 304–327].

Важно заметить, что собственные интересы, потребности, цели и прочие проявления воли к жизни не всегда могут осознаваться живыми существами. Так, рябина ввиду отсутствия у нее нервной системы не понимает свою потребность в солнце, воде, минеральных веществах, как не понимает потребность в тепле и материнском молоке младенец. Люди, находящиеся в коме, люди с тяжелыми психическими нарушениями также не осознают (или могут не осознавать) собственные потребности и интересы, как не осознают свое желание жить и расти бактерии, протисты, грибы и некоторые представители животного мира, лишенные высшей нервной деятельности.

Возникают вопросы: одни ли только живые существа являются носителями внутренней ценности? могут ли ею обладать неживые природные сознания, например камень, воздух, река и даже целые экосистемы? Х. Ролстон III, признавая наличие внутренней ценности в живой природе, считает проблематичным использование этого понятия по отношению к экосистеме. Он пишет: «Внутренняя ценность, ценность индивидуума, каким он является сам по себе, становится проблематичной в целостной сети... Однако внутренняя ценность является частью целого и ее нельзя фрагментировать и оценивать изолированно» [18, р. 173–174]. Вышеупомянутый философ, акцентируя внимание на самоценности организма, находящегося во взаимодействии с другими организмами, вне которого он бессмыслен, формулирует концепцию системной ценности экосистем. Эта точка зрения интересна, но она не вписывается в методологию системного подхода, подразумевающего, что индивидуальные организмы также являются системами.

В издании «Большая российская энциклопедия»¹² содержится следующее определение понятия экосистемы: «...это совокупность совместно обитающих организмов и условий их существования, находящихся в закономерной взаимосвязи друг с другом и образующих систему взаимообусловленных биотических и абиотических явлений и процессов». Экосистема – это и озеро, которое населяют рыбы, моллюски, водоросли, и лес, и луг с их обитателями. Итак, экосистема является сложной системой, которая включает живые существа и неживую среду обитания. Отдельно взятый живой организм – это также сложная система, состоящая из живых и неживых компонентов. Например, кости и зубы у млекопитающих являются прочными благодаря большому количеству минеральных веществ, входящих в их состав (эмаль зуба на 100 % состоит из неорганических веществ). Таким образом, неживые компоненты, находящиеся в составе живого организма, придают ему функциональность, например обеспечивают опорную (в случае костей) и механическую

¹¹Борейко В. Е. Экологическая этика в вузе. Киев : Киев. эколог.-культур. центр, 2004. С. 14.

¹²Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/ekosistema-cb7f92> (дата обращения: 27.01.2025).

(в случае зубов) функции. Утрата неживых компонентов неминуемо приведет к утрате функций, присущих живому индивидууму. В рамках экосистемы живые организмы тесно взаимодействуют с неживой природой, служащей для них и средой обитания, и пищевым ресурсом. Разрушение среды обитания, лишение пищевых ресурсов чреваты гибелью живых существ. Очевидно, что обе системы – и индивидуальный организм, и экосистема – обладают потребностями в сохранении своей целостности и жизненно важных функций, процветании; в этом, вероятно, и состоит их внутренняя ценность. Как индивидуальный организм с помощью адаптации борется за свое существование, точно так же экосистема с помощью способности к восстановлению пытается сохранить свою устойчивость. Таким образом, экосистема, как целостный многокомпонентный природный объект, обладает терминальной внутренней ценностью, которая заключается непосредственно в ее существовании. Все потребности, механизмы, адаптации и свойства экосистемы, которые поддерживают это существование, являются инструментальными внутренними ценностями.

Итак, мы признаем, что живые организмы и экосистемы обладают внутренней ценностью. Но что насчет неживой природы? Российский исследователь Д. С. Ермаков, придерживаясь субъектного подхода к интерпретации ценности, использует понятие «достоинства» по отношению ко всем созданиям природы, намеренно избегая употребления слов «существа» и «объекты» [19]. По его мнению, этическим основанием признания достоинства как неотъемлемого качества созданий природы служит их возникновение в результате процессов самоорганизации, не предлагающее наличие оценивающего субъекта. «Достоинство можно признавать либо не признавать, уважать либо презирать, но им нельзя наделять – это неотъемлемое качество возникает по факту рождения», – замечает исследователь [19, с. 133].

Размышляя об онтологическом достоинстве созданий природы, которое в рамках объектного подхода к пониманию ценности обретает тот же смысл, что и внутренняя ценность, нетрудно представить, какими потребностями в первую очередь они обладают, особенно если речь идет о представителях дикой природы. По нашему мнению, несмотря на то что в окружающем мире все объекты вовлечены во взаимодействие друг с другом и действует закон «все связано со всем», каждое уникальное при-

родное творение стремится в той или иной степени обладать автономией, чтобы сохранить свою целостность и не быть уничтоженным. Данным универсальным свойством наделены все создания природы. Х. Ролстон III отметил: «Адаптации придают индивидуальной ценности свойство быть независимой...» [18, р. 173–174]. Здесь важно заметить, что адаптации – это не только функции организма, обеспечивающие приспособление к условиям внешней среды, но и прежде всего особенности строения природных созданий, направленные на защиту их автономии. Например, присущие камню твердость и прочность сдерживают процессы вымывания и выветривания, что способствует его сохранению.

Таким образом, неживые природные создания также обладают внутренней ценностью. Внутренняя ценность терминальна, если речь идет о существовании неживых объектов природы, и она инструментальна, если мы говорим о свойствах и состояниях этих объектов, обеспечивающих их существование.

Проведенный теоретико-методологический анализ внутренней ценности природы позволил определить ее сущность, характеристики и критерии обнаружения. Критериями обнаружения внутренней ценности природы (ее сущностными характеристиками) являются неотъемлемость, значимость и необходимость ценности для ее носителя, естественный путь возникновения ценности в ходе эволюции. Этим критериям соответствуют такие ценности, как жизнь биологических организмов как особая форма бытия; существование неживой природы; свойства и состояния природных объектов, которые поддерживают их жизнь и существование (потребности, интересы, адаптации, особенности строения и др.).

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать определение понятия «внутренняя ценность природы». Внутренняя ценность природы – это возникшее естественным путем ее неотъемлемое свойство или состояние, которое является значимым и необходимым для природы, обеспечивает ее жизнь и существование или представляет собой непосредственно жизнь и существование природных объектов.

Кроме того, необходимо отметить дополнительные характеристики внутренней ценности природы. Она может быть инструментальной и терминальной, осознается и не осознается ее носителями, объективна (не нуждается в оценивании).

Внутренняя ценность природы как основа нового мировоззрения

На протяжении нескольких столетий люди были убеждены в своем исключительном статусе в мире природы. Человек считал, что только он вправе наделять природные объекты ценностью, и поступал

с ними так, как ему заблагорассудится. Такая точка зрения, ставящая человека в центр мироздания, носила название «антропоцентризм». Она подверглась критике лишь в середине XX в. На смену ей

пришла другая парадигма – нон-антропоцентризм¹⁵, которая дала человечеству надежду на установление более гармоничных и справедливых взаимоотношений с окружающим миром. Признание того, что природа обладает внутренней ценностью, побуждает нас задуматься о нравственной стороне деятельности человека в природном мире и переосмыслить статус природы, а также наше положение в ней.

В. Е. Борейко акцентирует внимание на том, что следует разделять понятия «моральный агент» и «моральный партнер». Моральный агент – это существо, обладающее способностями к нравственным размышлению, благодаря которым оно может поступать морально и аморально, иметь обязанности и ответственность, отчитываться за свои действия. Моральный партнер – это любое создание, обладающее внутренней ценностью. Другими словами, люди, как моральные агенты по отношению к своему моральному партнеру – природе, имеют обязанности, а вот природа по отношению к человеку их не имеет, так как не является моральным агентом. Экологическая этика является продуктом деятельности моральных агентов [14, с. 19–21]. Данная классификация может быть предложена для определения морального статуса представителей вида *homo sapiens*, не обладающих сознанием полностью или частично в силу его неразвитости или утраты: людей, пребывающих в коме, пациентов, находящихся в вегетативном состоянии, младенцев, эмбрионов, людей с особенностями психофизического развития, душевнобольных и др. Обычно установление морального статуса таких индивидов вызывает затруднения. Однако в соответствии с вышеописанной логикой ясно, что даже в силу отсутствия или неразвитости сознания они не утратили своей внутренней ценности, а поэтому могут выступать моральными партнерами, по отношению которым моральные агенты (дееспособные люди) имеют моральные обязанности.

Итак, как же можно применить знание о внутренней ценности природы на практике? Прежде всего необходимо развенчать классический миф о превосходстве человека над другими созданиями природы, существующий в сознании людей. В этом развенчании и заключается интегрирующая функция экологической этики, которая состоит в объединении всех компонентов природы и определении статуса человека как части природы, наделенного ответственностью за собственные поступки в окружающем мире.

Безусловно, на практике признание внутренней ценности природы не предполагает абсолютное удовлетворение потребностей и интересов всех ее представителей. Все существующее в природе стремится к собственному благосостоянию и процветанию, что неминуемо влечет конфликт интересов, конкуренцию, борьбу за ресурсы и т. д. Поэтому

перед экологической этикой стоит важная задача – сформулировать принципы и правила для человечества, которые будут способствовать установлению оптимального баланса в удовлетворении наиболее значимых интересов и потребностей различных представителей природного мира.

Признание внутренней ценности природы имеет огромное значение в природоохранной деятельности. Например, сейчас девственные леса еще не получили статуса обладателя внутренней ценности, и лесозаготовительные компании могут вырубать их без какого-либо предварительного обоснования. Чтобы остановить вырубку исчезающих старовозрастных лесов, защитникам окружающей среды необходимо обратиться в суд с требованием наложения судебного запрета. Если бы внутренняя ценность природы была широко признана и закреплена на законодательном уровне, лесозаготовительные компании всякий раз, когда они намереваются заняться вырубкой старовозрастного леса, были бы вынуждены обращаться в суд за получением разрешения на это, в обязательном порядке представляя весомое обоснование [1]. Разницу в отношении к природе в первом и втором случае можно сравнить лишь с разницей между правовой системой, действующей на основе презумпции вины, и системой, которая действует на основе презумпции невиновности. Бремя доказывания было бы снято с плеч защитников окружающей среды и переложено на плечи тех, кто по тем или иным причинам разрушает природу [20].

Наделение природы статусом морального партнера и признание того, что все природные создания обладают автономией, позволит людям значительно сократить количество случаев пренебрежительного отношения к природным объектам и жестокого обращения с живыми существами. Уничтожение природы будет допускаться только в тех случаях, когда на кон поставлена жизнь человека, а альтернатива, исключающая уничтожение природы, будет отсутствовать. Убийство диких животных, изъятие их из естественной среды обитания и содержание в неволе в целях развлечения людей, а также бездумное разрушение природных экосистем будут подвергаться строгому моральному осуждению и иметь правовые последствия.

Также становится очевидным, что строительные, научные, образовательные и иные проекты, затрагивающие интересы природных объектов, будут осуществляться только после проведения этико-экологической экспертизы. В случае недостаточного понимания и знания процессов, происходящих в окружающем мире (например, при освоении космоса, разработке технологий искусственного интеллекта), необходимо будет руководствоваться принципом предосторожности, чтобы исключить нанесение ущерба как самому человеку, так и всему тому, что его окружает.

¹⁵Нон-антропоцентризм (*non-anthropocentrism*) – это мировоззренческая установка, отрицающая превосходство человека над другими природными созданиями. Она включает в себя два основных направления: биоцентризм, признающий внутреннюю ценность всего живого, и экоцентризм, рассматривающий дикую природу и экосистемы как самостоятельную ценность.

Заключение

Внутренняя ценность природы – это неотъемлемое, объективное и естественное свойство или состояние природного мира либо его отдельных компонентов, заключающееся непосредственно в их жизни и существовании или обеспечивающее их, являющееся для них значимым и необходимым. Внутренней ценностью обладает весь природный мир, к которому относятся и живые существа, и неживые компоненты природы (в том числе небесные тела), и целые экосистемы. Человек, как один из представителей царства животных, являясь частью природы, также обладает внутренней ценностью. В природе все целесообразно. Все интересы, потребности, проявления жизни и явления живой и неживой природы значимы и необходимы для ее существования, следовательно, они выступают внутренней ценностью природы.

Поскольку внутренняя ценность является неотъемлемым свойством или состоянием объекта, то отрицание внутренней ценности природы и ее компонентов означает отрицание их существования. Невозможность такого отрицания указывает на объективность существования внутренней ценности природы и отсутствие необходимости в ее оценивании.

Отличие внутренней ценности природного объекта от его внешней ценности заключается в том, что внутренняя ценность существует непосредственно для него (поскольку он является ее носителем) безотносительного к тому, наделяет ли ценностью этот объект кто-то другой или нет. Осмысление внутренней ценности природы становится возможным в рамках объектного подхода к пониманию ценности, внешняя ценность природы рассматривается с помощью субъектного подхода к пониманию ценности. Внутренняя ценность природы может осознаваться ее носителями (например, живыми существами, обладающими высшей нервной деятельностью) или не осознаваться ими (например, природными созданиями, у которых отсутствует или недостаточно развито сознание). Внутренняя ценность присуща всем природным созданиям вне зависимости от того, обладают они сознанием или нет.

Внутренняя ценность природы может быть терминальной (целью самой по себе) и инструментальной (средством для достижения цели, например тер-

минальной внутренней ценности). Терминальной внутренней ценностью природы является жизнь для живых существ или существование для неживой природы и экосистем. Все свойства и состояния природы и ее компонентов, обеспечивающие их жизнь и существование (потребности, интересы, адаптации, свойства, особенности строения и др.), выступают инструментальной внутренней ценностью природы.

Несмотря на внешнюю вовлеченность объектов природы во внешний мир, которая выражается во взаимодействии природных компонентов, все существующее в природе стремится к автономии. Автономия выступает универсальным свойством природных объектов, которое помогает им сохранить целостность, проявить устойчивость к неблагоприятным внешним факторам, способствует выживанию и продолжению их существования. Например, экосистема стремится сохранить устойчивость и не быть разрушенной в результате хозяйственной деятельности человека, а любое небесное тело нуждается в том, чтобы не быть уничтоженным кем-либо или чем-либо. Благодаря внутренней ценности планета Земля вместе с ее обитателями и космос продолжают существовать.

Природный мир и его компоненты должны быть наделены статусом морального партнера, по отношению к которому моральный агент (человек), обладающий способностями к нравственным размышлениям и самооценке, имеет моральный долг. Признание внутренней ценности природы будет способствовать развенчанию мифа о мнимом превосходстве человека над иными природными созданиями и формированию нового мировоззрения, направленного на гармоничное сосуществование человека и всего того, что его окружает в природе.

Предложенная в данном исследовании концепция внутренней ценности природы позволит лучше обосновать существующие принципы и правила экологической этики. Данные принципы и созданные на их основе практические рекомендации могут быть использованы в таких сферах, как наука, образование и просвещение, охрана дикой природы, защита животных, юриспруденция, промышленность, информационные технологии, космическая отрасль и др.

Библиографические ссылки

1. Callicott JB. Intrinsic value in nature: a metaethical analysis. *The Electronic Journal of Analytic Philosophy* [Internet]. 1995 [cited 2025 January 27];3. Available from: <https://ejap.louisiana.edu/EJAP/1995.spring/callicott.1995.spring.html>.
2. Steyn B. Nature's intrinsic value: a taxonomy. *Environmental Ethics: an Interdisciplinary Journal*. 2024;46(2):107–130. DOI: 10.5840/enviroethics20245975.
3. Елишев СО. Изучение понятий «ценность», «ценостные ориентации» в междисциплинарном аспекте. *Ценности и смыслы*. 2011;11(2):82–96. EDN: NYGXHB.
4. Шелер М. *Избранные произведения*. Денежкин АВ, Малинкин АН, Филиппов АФ, переводчики; Денежкин АВ, редактор. Москва: Гнозис; 1994. 490 с.
5. Тугаринов ВП. *О ценностях жизни и культуры*. Ленинград: Ленинградский университет; 1960. 156 с.

6. Риккерт Г. *Философия жизни*. Киев: Ника-центр; 1998. 505 с.
7. Deplazes-Zemp A. Beyond intrinsic and instrumental: third-category value in environmental ethics and environmental policy. *Ethics, Policy & Environment*. 2023;27(2):166–188. DOI: 10.1080/21550085.2023.2166341.
8. Соловьев ЛН. И. Кант и проблема ценности. *Кантовский сборник*. 2009;30(2):2–31. EDN: KXTAFR.
9. Тугаринов ВП. *Теория ценностей в марксизме*. Ленинград: Ленинградский университет; 1968. 124 с.
10. Bradley B. Two concepts of intrinsic value. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2006;9(2):111–130. DOI: 10.1007/s10677-006-9009-7.
11. Кант И. *Основы метафизики нравственности*. Фохт Б, Соколов Н, переводчики. Москва: ACT; 2023. 384 с.
12. Moore GE. *Philosophical studies*. New York: Harcourt, Brace; 1922. 342 р.
13. Moore GE. *Principia ethica*. New York: Cambridge University Press; 1903. 232 р.
14. Борейко ВЕ. *Краткий курс экологической этики*. Киев: Киевский эколого-культурный центр; 2004. 72 с.
15. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press; 1973. 438 р.
16. Bradley B. Intrinsic value. *The International encyclopedia of ethics* [Internet]. 2013 [cited 2025 January 27]. Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781444367072.wbiee122>. DOI: 10.1002/9781444367072.wbiee122.
17. Швейцер А. *Культура и этика*. Москва: Прогресс; 1973. 343 с.
18. Rolston H. *Conserving natural value*. New York: Columbia University Press; 1994. 259 р.
19. Ермаков ДС. Об этике достоинства созданий природы. В: Апресян РГ, редактор. *Этика и экология. Сборник научных статей. Выпуск 9*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; 2010. с. 128–136.
20. Fox W. What does the recognition of intrinsic value entail? *The Trumpeter. Journal of Ecosophy* [Internet]. 1993 [cited 2025 January 27];10(3). Available from: <https://trumpeter.athabascau.ca/index.php/trumpet/article/view/379>.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.
Received by editorial board 06.02.2025.

Социальные исследования

SOCIAL RESEARCHES

УДК 316.4

ВОПРОСЫ ВАКЦИНАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

E. A. КЕЧИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты социологического исследования отношения родителей-мигрантов, приехавших в Республику Беларусь, к вакцинации детей. Указано, что результаты данного исследования могут использоваться для разработки эффективной информационной кампании по мотивации родителей-мигрантов к вакцинации детей в Республике Беларусь. Проанализированы данные о приверженности и мотивации родителей-мигрантов к вакцинации детей в Республике Беларусь и отмечены их потребности в этой области. Даны рекомендации по проведению информационной кампании по формированию приверженности родителей-мигрантов к вакцинации детей.

Ключевые слова: миграция; социологическое исследование; отношение к вакцинации детей; мотивация к вакцинации; информационная кампания.

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта «Поддержка потенциала Республики Беларусь в области охраны здоровья мигрантов с фокусом на инфекционные заболевания», реализуемого Международной организацией по миграции в сотрудничестве с Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Образец цитирования:

Кечина ЕА. Вопросы вакцинации детей мигрантов в Республике Беларусь (опыт социологического исследования). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:38–43.

EDN: SHNYHL

For citation:

Kechyna YaA. Issues of vaccination of migrant children in the Republic of Belarus (experience of sociological research). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:38–43. Russian.

EDN: SHNYHL

Автор:

Евгения Аркадьевна Кечина – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Yauheniya A. Kechyna, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
eaksoc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3441-9446>

ISSUES OF VACCINATION OF MIGRANT CHILDREN IN THE REPUBLIC OF BELARUS (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Ya. A. KECHYNA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the attitude of migrant parents who arrived in the Republic of Belarus to the vaccination of children. It is indicated that the results of this study can be used to develop an effective information campaign to motivate migrant parents to vaccinate their children in the Republic of Belarus. The article analyses data on the commitment and motivation of migrant parents to vaccinate their children in the Republic of Belarus and notes their needs in this area. Recommendations are given for conducting an information campaign to form the commitment of migrant parents to vaccinate their children.

Keywords: migration; sociological research; attitude towards vaccination of children; motivation for vaccination; information campaign.

Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the project «Supporting the potential of the Republic of Belarus in the field of migrant health protection with a focus on infectious diseases», implemented by the International Organisation for Migration in cooperation with the Ministry of Health of the Republic of Belarus.

Введение

В настоящее время Республика Беларусь в значительной мере вовлечена в международный миграционный кругооборот: потоки мигрантов, прибывающих в страну для проживания, велики. Многие мигранты приезжают в республику с детьми, которым обеспечивается полный доступ к бесплатным медицинским услугам наравне с гражданами Республики Беларусь. Одной из важнейших задач системы здравоохранения республики выступает вакцинация детей в рамках Национального календаря профилактических прививок. Уровень охвата детей вакцинацией от опасных инфекций в стране традиционно является высоким, что служит важным фактором защиты здоровья ее населения от распространения инфекционных заболеваний. По этой причине включение детей мигрантов в систему вакцинации Республики Беларусь выступает одной из важнейших задач системы здравоохранения. Согласно законодательству Республики Беларусь вакцинация является добровольной и решение о вакцинации ребенка принимается его родителями или законными представителями. В связи с этим для охвата прибывающих в страну детей профилактическими прививками актуальным становится понимание позиции родителей-мигрантов в вопросах вакцинации их детей. В 2024 г. для разработки эффективной информационной кампании по мотивации мигрантов к вакцинации в Республике Беларусь автором настоящей работы было проведено социологическое исследо-

вание отношения родителей-мигрантов к вакцинации детей в рамках проекта «Поддержка потенциала Республики Беларусь в области охраны здоровья мигрантов с фокусом на инфекционные заболевания», реализуемого Международной организацией по миграции в сотрудничестве с Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Следует отметить, что результаты этого исследования позволили впервые получить данные о приверженности и мотивации родителей-мигрантов к вакцинации детей в республике, а также их потребностях в этой области.

Кроме того, исследование имело целью реализацию важной практической функции – разработку рекомендаций для информационной кампании по формированию приверженности родителей-мигрантов к вакцинации их детей в Республике Беларусь. Объектом исследования выступили мигранты из Украины, поскольку в настоящее время миграционный поток из этой страны является значительным по своим размерам и мигранты из Украины, в отличие от трудовых мигрантов, приезжают в Республику Беларусь с детьми. Целью исследования служило изучение отношения родителей-мигрантов к вакцинации детей, их осведомленности в данном вопросе, декларируемых намерений и реальных действий для разработки эффективной информационной кампании по мотивации мигрантов к вакцинации.

Материалы и методы исследования

При сборе и анализе данных использовалась качественная методология исследования. Методами сбора информации являлись опрос фокус-группы, состоящей из врачей-педиатров, которые работают с детьми мигрантов, и глубинные интервью не-

посредственно с мигрантами, приехавшими в Республику Беларусь с детьми. Опрос фокус-группы, состоящей из врачей-педиатров, был направлен на предварительный анализ изучаемого вопроса. Интерпретация результатов данного опроса позволила

получить описание основных характеристик и проблем в области вакцинации детей, включая детей мигрантов, в Республике Беларусь, рекомендации врачей-педиатров по расширению охвата вакцинацией детей в целом и детей мигрантов в частности, выявить общее отношение родителей к вакцинации детей и специфику вакцинации детей мигрантов.

Результаты опроса фокус-группы также были использованы для подготовки инструментария глубинных интервью с родителями-мигрантами. Участниками фокус-группы были врачи-педиатры из Минска (2 человека), Гомеля (2 человека) и Пинска (1 человек), имеющие опыт приема детей мигрантов. Города отбирались с учетом их административного статуса (столица, областной город, районный город) и принадлежности к регионам с большой численностью мигрантов. Далее было проведено 20 глубинных интервью непосредственно с мигрантами. Объем выборочной совокупности исследования определен с учетом закрытости и труднодоступности целевой группы для исследования, а также возможностей доступа к ней, который был осуществлен при содействии Представительства Международной организации по миграции в Республике Беларусь. Для участия в исследовании приглашались мигранты, проживающие в Минске.

Выбор качественного метода глубинного интервью определен тем, что вопросы отношения родите-

лей к вакцинации детей являются личными, они связаны с опытом и психологическими особенностями родителей. Именно этот метод сбора данных позволил путем анализа индивидуальных кейсов респондентов выявить сущность и специфику исследуемого вопроса и глубоко изучить их опыт вакцинации детей в стране выбытия и в Республике Беларусь, а также личное отношение к вакцинации. Для интервью отбирались мигранты, имеющие детей разных возрастов – дошкольного (6 лет и младше) и школьного (7–17 лет) возраста. Интервью проводилось в индивидуальной форме, аудиозапись выполнялась с согласия респондента. В глубинных интервью приняли участие 15 женщин и 5 мужчин. Число детей у респондентов различно: 13 респондентов живут в Республике Беларусь с одним несовершеннолетним ребенком, 2 респондента – с двумя детьми, 5 респондентов – с тремя детьми. Возраст детей варьируется от 1 года до 16 лет, поскольку именно этот возрастной контингент подлежит вакцинации в рамках Национального календаря профилактических прививок Республики Беларусь. Респонденты были проинформированы о целях и задачах исследования, анонимности и принципах добровольного участия, а также о возможности не отвечать на личные вопросы и прекратить участие в исследовании в любой момент.

Результаты и их обсуждение

Опрос фокус-группы, состоящей из врачей-педиатров, позволил получить предварительную информацию о доступе детей мигрантов к медицинской помощи в Республике Беларусь и специфике обращения их родителей по вопросам вакцинации и медицинской помощи. В ходе исследования установлено, что система здравоохранения Республики Беларусь обеспечивает детям мигрантов полный доступ к вакцинации; врачам в детских поликлиниках известно, какие пациенты являются мигрантами (это отражается в медицинской карте при прикреплении ребенка к поликлинике); прививки доступны всем детям мигрантов вне зависимости от их статуса и длительности пребывания в Республике Беларусь; для вакцинации необходимо прикрепить ребенка к поликлинике по месту жительства и обратиться к участковому врачу-педиатру; дети мигрантов приходят на прием к врачу-педиатру, как правило, с матерью, которая лучше осведомлена в вопросах вакцинации; многодетные семьи иногда приходят с обоими родителями; для вакцинации ребенка достаточно согласия одного родителя или законного представителя; чаще решение о вакцинации принимает мать; иногда в Республику Беларусь приезжают непривитые дети; часть мигрантов, совершивших экстренный отъезд из своей страны, не имеют официальных документов о прививках детей (история

прививок определяется со слов родителей); мигранты из восточных и южных стран на приеме у врача сталкиваются с языковыми трудностями, что усложняет коммуникацию, особенно когда врачу-педиатру нужно провести разъяснительную беседу на тему вакцинации.

Результаты глубинных интервью с мигрантами также подтвердили, что в Республике Беларусь у их детей есть полный доступ к вакцинации. С начала пребывания в республике участники интервью, независимо от имеющегося типа регистрации, могли прикрепить своих детей к детской поликлинике по месту пребывания. Респонденты отметили, что все их дети зарегистрированы в детских поликлиниках по месту жительства, также они получали там различные медицинские услуги. Мигранты знакомы с участковыми врачами-педиатрами, всем респондентам предлагалось привить детей, если это необходимо в соответствии с возрастом. Участники исследования знают, что по вопросам вакцинации детей необходимо обращаться в поликлинику к участковому врачу-педиатру. Также с согласия родителей-мигрантов их детей вакцинируют в школе. Следовательно, препятствий для вакцинации детей мигрантов в Республике Беларусь не существует.

Все респонденты прививали детей бесплатно. В интервью мигранты отмечали наличие матери-

альных трудностей у их семей, поэтому бесплатность прививок очень важна для них. Доступ к вакцинации для детей мигрантов в Республике Беларусь является простым.

Анализ глубинных интервью позволил определить 3 типа поведения родителей-мигрантов по отношению к обязательной, согласно Национальному календарю профилактических прививок, вакцинации их детей:

- родители делают прививки всем своим детям в соответствии с календарем;
- родители прививают детей частично (делают прививки только старшим детям);
- родители не делают прививок своим детям.

Из результатов глубинных интервью следует, что уровень информированности мигрантов об обязательных прививках не оказывает существенного влияния на их поведенческую стратегию. Среди родителей, которые вакцинируют детей, есть как те, кто интересуется вопросами вакцинации и изучает их, так и те, кто не всегда знает, от каких болезней их ребенок был вакцинирован. Также широким спектром знаний о прививках могут обладать и родители, которые отказываются от обязательной вакцинации детей. Выгоды вакцинации (меньшая тяжесть заболевания и формирование иммунитета ребенка) понимают родители, которые делают прививки детям, но эти родители не проводят глубокого анализа данных выгод, так как для принятия решения о вакцинации ребенка им достаточно указаний врача-педиатра. Родители, которые не делают прививки своим детям, информацию о пользе прививок не воспринимают. Глубокой заинтересованности в теме вакцинации в целом среди участников исследования не выявлено.

Таким образом, родители-мигранты доверяют белорусским врачам-педиатрам и действуют в рамках сложившейся в Республике Беларусь системы вакцинации детей. Как правило, такую модель поведения родители-мигранты практиковали и в своей стране. Некоторые из них отмечали, что осознанно следуют правилам системы вакцинации детей в Республике Беларусь, чтобы их дети не выбивались из общепринятой практики.

Анализ глубинных интервью показал, что выбор родителями-мигрантами позитивной поведенческой стратегии в вопросах обязательной вакцинации формируется под воздействием совокупности разных факторов, основными из которых являются высокий уровень доверия врачам-педиатрам; функционирование в Республике Беларусь хорошо организованной системы вакцинации, обеспечивающей широкий охват детей; привычка к вакцинации (вакцинация ребенка воспринимается как рутинная процедура); желание родителей-мигрантов соответствовать моделям поведения нового общества; обязательность прививки в стране, где мигранты

проживали до приезда в республику (Украина, Испания и др.).

Некоторым родителям-мигрантам для принятия решения о вакцинации ребенка важна уверенность в качестве вакцины, а именно авторитет ее производителя, правильность условий хранения и др. Отсутствие отвечающей этим критериям вакцины и сомнение в ее качестве могут вызвать временный отказ от прививки до появления желаемого препарата. Эта проблема в большей степени была характерна для мигрантов в период проживания в Украине, когда родители не доверяли некоторым производителям вакцин, а также сомневались в соблюдении условий их хранения. После приезда в Республику Беларусь эта проблема потеряла актуальность. Все родители-мигранты отмечают доверие к вакцинам, предлагаемым в нашей стране, и не сомневаются в соблюдении правил их хранения. Для некоторых респондентов именно качество медицины в Республике Беларусь и высокий уровень доступности медицинских услуг явились причинами переезда сюда из стран, в которые они мигрировали из Украины. Исследование также показало, что при принятии решения о вакцинации детей для родителей практически не имеет значения личный опыт: среди мигрантов, вакцинирующих своих детей, есть и те, кому в детстве прививки не делали.

Наличие у детей кратковременных побочных эффектов от вакцинации также не является значимой причиной для отказа от прививок. Одни родители отмечали, что у их детей были побочные эффекты от разных прививок, другие – что у их детей побочных эффектов от вакцинации никогда не было.

Результаты интервью показали, что родители-мигранты, которые отказываются от вакцинации своих детей, не могут рационально аргументировать свою позицию. Из 20 родителей, принявших участие в исследовании, 3 не делали прививки детям. Одним из факторов формирования такой позиции может служить событие или информация, которые обусловили появление у родителей страха перед прививками. Чаще всего этим событием выступает серьезное ухудшение здоровья своего или знакомого ребенка после вакцинации, которое родители связывают именно с прививкой. Среди таких родителей распространены убеждения о том, что прививки провоцируют у детей аутизм, являются причиной синдрома Дауна и т. д. Исследование показало, что к этим родителям врачам необходимо применять индивидуальный подход. Обычные, рассчитанные на массовую аудиторию методы информирования о прививках и агитации за них для данной категории родителей-мигрантов, скорее всего, будут неэффективными, потому что в основе их отношения к вакцинации детей лежат психологические особенности. У таких родителей есть понимание рисков для здоровья ребенка, возникающих при отсутствии

вакцинации, но эти риски не такие высокие, как риски ее негативных последствий. Например, женщина-мигрант, приехавшая в Республику Беларусь с тремя детьми, делала прививки двум старшим детям, но не вакцинировала младшего из-за тяжелой болезни племянника, которую связывают с прививкой. Этот случай явился причиной ее страха перед прививками, который нельзя побороть никакими рациональными доводами, в том числе информированием о рисках для ее непривитого ребенка.

Суть решения этой проблемы заключается именно в преодолении психологических барьеров самих родителей, в том числе путем взаимодействия с врачами. Так, в Украине одна из участниц исследования никогда не делала прививок ребенку. В Республике Беларусь для учебы в школе необходимо было сделать ребенку пробу Манту. Даже это вмешательство вызывало у матери страх и тревогу. Именно беседы с врачами и объяснение ими специфики медицинского вмешательства матери, а также того, что после взятия пробы ребенок будет некоторое время находиться в поликлинике около прививочного кабинета в целях получения экстренной помощи в случае возникновения каких-либо реакций (мать боялась появления побочных эффектов от прививки у ее ребенка-аллергика), убедили женщину разрешить сделать эту пробу. В результате данного взаимодействия мать узнала, что врачи берут на себя ответственность за здоровье ребенка после процедуры, и доверились им, что привело к успешному разрешению проблемы.

Также результаты интервью позволили установить коренное различие между родителями, делающими детям обязательные прививки, и родителями, отказывающимися от прививок («отказниками»). Первый тип родителей характеризуются высоким уровнем доверия к врачам-педиатрам в вопросах вакцинации; второй тип родителей отличается недоверием к врачам в этом вопросе. Все родители-мигранты, включая родителей-«отказников», отметили отличную работу врачей-педиатров, качественную и быструю медицинскую помощь детям в Республике Беларусь и указали, что полностью доверяют белорусским врачам в вопросе лечения своих детей.

Результаты исследования также показали, что если отношение к обязательным прививкам родителей-мигрантов лояльное, то их отношение к дополнительным прививкам (вне Национального календаря профилактических прививок) скорее плохое, чем хорошее. В интервью мигранты характеризовали дополнительные прививки как нагрузку на организм ребенка, эксперименты над ребенком и др. Родители давали безоговорочное согласие сделать их детям дополнительные прививки в единичных случаях. Среди дополнительных прививок респонденты выразили особое отношение к прививкам от гриппа. Большинство участников исследования считают

их ненужными из-за большого числа побочных эффектов, распространенности случаев заболевания детей после данных прививок. Кроме того, грипп воспринимается ими не как тяжелое заболевание, а как обычная ОРВИ, и родители считают, что профилактики гриппа в виде приема витаминов и хорошего питания достаточно. Также в ходе интервью выяснилось, что в Украине в силу климатических условий дети реже болеют ОРВИ и гриппом, поэтому вакцины от гриппа были малоактуальными. Данный факт и обусловил негативное отношение участников исследования к вакцинации их детей от гриппа.

По-другому респонденты относятся к прививкам от ветрянки, менингококковой и пневмококковой инфекций. Многие участники исследования не знали о таких прививках и после получения информации о них начали рассматривать возможность вакцинации ребенка от этих заболеваний. Следовательно, информирование родителей-мигрантов о дополнительных прививках может быть важным фактором увеличения охвата детей дополнительными прививками.

Таким образом, результаты исследования показали, что на принятие родителями-мигрантами решения о дополнительной вакцинации ребенка оказывает влияние ряд факторов. К ним относятся уровень информированности родителей о существовании таких прививок в целом и прививок от конкретных заболеваний (гриппа, ветрянки, пневмококковой и менингококковой инфекций) в частности; предполагаемая тяжесть заболеваний (грипп не воспринимается как опасное заболевание) и уязвимость ребенка для них; представления об иных мерах профилактики заболеваний и возможных побочных эффектах от дополнительных прививок.

Потребности родителей-мигрантов в получении информации о предстоящих детям прививках различны. Часть участников исследования отметили, что перед вакцинацией они хотели бы получить сведения об имеющихся вакцинах, включающие данные об их производителях, качестве и составе, условиях транспортировки и хранения, побочных эффектах, а также отзывы других родителей о вакцинации их детей. Потребности родителей-мигрантов в информации имеют свою специфику. Например, страну производства вакцины надо знать для того, чтобы выбрать вакцину, которой родители доверяют. Данные о составе вакцин нужны родителям для того, чтобы понять, «что будут вводить моему ребенку». Проверить информацию о транспортировке и условиях хранения вакцин родителям не представляется возможным, поэтому они нуждаются не в конкретных данных, а в сведениях, которые могут убедить их в безопасности вакцины в широком смысле. Практически все родители-мигранты знают о целях проведения детской вакцинации и на-

значении прививок, потребность в такой информации выразила только одна участница исследования.

Из результатов глубинных интервью следует, что уровень интереса к информации о прививках различен: чем больше родители-мигранты доверяют врачу-педиатру в вопросах вакцинации, тем меньше у них потребность в такой информации. Эта потребность более выражена у родителей-мигрантов, дети которых имеют какие-либо проблемы со здоровьем, в первую очередь аллергию.

Таким образом, главной целью информирования родителей-мигрантов является формирование у них уверенности в безопасности для здоровья ребенка конкретной вакцины и вакцинации в целом. Именно отсутствие уверенности в безопасности вакцинации вызывает сомнение родителей в ее необходимости и обуславливает их отказ от прививок.

Интерпретация результатов глубинных интервью позволила сделать вывод о том, что все родители-мигранты высоко оценивают систему здравоохранения Республики Беларусь (доступ к медицинской помощи, качество услуг, квалификацию и отношение врачей), т. е. демонстрируют высокий уровень доверия как к белорусской медицинской системе

в целом, так и к врачам-педиатрам в частности. Главным и самым авторитетным источником информации о прививках для всех участников интервью является врач-педиатр. Именно к нему родители предпочитают обращаться, чтобы получить ответы на волнующие их вопросы о вакцинации детей. Другие источники (сайты, чаты, публикации в интернете) тоже используются частью респондентов, но они имеют скорее вспомогательный характер.

Врач, от которого родители получают информацию, должен быть для них авторитетным. Критериями авторитетности врача являются известность, наличие опыта работы и степень личного знакомства.

Родители-мигранты предпочитают получать информацию о прививках из личной беседы с врачом, который отвечает на все волнующие их вопросы; статей авторитетных врачей и их видеороликов, размещенных на платформе Ютуб; печатных материалов (брошюр, буклетов с актуальной информацией о прививках); публикаций, расположенных на официальных сайтах организаций здравоохранения (Министерства здравоохранения Республики Беларусь, центров гигиены и эпидемиологии, детских поликлиник).

Заключение

Исследование позволило выявить следующие основные посыпалы родителям-мигрантам, которые необходимы для разработки информационной кампании, ориентированной на формирование их приверженности к вакцинации детей в Республике Беларусь:

- вакцинация бесплатна;
- существует возможность привить ребенка от многих тяжелых заболеваний;
- вакцинация доступна с первых дней пребывания ребенка в республике;
- все вакцины безопасны, их качество контролируется государством;
- процесс вакцинации прост (необходимо зарегистрироваться в государственной детской поликлинике по месту пребывания и посетить участкового врача-педиатра);
- вакцинация осуществляется на добровольной основе с согласия родителей;
- врач-педиатр консультирует родителей по вопросам вакцинации;
- процедура вакцинации полностью безопасна для здоровья ребенка;

- врачи контролируют состояние здоровья ребенка до и после прививки.

Результаты исследования были представлены автором настоящей работы на республиканском научно-практическом семинаре «Расширение охвата вакцинацией и усиление приверженности мигрантов к программам иммунизации в Республике Беларусь», тематическом круглом столе Международной организации по миграции «Беларусь: поддержка национального потенциала по здоровью мигрантов с фокусом на инфекционные заболевания», а также на семинарах для врачей-педиатров во всех регионах Республики Беларусь в рамках обучающего научно-практического тренинга «Современные аспекты иммунопрофилактики в Республике Беларусь. Тактика вакцинации мигрантов и отдельных категорий населения», реализуемого государственным учреждением здравоохранения «Республиканский центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья». Полученная в ходе исследования информация также является базой для дальнейших социологических исследований по данной тематике.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025.
Received by editorial board 22.02.2025.

УДК 316.4+316.7

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ *vs* ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: СКРЫТОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹

¹Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Показано, что рост человеческого капитала в условиях цифровой трансформации позитивно влияет на производительность труда, удовлетворенность населения им и жизнью. Проблема роста данного капитала наиболее актуальна для групп людей, вовлеченных в рынок труда, однако процесс формирования человеческого капитала затрагивает и сферу образования, в частности студенчество. Выявлено, что развитие человеческого капитала студенчества включает обеспечение доступности высшего образования, формирование высокого уровня социальной компетентности и рост культурного уровня молодежи, а развитие человеческого капитала работников осуществляется посредством формирования социально значимых ценностно-мотивационных инструментов. Цифровые технологии сами по себе не вносят вклад в эти процессы; напротив, нерегулируемая цифровая трансформация создает риски социально-гуманитарного характера, ведет к повышению стрессогенности жизни и психическим болезням. Отмечена необходимость целенаправленного воздействия на сферы образования и труда для роста человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал; цифровые технологии; риски цифровизации; социальная компетентность студентов; социальная трудовая мотивация работников.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (задание 4.08.2, НИР № 696/97).

HUMAN CAPITAL *vs* DIGITAL TECHNOLOGIES: HIDDEN CONFRONTATION AND RISKS IN MODERN SOCIETY

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is shown that the growth of human capital in the conditions of digital transformation positively affects labour productivity, satisfaction of the population with work and life. The problem of growth of this capital is most relevant for groups of people involved in the labour market, but the process of human capital formation also affects the sphere of education, in particular, students. It is revealed that the development of human capital of students includes ensuring accessibility of higher education, formation of a high level of social competence and growth of the cultural level of young people, while the development of human capital of employees is carried out through the formation of socially significant value-motivational tools. Digital technologies alone do not contribute to these processes; on the contrary, unregulated digital transformation

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Человеческий капитал *vs* цифровые технологии: скрытое противостояние и риски в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:44–48.
EDN: PAGZJF

For citation:

Titarenko LG. Human capital *vs* digital technologies: hidden confrontation and risks in modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:44–48. Russian.
EDN: PAGZJF

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

creates risks of a socio-humanitarian nature, leads to increased stressful life and mental illness. The need for a targeted impact on the spheres of education and labour for the growth of human capital was noted.

Keywords: human capital; digital technologies; risks of digitalisation; social competence of students; social labour motivation of employees.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state programme of scientific research «Society and humanitarian security of the Belarusian state» (task 4.08.2, R&D No. 696/97).

Введение

Современное глобальное сообщество, которое включает и Беларусь, переживает радикальный (как утверждают некоторые авторы – революционный) период развития. Эти радикальные изменения обусловлены многими факторами, оказывающими разнонаправленное влияние. С одной стороны, продолжается быстрое совершенствование процессов цифровой трансформации, открывающих новые перспективы развития экономики и других сфер, в которых эффективно используются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). С другой стороны, непредсказуемая и быстро меняющаяся социально-политическая обстановка в мире стимулирует информационное и культурное противостояние стран, приносит новые стрессы и непредвиденные социально-гуманитарные риски, которые влияют на самого человека, его эмоциональную сферу, мировосприятие, знания, уверенность в себе и т. д.

Согласно приоритетам развития белорусского государства создание инновационной экономики – важнейшая задача страны, направленная на цифровую модернизацию экономической сферы в целях повышения эффективности ее развития и роста конкурентоспособности¹. Для целостного решения этой задачи необходимо задействовать все уровни

управления трудовыми процессами: глобальный, национальный, региональный, отраслевой, уровни предприятий и отдельных рабочих мест. Низшим звеном управления выступает отдельный работник. Несмотря на подчинение работника вышестоящим уровням, именно это звено является ключевым для ускорения инновационного развития страны. Если работник не проявит личной заинтересованности в освоении новых технологий, не будет мотивирован на труд с полной отдачей или если знаний и компетенций работника будет недостаточно для освоения новых ИКТ, то весь процесс развития экономики затормозится. Поэтому формирование работника, заинтересованного в инновационной цифровой трансформации экономики, увеличение его человеческого капитала (знаний, компетенций, мотиваций, умений) и повышение роли такого работника в производственных отношениях – обязательное условие ее развития [1]. Можно сказать, что совершенствование человеческого капитала всего работающего населения играет существенную роль в создании возможностей для эффективного управления трудовыми процессами. Теоретически человеческий капитал является синтезом социального, культурного, символического капиталов, о которых писал П. Бурдье [2].

Роль человеческого капитала в трудовом процессе

В трудовом процессе, кроме организационных, санитарно-гигиенических, медицинских аспектов, отчетливо проявляется собственно человеческий компонент. Только работник, осознающий значимость своего труда и его результатов, высоко ценивший роль труда в своем развитии как личности, способен эффективно трудиться без принуждения и не ради роста заработной платы, а для повышения уровня удовлетворенности собственным трудом и жизнью в целом.

Развитие человеческого капитала в рамках трудовых процессов связано с формированием у работников трудовой мотивации, стимулирующей творческий труд, а также поддерживающей трудовые ценности, которые повышают уровень трудоотдачи и производительность работника ведут к росту

удовлетворенности трудом и его условиями (признание социальной ценности труда, интерес к содержанию труда с использованием цифровыми инновациями, вовлечение в который может повысить социальную самооценку работника) [3].

Парадокс труда состоит сегодня в том, что само по себе развитие цифровых технологий и широкое внедрение в производство новейшей техники, искусственного интеллекта, его автоматизация не приводят к росту удовлетворенности трудом. Современные технологии могут увеличивать степень напряженности труда, вызывать постоянный стресс у работников, но самое главное – техника сама по себе не снижает уровень отчуждения человека от процесса труда и его результатов, которые ему не принадлежат.

¹О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы : Указ № 156 от 7 мая 2020 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-156-ot-7-maya-2020-g> (дата обращения: 10.03.2025).

Сфера труда становится рискогенным полем деятельности, и опасности цифровизации по мере ее развития не уменьшаются, а увеличиваются. Об этом открыто пишут многие зарубежные экономисты и социологи, описывая угрозы роботизации и автоматизации труда, которые могут привести к уничтожению массовых профессий, не требующих применения цифровых технологий [4]. Исследование М. Форда демонстрирует, насколько неоднозначными на сегодняшний день оказываются процессы, происходящие на рынке труда под воздействием технологических изменений [5]. Цифровизация бросает новые вызовы человечеству, стремясь поставить его в подчинение технологиям, превратить в объект манипуляции, тогда как человек всегда должен оставаться целью всякого развития и субъектом деятельности.

Эту парадоксальность ситуации на рынке труда не предвидели те, кто прогнозировал, что инновационные технологии неизбежно сделают жизнь большинства работников более интересной, труд более легким, а уровень жизни более высоким [6; 7]. На деле экономический рост, ведущий к увеличению прибыли, не является синонимом совершенствования всей системы трудовых отношений, так как развитие экономики не может гарантировать даже ее устойчивости: последнее зависит от многих факторов, находящихся вне пределов трудовой сферы, которые определяют и удовлетворенность трудом, и рост его производительности [8]. В рамках рынка простое повышение заработной платы не ведет к росту производительности труда работников [9].

Чтобы преодолеть этот парадокс отказа от действия материально-технических стимулов, в настоящее время передовые фирмы применяют такие нематериальные стимулы труда, как дружественная

рабочая среда на предприятии или в корпорации, психологические мотивы (регулярная бесплатная учеба на предприятии, корпоративные вечеринки), специальные программы признания заслуг работника в рамках фирмы, социальный пакет для всей семьи работника, подарки и т. д.).

Содержание процессов труда и его новых смыслов адекватно осознаются не всеми работниками. Для постижения этого содержания нужно понимание системы нынешнего общества (социальных институтов, системы управления, норм и принципов функционирования, а также основных (разделяемых большинством) ценностей) с учетом динамики его развития. Только эксперты-теоретики могут прийти к осознанию глубинных сдвигов, стоящих за технологическими инновациями, проявляющимися как явная функция цифровой трансформации, которая скрывает его латентные функции [10]. Тем не менее двойственное влияние цифровизации на смыслы труда все более очевидно.

Цифровые технологии не причина отчуждения, а лишь новое средство, которое используется для создания самим человеком его новых форм. Человек не только субъект креативности, но и источник дегуманизации: именно он создал современное антигуманное общество, подвел природу к грани катастрофы, создал оружие массового уничтожения. Человек наделен властью принимать решения, ставить задачи и выбирать средства достижения целей. В этом заключаются и огромные потенциальные возможности, и опасность для человека (в случае принятия неправильных решений). Если не взять цифровую трансформацию под контроль, то может возникнуть ситуация, когда цифровые технологии еще больше поработят человека.

Система высшего образования и цифровые риски

Логично, что у тех, кто только собирается выйти на рынок труда, т. е. нынешних студентов, не может быть глубокого осознания двойственности труда и важности развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации. Очень часто о студенчестве пишут как о важном ресурсе развития, имеющем объективную ценность в качестве главного агента социальных изменений, поскольку оно объединяет авангардную часть населения страны. Молодежь – люди с активной жизненной позицией, проходящие стадию становления и принятия социальных ролей, которые они будут играть в жизни в дальнейшем. Этот тезис остается верным, хотя современные условия жизни (регион проживания, направленность образования, собственных интересов той социальной группы, к которой относятся молодые люди) оказывают значительное влияние на ценностные и нравственные ориентиры молодежи.

Обычно молодое поколение предстает в данных массовых социологических опросов как обладающее

цифровыми знаниями и компетенциями, рационально мыслящее, мечтающее о высокооплачиваемой работе и быстрой карьере, но ценящее качество своей жизни выше, чем ценности труда [11]. Эмпирические данные, полученные нами в ряде исследований студенчества, также показали, что большинство молодых людей обращаются к ИКТ как основному практическому инструменту в любой сфере жизни. Так, 93 % ответили, что ИКТ делают их жизнь и обучение более легкими, почти 90 % респондентов признали, что цифровые технологии создают дополнительные возможности для карьерного роста, а 79 % респондентов отметили, что цифровые технологии обеспечивают возможность для творчества и самореализации, интересного проведения досуга [12, с. 38]. Появились виды деятельности, построенные на знании ИКТ, которые не только дают возможность отдохнуть, но и могут приносить доходы: это различные компьютерные игры, киберспорт, в которые вовлечены и молодые люди.

Однако и в областях потребления студенчеством ИКТ в разных сферах деятельности, и в их высоких оценках возможностей цифровизации не являются однозначными. Как показывают исследования, которые провели по заказу ООН зарубежные ученые Дж. Твенг и Д. Бланчфлауэр, в последнее десятилетие у молодого поколения происходят изменения в мировосприятии и оценках воздействия цифровизации на их жизнь². Эти изменения затрагивают не только эмоциональное состояние молодежи, но и оценку их перспектив в профессиональной и личной сферах.

Одним из ключевых факторов, способствующих ухудшению психического здоровья молодежи, стало широкое распространение смартфонов и социальных сетей. Современные технологии, по мнению исследователей, приводят к росту чувства изоляции и одиночества. Молодые люди все чаще проводят время, погруженные в виртуальное пространство, которое заменяет живое общение и реальные встречи с друзьями и близкими. Исследователи пишут: «Молодые стали изолированными. Проблема не столько в том, что они проводят время у экрана, сколько в том, что они отказываются от привычных форм социального взаимодействия»³. Выходом из данной сложной ситуации может стать регулирование цифровой среды и разработка социальных мер по защите молодых людей от негативных последствий чрезмерного использования социальных сетей и воздействия кибербуллинга.

Сегодня важно, чтобы блага цифровизации не затмили сознание современных студентов и *homo sapiens* не превратился в *homo digital*. Потенциально такая угроза существует. Человек, который фанатично стремится к интересной цифровой деятельности на работе и досуге, может легко стать

бездумным потребителем ИКТ и потерять простые человеческие качества, возможность творческого развития своей личности с помощью таких технологий. Постоянно погружаясь в цифровую реальность, молодые люди также потенциально становятся объектом массового информационно-медийного влияния интернета, социальных сетей и других цифровых технологий. Целями цифровой интервенции являются лишение молодого поколения объективных жизненных ориентиров, внедрение в реальность путем использования методов внушения, эмоционального давления, подтасовки фактов и других средств, фейков. Такие виртуальные цифровые влияния могут разрушать социально-гуманитарные ценности нашего народа, особенно молодого поколения, и наносить ущерб гуманитарной безопасности Беларуси.

Особую опасность в отношении молодежи представляет взаимосвязь всех новых рисков. Например, гуманитарные риски безопасности, связанные с цифровизацией, накладываются на идеологические риски и взаимно усиливаются. В условиях обострения идеологической войны в Беларуси в 2020 г. эти двойные риски представляли актуальную проблему. Тогда цифровые технологии использовались оппонентами власти для манипулирования сознанием и поведением молодежи в целях деструктивного влияния на государственную идеологию и социально-гуманитарные ценности белорусского народа. Для минимизации этих рисков нужно проводить постоянную профилактическую воспитательную работу со студентами. Кроме того, необходимы развитие у студенчества критического мышления и обучение способам, позволяющим отличить фейки от объективной информации.

Заключение

Цифровая трансформация может по-разному воздействовать на развитие человеческого капитала, способствуя его накоплению либо разрушению. Однако следует помнить, что цифровые технологии не причина отчуждения и разрушения человеческих ценностей, а лишь новое средство, которое используется для создания самим человеком новых форм его отчуждения или развития. Человек выступает как субъектом креативности, так и источником дегуманизации: именно он создал современное ан-

тигуманное общество, подвел природу к грани катастрофы, создал оружие массового уничтожения. Человек наделен властью принимать решения, ставить задачи и выбирать средства достижения целей. В этом заключаются и огромные потенциальные возможности, и опасность для человека (в случае принятия неправильных решений). Если не взять цифровую трансформацию под контроль, то может возникнуть ситуация, когда цифровые технологии еще больше поработят человека и разрушат человеческий капитал.

Библиографические ссылки

1. Honneth A. *Der arbeitende Souverän*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2023. 400 S.
2. Бурдье П. *Практический смысл*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
3. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций). *Социологические исследования*. 2024;7:61–72. DOI: 10.31857/S0132162524070077.

²Исследование ООН: уровень счастья молодежи снижается [Электронный ресурс]. URL: <https://findit.city/articles/issledovanie-oon-uroven-schastya-molodezhi-snizhaetsya> (дата обращения: 12.03.2025).

³Там же.

4. Бенанав А. Автоматизация и будущее труда. *Экономическая социология*. 2022;23(3):92–108. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-92-108.
5. Ford M. *Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future*. New York: Basic Books; 2015. 162 p.
6. Toffler A. *The third wave*. New York: William Morrow; 1980. 552 p.
7. Bell D. *The coming of post-industrial society*. New York: Basic books; 1976. 507 p.
8. Минат ВН. Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмыслинности» труда (отраслевой аспект на примере США). *Общественные науки и современность*. 2023;5: 19–32. DOI: 10.31857/S0869049923050027.
9. Каракаровский ВВ, Гурулева МН. Ловушка мотивации на российском рынке труда. *Социологические исследования*. 2023;8:34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.
10. Тощенко ЖТ. Эволюция смыслов труда: современное состояние и будущие ориентиры. В: Баймурзина ГР, Валиахметов РМ, редакторы. *Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие. Сборник статей международного форума; 4–5 февраля 2019 г.; Уфа, Россия*. Уфа: Мир печати; 2019. с. 61–64. EDN: UQFRND.
11. Радаев ВВ. *Миллениалы. Как меняется российское общество*. Москва: Высшая школа экономики; 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.
12. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:33–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2025.
Received by editorial board 21.03.2025.

УДК 316.4

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А. Д. СОЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Показаны проблемы, возникающие между профессиональными компетенциями педагогов и качеством образования, решение которых может быть найдено посредством использования социологических методов исследования. Проанализированы результаты исследования удовлетворенности преподавателей качеством образования и эффективностью курсов повышения квалификации, проведенного автором настоящей статьи. Раскрыты причины невозможности полностью реализовать образовательные потребности педагогов в процессе образовательной деятельности, отмечена низкая практическая эффективность планов повышения квалификации. Выявлено противоречие между осознанием педагогами важности повышения квалификации и практическим применением полученных в ее ходе знаний, возникающее ввиду неразвитости профессиональных компетенций педагогов. Сделан вывод о важности использования социологического подхода к изучению проблем системы образования.

Ключевые слова: качество образования; профессиональная самореализация; профессиональные компетенции; информационно-коммуникативные технологии; ИКТ; образовательный процесс; социологический подход.

QUALITY OF EDUCATION AND PROFESSIONAL COMPETENCES OF TEACHERS: A SOCIOLOGICAL APPROACH

N. D. SOYKA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The problems arising between the professional competencies of teachers and the quality of education are shown the solution to which can be found through the use of sociological research methods. The results of the study of teachers' satisfaction with the quality of education and the effectiveness of advanced training courses, conducted by the author of this article, are analysed. The reasons for the impossibility of fully realising the educational needs of teachers in the process of educational activities are revealed, the low practical effectiveness of advanced training plans is noted. A contradiction is revealed between teachers' awareness of the importance of advanced training and the practical application of the knowledge acquired in its course which arises due to the underdevelopment of professional competencies of teachers. A conclusion is made about the importance of using a sociological approach to studying the problems of the education system.

Keywords: quality of education; professional self-realisation; professional competencies; information and communication technologies; educational process; sociological approach.

Образец цитирования:

Сойко АД. Качество образования и профессиональные компетенции преподавателей: социологический подход. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:49–55.

EDN: PYNGYA

For citation:

Soyka ND. Quality of education and professional competences of teachers: a sociological approach. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025; 2:49–55. Russian.
EDN: PYNGYA

Автор:

Анастасия Денисовна Сойко – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Nastassiya D. Soyka, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. pettroyeskaya2000@mail.com

Введение

В современном мире существует множество противоречий, связанных с реализацией задач образования. Происходящие социально-экономические трансформации постоянно формируют новые вызовы системе образования, требуют ее непрерывного совершенствования, включая поиск обновленных критериев эффективности деятельности и профессиональной компетентности педагогов. Эти вызовы предопределяют необходимость в поиске новых направлений и разработке моделей личностно-профессионального развития педагогов, которые обеспечат воплощение целей развития государства, общества, системы образования, отдельных социальных групп и индивидов на практике [1].

В Беларуси развитие национальной системы образования осуществляется на основании ряда государственных программ и регламентируется системой нормативных правовых актов, в основе которой лежит Кодекс Республики Беларусь об образовании. Для развития белорусской системы образования осу-

ществляется деятельность по следующим ключевым направлениям: обеспечению качества образования, отвечающего современным потребностям экономики страны и интересам граждан; реализации преемственности, учету исторического опыта и сложившихся традиций; обеспечению социальной устойчивости, управлению рисками при корректировке сложившейся системы и др. [2]. Развитие системы образования определяется требованиями, обозначенными в Кодексе Республики Беларусь об образовании, Программе развития национальной системы обеспечения качества образования до 2025 года и на перспективу до 2030 года, Концепции развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 годы и др. [3]. Целью настоящей статьи является показ проблем, возникающих между профессиональными компетенциями педагогов и качеством образования, решение которых может быть найдено посредством использования социологического подхода.

Материалы и методы исследования

Изучение качества образования раскрывает исследователю существующие проблемы, потребности, ценности, сильные и слабые стороны образовательного процесса. В связи с этим возникает необходимость в разработке механизмов выявления профессиональных ориентаций, ценностей, противоречий, возможностей и перспектив надпрофессиональной компетентности педагогических работников для их последующего анализа и коррекции средствами системы повышения квалификации и развития качества образования педагогов. Ориентация системы дополнительного педагогического образования на современные перспективные виды деятельности обуславливает поиск новых образовательных форм, инициирует создание образовательных моделей и проектов. В практике организации курсового обучения слушателей значительное место занимают творческие мастерские, педагогическое моделирование, стажировки и другие виды деятельности, эффективность которых проявляется спустя длительное время. Однако в настоящее время они требуют корректировки и адаптации к конкретным ситуациям, а также педагогической импровизации, профессионального предвидения и терпения [4]. Большинство программ повышения квалификации ориентированы на преодоление учителями предметных профессиональных дефицитов, а новые требования к педагогическому профессионализму предполагают сформированность у них широкого спектра компетенций. Результаты проведенных исследований, а также внедрения системы профессиональных стандартов педагогической деятельности свидетель-

ствуют о том, что комплекс условий, необходимых для освоения педагогами новых профессиональных компетенций, должен включать эффективную непрерывную систему повышения квалификации с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); команду специалистов, помогающих организовывать работу с усложняющимся диверсифицированным контингентом обучающихся (реализовывать задачи инклюзивного образования); методическое обеспечение, позволяющее педагогам работать с различными категориями детей; понятные индикаторы оценки профессиональной деятельности педагогов [4].

В целях изучения эффективности различных подходов к профессиональной самореализации педагогов, а также к их удовлетворенности качеством образовательного процесса ГУО «Академия образования» было проведено социологическое исследование. Опрос респондентов осуществлялся с 1 по 19 февраля 2024 г. Целевой группой исследования выступили педагогические работники учреждений дошкольного и общего среднего образования. Объем выборочной совокупности и дизайн выборки определялись исходя из задач исследования. При расчете объема выборки в качестве шагов рассматривались географический и возрастной признаки, стаж работы и квалификационная категория респондентов. Выборочная совокупность определялась исходя из предполагаемой ошибки презентативности выборки $0,03 (\pm 3\%)$, доверительного интервала, выраженного вероятностью 99,9 %, и соответствующего ему показателя дисперсии признака t , равного 3,5 (максимальное значе-

ние доверительного интервала)¹. Сбор информации реализовывался с помощью одного из ключевых социологических методов исследования – анкетного опроса. Преимуществами данного метода являются репрезентативность и высокая формализуемость результатов². Доступ к респондентам осуществлялся посредством региональных институтов развития образования. Общее количество респондентов соста-

вило 1746 человек, из которых 480 человек являлись педагогическими работниками учреждений дошкольного образования, 1266 человек – педагогическими работниками учреждений общего среднего образования. В целях изучения основных показателей удовлетворенности качеством образования в динамике было также проанализировано аналогичное исследование, проводившееся в феврале 2023 г.³

Результаты и их обсуждение

Результаты проведенных социологических исследований были взяты за основу для проектирования модели профессионального развития педагогов. В ходе социологического исследования педагогические работники оценивали показатели качества образования в учреждении, в котором они работают. Наивысшую оценку большинство респондентов дали таким показателям удовлетворенности качеством образования, как профессиональная компетентность педагогических работников (46 %) и морально-психологический климат в педагогическом коллективе (42 %). Выше среднего педагоги оценили образовательные достижения учащихся (54 %), уровень научно-методического обеспечения образовательного процесса (50 %), инновационный потенциал учреждения образования (52 %). Несмотря на высокие оценки по всем из перечисленных показателей, некоторые респонденты (3 % педагогических работников учреждений общего среднего образования и 17 % педагогических работников учреждений дошкольного образования) были неудовлетворены инновационным потенциалом учреждения образования. Был сделан вывод о том, что в настоящее время данный критерий является слабым «звеном» большинства учреждений образования.

Положительная динамика прослеживается у показателя «информационно-коммуникационное сопровождение образовательного процесса». В сравнении с исследованием, проведенным в феврале 2023 г., данный показатель вырос на 2 %⁴.

При планировании и организации планов повышения квалификации педагогических работников, а также при определении актуальных векторов развития системы образования в целом крайне важен учет профессиональных и образовательных запросов педагогов. Оценивая уровень собственных образовательных потребностей, большинство педагогических работников отметили, что испытывают незначительную потребность в формировании

компетенции по осуществлению профессиональных задач в цифровой образовательной среде (47 %), а также по реализации принципов инклюзии в образовательном процессе (39 %). Однако многие педагоги посчитали, что им требуются некоторые разъяснения для воспитания личности с критическим, социально и экологически ориентированным мышлением (41 %) и для выявления факторов социально опасного положения учащегося (40 %). Организация социально значимых инициатив учащихся с опорой на лучшие традиции коллективного воспитания вызывает незначительные затруднения у 38 % респондентов.

Важную роль в процессе самообразования и повышения квалификации играет оценка педагогическими работниками профессиональных компетенций. Имея представления об оценке педагогами своих знаний, умений и навыков, можно сделать выводы о необходимости внедрения в планы повышения квалификации педагогических работников конкретных образовательных курсов. Также подобная информация наглядно показывает, в каких областях педагогам чаще всего требуются разъяснения. Собственную компетентность педагогические работники оценивают в целом выше среднего. Большинство респондентов высоко оценили личную готовность к организации поддерживающих и стимулирующих занятий (55 %); владение содержанием, структурой, методическим аппаратом учебных пособий и учебников (49 %); готовность к осуществлению воспитательной составляющей учебного занятия (48 %); готовность к реализации воспитательной задачи (48 %). В то же время выявлены и слабые места: только 20 % педагогов оценили свою готовность к организации самостоятельной работы учащихся с использованием ИКТ как среднюю. Однако оценка, которую педагогические работники дают себе, не всегда является объективной и достоверной, так как присутствует вероятность предвзятости

¹Профессиональные компетенции и образовательные запросы педагогических работников учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования [Электронный ресурс]. URL: https://akademy.by/images/Ob_academii/Otchet.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

²Кучко Е. Е., Бурова С. Н., Филинская Л. В. Методология и методы социологических исследований : пособие. Минск : БГУ, 2018. 251 с.

³Профессиональные компетенции и образовательные запросы педагогических работников учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования [Электронный ресурс]. URL: https://akademy.by/images/Ob_academii/Otchet.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

⁴Там же.

в ответах. Для того чтобы более глубоко и объективно изучить профессиональные компетенции педагогов, в ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, в каких областях образовательного процесса у них возникает больше всего трудностей. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что педагоги часто сталкиваются с проблемами в процессе организации самостоятельной работы учащихся с использованием ИКТ (43 %), применения ИКТ в образовательном процессе (42 %), использования современных форм, методов и технологий организации образовательного процесса (41 %), а также в процессе формирования у учащихся читательской грамотности (40 %). Анализ результатов позволяет предположить, что современный педагогический работник может сталкиваться с трудностями в самых различных областях своей профессиональной деятельности. Для преодоления этих трудностей в рамках повышения квалификации педагогов важно выявить основные векторы развития образования в области инновационных методов организации процесса обучения и информационно-коммуникативных технологий, а также учесть необходимость во всестороннем совершенствовании педагогов (улучшение коммуникативных, социальных и творческих навыков) и повышении их психологической компетентности в работе с учащимися.

В рамках социологического интервью педагогические работники могли предложить собственные способы решения проблемы повышения качества общего среднего образования. Среди самых часто упоминаемых предложений были повышение престижа и статуса учреждений общего среднего образования и профессии педагога; уменьшение объема документооборота; повышение квалификации педагогических работников; адекватное распределение учебной нагрузки на педагогов; привлечение молодых кадров; саморазвитие и самообразование педагогических работников; внедрение педагогических технологий, которые научат реализовывать личный потенциал работника в изучаемой сфере.

В ходе исследования педагогам также предлагалось обозначить меры, необходимые для их профессионального развития. Среди ответов респондентов преобладают мнения, уже выявленные с помощью анкетного опроса, однако присутствуют и новые, ранее не упомянутые в исследовании аспекты, такие как финансовая поддержка и вовлечение законных представителей детей в образовательный процесс.

Для профессиональной самореализации педагог прибегает к самым разным способам и формам повышения квалификации. В целях выявления наиболее распространенных форм респондентам было предложено указать виды деятельности, которые они осуществляли для повышения квалификации за последние 12 месяцев. Оказалось, что большинство педагогических работников учреждений дошкольного и общего среднего образования (93 %) для повышения квалификации занимались самообразованием.

Многие респонденты участвовали в семинарах, конференциях и других публичных мероприятиях, связанных с их профессиональной деятельностью (72 %), а также посещали другие учреждения образования для ознакомления с их опытом (67 %). Наименее востребованной формой повышения квалификации является повышение квалификации онлайн (36 %). Неудивительно, что самой эффективной формой повышения квалификации респонденты признали самообразование (51 %), а самой неэффективной формой – повышение квалификации онлайн (24 %). Таким образом, нами было выявлено важное противоречие: с одной стороны, самым востребованным и эффективным формой повышения квалификации признается самообразование, с другой стороны, педагоги игнорируют и сознательно отстраняются от продуктов научно-технического прогресса, с помощью которых можно наиболее продуктивно осуществлять самообразование. Данное противоречие можно объяснить трудностями педагогов при организации как собственной работы с ИКТ, так и работы учащихся с ними. Это противоречие может являться препятствием для профессиональной самореализации педагогических работников.

Из результатов опроса следует, что у 32 % педагогов учреждений общего среднего образования имеют рабочее место, оборудованное компьютером или ноутбуком с доступом в интернет, тогда как 66 % респондентов указали, что такое место у них отсутствует. Этот факт объясняет, почему многие педагогические работники оценили свой уровень владения навыками работы в цифровой образовательной среде невысоко. Анализ результатов также показал, что только 40 % респондентов высоко оценили свои навыки работы в электронной информационно-образовательной среде (например, с электронным журналом или электронным дневником). Выше среднего педагогические работники оценили собственные навыки работы с открытыми информационными ресурсами и базами данных (41 %), а также навыки работы в формате онлайн-обучения (37 %). Навыки разработки онлайн-уроков большинство респондентов оценили как средние.

Чаще всего при работе с цифровой информацией педагоги осуществляют коммуникацию в мессенджерах и социальных сетях (69 %), используют пространство в интернете для хранения документов, изображений и других файлов (65 %), ищут в интернете научно-популярный, развлекательный и иной контент (книги, лекции, медиафайлы, фильмы) (59 %), а также цифровые сервисы с интерактивными заданиями (42 %) для организации учебной работы. Реже всего респонденты указывали в качестве ответов ведение блога (регулярное его пополнение записями, изображениями или мультимедийным контентом), создание другого контента (4 %), редактирование и управление контентом веб-сайтов (5 %).

Таким образом, условия и возможности работы педагогов необходимо изучать в динамике, по-

скольку это позволяет более полно и точно оценить их профессиональную деятельность и в перспективе обеспечить оптимальные условия труда для эффективного обучения учащихся. Поскольку система образования постоянно развивается, педагогические работники должны быть готовы приспособиться к новым требованиям и вызовам. При анализе работы педагогов необходимо учитывать трансформации, происходящие в условиях обучения, включая изменения, происходящие в учебных программах, методиках и материалах, организации класса. В ходе исследования педагогическим работникам предлагалось указать, как за 2022/2023 учебный год изменились их условия работы и возможности. Анализ ответов позволил выявить улучшение таких показателей, как удовлетворенность результатами труда (41 %); трудовая мотивация, интерес к работе (41 %); возможность осваивать новые образовательные технологии и методики (39 %); возможность использовать современное (в том числе цифровое) оборудование, сервисы и ресурсы (37 %); возможность изучать педагогические, в том числе методические, публикации (включая электронные), литературу и профессиональные периодические издания (36 %). Возможность повышать профессиональную квалификацию несколько увеличилась для 35 % респондентов, значительно увеличилась для 30 % опрошенных.

Для выявления проблемных участков в работе педагогов респондентам необходимо было указать, что их больше всего не устраивает в их профессиональной деятельности. Так, педагогические работники не удовлетворены незaintересованностью учащихся в учебе (53 %), высоким объемом отчетной документации (50 %), дублированием документации и отчетности в электронном и бумажном форматах (43 %), наличием второй учебной смены (33 %), высокой долей внеклассной занятости (33 %) и низким уровнем заработной платы (26 %). Вариант ответа «Все нравится» указали только 8 % респондентов.

Важной частью анализа состояния системы дополнительного образования выступает оценка каче-

ства учебных программ. Данная оценка производится ежегодно посредством экспериментального выборочного исследования внедряемых учебных программ, проводимого ГУО «Академией последипломного образования». Это исследование непрерывно проводится на ключевых этапах реализации программы повышения квалификации. Полученная в его ходе информация может использоваться как для улучшения работы изучаемой программы, так и для уточнения планов на будущее в области разработки программ повышения квалификации. Целью исследования является обеспечение актуальной, регулярно обновляемой информации, необходимой для оценки качества повышения квалификации и определения возникающих в ходе проблем. Системообразующими показателями этого мониторинга выступают эффективность и результативность форм и методов работы. В рамках исследования анализируются следующие показатели эффективности курсов повышения квалификации: уровень устранения профессиональных затруднений педагогических работников; уровень обеспечения практикоориентированного обучения и совершенствования инновационной практики обучения; уровень обеспечения инфраструктуры дополнительного профессионального образования (взаимодействие участников образовательного процесса, оснащенность техническими и электронными средствами обучения, морально-психологический климат и т. д.); уровень соответствия содержания программы повышения квалификации образовательным запросам педагогических работников. Результаты мониторинга за 2023 г., проводившегося на генеральной совокупности из 3473 человек, свидетельствуют о том, что слушатели образовательных курсов высоко оценивают большинство показателей эффективности курсов повышения квалификации. Так, 99 % опрошенных отметили благоприятный морально-психологический климат, 91 % респондентов – оптимальность форм, методов и технологий обучения. Реже всего педагоги отмечали высокий уровень информационного и библиотечного обеспечения (64 %) (рис. 1).

Рис. 1. Оценка респондентами показателей эффективности курсов повышения квалификации, %
Fig. 1. Respondents' assessment of the effectiveness of advanced training courses, %

Из рис. 1 видно, что некоторые слушатели образовательных курсов сомневаются в прикладной значимости полученных знаний и умений. Подтверждени-

ем данному тезису выступает оценка ими показателей эффективности курсов повышения квалификации, представленная на рис. 2.

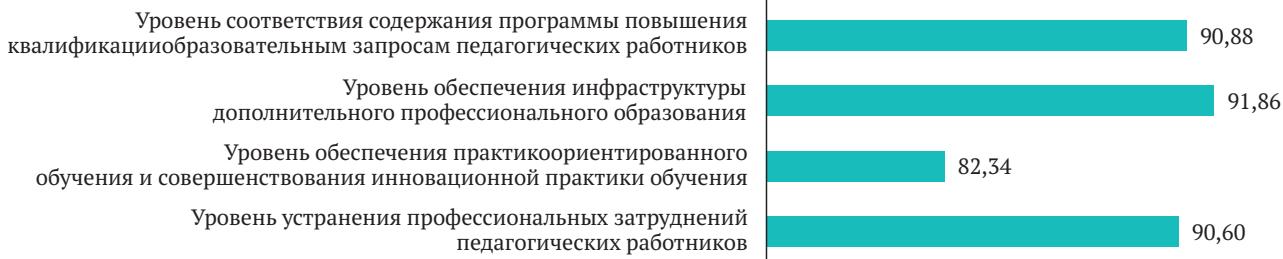

Рис. 2. Оценка респондентами показателей эффективности курсов повышения квалификации, %

Fig. 2. Respondents' assessment of the effectiveness indicators of advanced training courses, %

Результаты исследования наглядно демонстрируют противоречие, суть которого заключается в удовлетворенности респондентов эффективностью курсов повышения квалификации и понимании ими основных целей и задач повышения квалификации, с одной стороны, и наличием трудностей в применении полученных знаний в педагогической практике, с другой стороны. Для решения данного противоречия в обновленный План повышения квалификации на 2025 г. были внедрены образовательные курсы: «учебное занятие: проектирование, проведение и анализ», «информационно-образовательная среда

современного учреждения образования», «управленческие аспекты цифровой трансформации учреждения образования», «методическое сопровождение профессионального развития педагогических работников учреждения образования с использованием информационно-коммуникационных технологий», «современные подходы в образовании: инклюзивное образование» и др. Проведение исследования качества программ повышения квалификации в следующем году позволит узнать, насколько эти курсы будут эффективны в решении выявленного противоречия.

Заключение

Приведенные результаты исследования удовлетворенности педагогов качеством образования и эффективностью курсов повышения квалификации демонстрируют продуктивность применения социологического подхода к анализу и решению проблем совершенствования деятельности в сфере образования. Они также показывают важность внедрения результатов социологических исследований в образовательный процесс для изучения динамики образовательных изменений. Социологические исследования педагогической деятельности позволяют решить разные задачи: измерить доли респондентов, которые характеризуют эту деятельность, построить сложные модели реализуемых процессов; охватить как все педагогическое сообщество, так и узкие группы участников образовательного процесса, работа с которыми требует особой квалификации (например, руководителей высших органов управления образованием, гетерогенные группы обучающихся и их родителей (законных представителей), организаций, являющиеся партнерами учреждений образования, и др.). Социологический подход располагает большим количеством методов сбора данных – количественными методами, связанными с измерением долей и изучением статистической связи, и качественными методами, позволяющими понять восприятие субъектом разных

ситуаций. Итоговый продукт исследования может быть представлен как набором диаграмм с описанием ответов респондентов, так и сложным комбинированным аналитическим отчетом, над которым работает междисциплинарная команда, интегрирующая данные из разных источников. Углубленный отчет может быть как закрытым, предназначенным для внутреннего пользователя, так и публичным, выступающим платформой для широкого обсуждения и согласования интересов разных субъектов процесса образования. Социологическое изучение потребностей и проблем педагогов остается необходимым методом для разработки и реализации наиболее эффективных, востребованных и актуальных программ повышения квалификации, а также для совершенствования системы образования в целом.

Настоящее социологическое исследование свидетельствует о наличии у педагогических работников трудностей при работе с информационно-коммуникационными технологиями и реализации инклюзивного подхода в образовании. На основе результатов социологических исследований учреждениями последипломного образования разрабатываются соответствующие курсы повышения квалификации, однако все еще остается актуальной проблема практического применения педагогами полученных на курсах повышения квалификации знаний.

Библиографические ссылки

1. Дзюба ИА. *Исследование профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников*. Минск: Академия последипломного образования; 2024. 137 с.
2. Богуш ВА. Актуальные вопросы развития непрерывного профессионального образования в Республике Беларусь. *Вышэйшая школа*. 2017;1:4–6.
3. Иоффе ИГ. Национальные интересы Республики Беларусь и проблемы образования. *Народная асвета*. 2012;3:8–11.
4. Реут, ВГ, Петровская АД. Социология компетенций как парадигма профессионального педагогического развития. В: Министерство образования Республики Беларусь, Академия последипломного образования. *Непрерывное образование педагогов: достижения, проблемы, перспективы. Материалы V Международной научно-практической конференции; 3 ноября 2022 г.*; Минск, Беларусь. Минск: Академия последипломного образования; 2023. с. 740–746.

Статья поступила в редакцию 29.12.2024.
Received by editorial board 29.12.2024.

УДК 101.1+378.4

PRACTICE AND METHODS OF DEVELOPING A READING CULTURE FOR MODERN UNIVERSITY YOUTH IN CHINA (ON THE NANCHANG UNIVERSITY EXAMPLE)

N. ZHANG^a

^aBelarusian State University, 4 Nizalezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The problem of reading culture of modern university youth is investigated in two interconnected dimensions. On the one hand, it is interpreted as an obvious socio-cultural challenge of the era of information and communication revolution, actualising the practice of interaction of traditional and modern forms and methods of broadcasting information flows. On the other hand, this problem is illustrated by the history of the development of reading culture by students of Nanchang University which allows us to complete its socio-theoretical analysis with representative empirical studies using the practice of amazing reading culture by students of one of the famous universities of modern China. The habits, preferences, distribution of time and purposes of reading of university youth are described. It is shown that most students have a positive attitude towards reading, but there are such problems as lack of time for reading and lack of reading conditions. The practice of improving the reading culture of students at Nanchang University, including the definition of reading goals, stimulating interest in reading, using traditional culture to improve the level of text content, cultural development, teacher control method, etc. are analysed. The strategies for cultivating cultural confidence, international technologies and media resources, enriching educational resources and reading environment, stimulating internal motivation and individual support, using new ones to develop students' reading culture are summarised.

Keywords: university youth; reading culture; cultural confidence; digital technologies; media resources; educational resources; Confucian educational traditions.

ПРАКТИКА И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КИТАЕ (НА ПРИМЕРЕ НАНЬЧАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Н. ЧЖАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследована проблема культуры чтения современной университетской молодежи в двух взаимосвязанных измерениях. С одной стороны, она интерпретируется как очевидный социокультурный вызов эпохи информационно-коммуникационной революции, актуализирующий практику гармоничного взаимодействия традиционных и современных форм и методов трансляции информационных потоков. С другой стороны, эта проблема рассматривается на примере развития культуры чтения студентов Наньчанского университета, что позволяет дополнить

Образец цитирования:

Чжан Н. Практика и методы развития культуры чтения современной университетской молодежи в Китае (на примере Наньчанского университета). Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;2:56–63 (на англ.).

EDN: LCNENB

For citation:

Zhang N. Practice and methods of developing a reading culture for modern university youth in China (on the Nanchang University example). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:56–63.
EDN: LCNENB

Автор:

Нин Чжан – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Ning Zhang, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
ningzhang526@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-8758-0252>

ее социально-теоретический анализ репрезентативным эмпирическим исследованием реальной практики совершенствования культуры чтения студентов одного из известных университетов современного Китая. Описаны привычки, предпочтения, распределение времени и цели чтения университетской молодежи. Показано, что большинство студентов положительно относятся к чтению, однако они имеют такие проблемы, как нехватка времени для чтения и отсутствие планов на него. Проанализирована практика повышения культуры чтения студентов Наньчанского университета, включающая определение целей чтения, стимулирование интереса к нему, использование традиционной культуры для повышения уровня содержания текста, культурное развитие молодежи, усиление контроля со стороны преподавателей и др. Обобщены стратегии культивирования культурной уверенности, интеграции технологий и медиаресурсов, обогащения образовательных ресурсов и среды чтения, стимулирования внутренней мотивации и индивидуальной поддержки, использующиеся для развития культуры чтения студентов.

Ключевые слова: университетская молодежь; культура чтения; культурная уверенность; цифровые технологии; медиаресурсы; образовательные ресурсы; традиции конфуцианского образования.

Introduction

The relevance of this article is determined by two most important reasons. Firstly, in the era of the information and communication revolution that has covered most countries and regions of the modern world the issue of means, methods and technologies for transmitting and mastering information is acquiring non-trivial character. Along with the visualisation and algorithmisation of information resources in the professional and socio-cultural spheres of functioning of modern societies trend a significant role is retained by traditional forms of transmission of text information. This circumstance explains the obvious interest in the phenomenon of reading and the development of its cultural forms in the conditions of interaction with visual technologies for mastering huge amounts of information in modern societies. Such interaction becomes especially significant in the sphere of higher education.

Secondly, the culture of reading and the special symbolic status of written monuments and texts have always been characteristic for the Chinese civilization. Introducing to the social and ethical norms of Chinese society usually involved mastering a significant cor-

pus of written sources (wen), the attitude to which was embodied in a complex system of cult and rituals. The extensive literary heritage of China which was mainly created by labor and effort (shenshi) contributed to the development of a culture of reading and the formation of Confucian educational traditions. These traditions today as well play an important role in the development of modern university education in China. One of the most important intellectual resources of this education is the development of a culture of reading among university youth, taking into account the use of traditions of shenshi and Confucianism.

That is why the phenomenon of reading culture among modern university youth is considered in the article using the example of one of the well-known universities in China, Nanchang University. This case-study method allowed to integrate the theoretical context of considering problem of reading culture among university youth in the modern conditions of the information and communication revolution and its instrumental and empirical measurement using the example of students of Nanchang University.

The current situation of reading culture

Reading culture refers to the sum of values, behavioural habits, social norms and institutional arrangements regarding reading in a society or group. It includes not only the reading activity itself, but also the purpose, method, content and status of reading in social life. Reading culture is a dynamic phenomenon that continues to evolve with the development and changes of society. Professor Wang Yuguang of Peking University believes: «When we pass on culture through reading, the concept of reading culture is born. Reading culture can force people to think. This is the most indisputable fact since the birth of writing, and it is also the most incredible thing»¹ [1, p. 6]. Professor Wang's description of reading culture plays an important role in the subsequent research in the field of reading culture in China.

Huang Xiaoxia published a paper titled «A study on the correlation between university reading culture and campus culture» which pointed out that reading culture contains the following six main characteristics:

1) values. Reading culture reflects the importance a society attaches to reading and the importance of reading in personal and social life. For example, some societies may regard reading as the key to personal development and education, while other societies may pay more attention to the entertainment and leisure functions of reading;

2) behavioural habits (frequency, time, place and way people read). Reading habits may vary due to factors such as age, gender, and educational background;

¹Hereinafter translated by us. – N. Zn.

3) social norms. Reading culture also includes social expectations and norms for reading behaviour. For example, some cultures may encourage young people to read classic literary works, while other cultures may be more supportive of reading modern literary works;

4) institutional arrangements. The institutional arrangements of reading culture include the education system, library system, publishing industry and related policies which affect the accessibility of reading materials and the promotion of reading activities;

5) content preferences. Reading culture is also reflected in the content that people prefer to read, such as literature, science, history, technology, etc. These preferences may be influenced by social culture, educational background and personal interests;

6) reading motivation. The motivations for reading can be diverse, including acquiring knowledge, entertainment, socialising, career development, etc. Different motivations may affect the type of reading materials people choose and the way they read [2, p. 19–20].

Reading is an important way to acquire knowledge and information. It is very important for personal education and career development. Through reading, people can understand and learn about history, culture and tradition, thereby taking over cultural heritage. Reading can also improve people's social awareness and participation, and enhance sense of responsibility. In addition, reading contributes to the psychological and emotional development of individuals, and improves thinking ability and creativity. Paying attention to the current status of reading culture among university youth is not only of great significance to the youth group in universities, but also very important to the country [3, p. 30].

Author of this study selected students from Nanchang University in China which is a typical Chinese comprehensive university as the target group for the survey. The questionnaires were randomly distributed online to all grades and major categories of the university. A total of 304 questionnaires were received, with only 5 invalid questionnaires. Among them, there were 71 freshmen, 77 sophomores, 75 juniors, and 76 seniors, covering four major categories: literature and history, science and engineering, economics and management, and art.

In terms of book selection, the survey results show that 10 % of students focus on the practicality of reading, like to read professional books, and are not interested in non-professional books, ignoring the improvement

of comprehensive abilities; more than 70 % of students can balance the two; more than 10 % of students think that professional books are profound and boring, like to read non-professional books, and are not interested in professional books, ignoring the improvement of professional literacy. The survey results also show that the 81.35 % of students like to read comprehensive books: 37.10 % of students like to read social science books, 33.73 % of students like to read natural science books, and 18.45 % of students like to read philosophy books, indicating that most students have a certain awareness and interest in reading and have a wide range of reading.

In terms of reading time, the survey results show that 34.52 % of students read for less than 30 minutes a day, 46.63 % of students read for 30 minutes to 1 hour a day, and 18.85 % of students read for more than 1 hour a day. Since students' reading concentration is generally not high, they are easily disturbed by the outside world when reading, and cannot read patiently and persistently, resulting in their short reading time and low reading interest every day. When asked «Do you have your own reading plan?», 34.96 % of students answered that they have one, while 65.04 % of students do not have, indicating that most students do not have the habit of making a reading plan.

In terms of the impact of reading, most students chose to cultivate their character (76.79 %), increase their knowledge (82.14 %), improve their reading and writing skills (67.66 %), enhance their competitiveness (56.35 %), and develop a sound character (62.30 %). This shows that university students have a deeper and more comprehensive understanding of the impact of reading, reflecting their strong awareness of reading and good values.

In terms of reading purpose, students chose «leisure and entertainment» (71.23 %), «broaden horizons» (69.84 %), «improve self-cultivation» (63.89 %), «professional needs» (53.97 %), «to cope with exams» (31.15 %), and «others» (13.49 %). Xu Jinzhu pointed out that the purpose of reading is the reader's preconceived reading behaviour goals and results based on his own reading needs, with the help of consciousness and concepts [4, p. 32]. In the information age, people's reading time is gradually decreasing, and fragmented information is everywhere. Therefore, there are more students who read for leisure and entertainment, and fewer students who read for professional needs and to cope with exams.

Practical exploration of the development of reading culture among university youth (on the Nanchang University example)

Aspects of students. Nanchang University recognised that to improve the current reading culture of university youth, the first task is to help students establish high-level reading goals. «The purpose of reading is not only to acquire knowledge, information, or entertainment. The purpose of reading is also to “read

for understanding” and to read for the individual development of students» [5, p. 10]. «People who can read freely are those who know how to “pursue truth”, “yearn for goodness”, and “become beautiful”, thus creating a free personality and a free person in action» [6, p. 37].

The second task of Nanchang University is to develop students' good reading mentality. Contemporary university students are under pressure from family, school, society and other aspects, and it is difficult for them to be concerned which makes them lack a good mentality to devote themselves to reading. There are many ways to cultivate a good reading mentality, and the core is to get rid of pride, complacency and impetuous emotions, and maintain inner peace.

The third task of Nanchang University is to cultivate students' interest in reading. «In a broad sense, reading interest refers to the reader's preference for the entire reading activity, and in a narrow sense, it refers to the reader's tendency to choose a certain type of work» [7, p. 294]. It is clear that students should be free to choose their favorite reading materials, find their reading interests through reading selection, and then expand their reading interests to other different types of books. In the process of guiding students to read, teachers give students enough autonomy to choose so that students can enjoy reading and take the initiative to read.

The fourth task of Nanchang University is to establish good reading habits for students. Therefore, based on the characteristics of university education and the actual situation of the school, Nanchang University uses the campus media, such as campus newspapers, windows, radio, networks, to provide resources and help for university students' reading through relevant reports, dialogues, etc. Besides, this university organises relevant book review activities, uses book reviews to correctly guide students, helps them distinguish the authenticity and quality of the content of the literature, and then through public opinion guidance, stimulates readers' desire to read, improves their ability to distinguish, and thus acquire knowledge. Then, reading clubs are created, support for students' reading activities is provided, various reading competitions are held, and club activities with reading guides are combined.

The fifth task of Nanchang University is to improve the reading methods of university students. It is recommended that university students should read and write at the same time. For important content, they can annotate, extract or write a review. They should think while reading, and read with their eyes, hands and heart. In order to improve reading efficiency and achieve reading goals, it is necessary for students to make a detailed reading plan. Let students determine the books to be read according to their knowledge structure, professional level, reading ability and hobbies, and then choose the appropriate reading method. «There is no right or wrong reading method itself, and different types of books have different reading methods. Choosing a reading method based on the type of book can not only save time, but also improve the reading rate» [8, p. 72]. The method of browsing titles can be used for reading entertainment gossip; for classic masterpieces, they should read

carefully and repeatedly. Although more and more university students tend to read digitally, they can not lose traditional paper reading, because traditional reading and digital reading are equally important. What is the intensive reading method? «Intensive reading is to read chapter by chapter, section by section, sentence by sentence, and word by word in depth, with the aim of fully and deeply grasping the content of the book, understanding the basic concepts, viewpoints, and theories in the book, and further studying and exploring the content of the book» [9, p. 22]. Intensive reading is applicable to classic masterpieces and emphasises the pursuit of reading quality.

In addition to understanding the main meaning of the article, it is also necessary to analyse and understand the words, phrases, sentences, paragraphs, and chapters of the article one by one. What is extensive reading? Extensive reading is different from intensive reading. It refers to a broad and general reading method. The main purpose of extensive reading is not to analyse the reading content word by word, but to expand the reading scope, increase the reading volume, and only absorb knowledge that is useful to oneself. What is speed reading? «Speed reading refers to a reading method that quickly and comprehensively absorbs useful information from the text» [10, p. 534]. During the reading process, students do not need to remember the content, viewpoints, and arguments of the book. They only need to clarify and understand the author's writing ideas and main points, and increase their reading speed as much as possible. In addition to the above reading methods, there are many other reading methods for university youth to learn and choose (for example, research reading, creative reading, reading and writing, and four-step reading). University students do not have to choose only one method when reading, but they can combine and use multiple methods alternately according to reading needs to improve reading quality and efficiency.

The sixth task of Nanchang University is to use traditional culture to help university students improve the level of their reading content. University students stay away from literary classics which leads to shallow extracurricular reading. Shallow reading not only wastes time, but also causes students to gradually lose the ability to think deeply [11, p. 98]. In order to improve the level of reading content, they should take the initiative to read more books with profound content. The reason why literary classics become literary classics is that they condense the hard work of the authors and are constantly selected in the long river of time, thus being passed down to the present day and bringing precious spiritual wealth to future generations. Books on leisure and entertainment can be read, but they must not be regarded as the main reading for university youth.

Aspects of the university. Nanchang University library has been continuously improving the library's

physical environment and service quality. The library is committed to creating a strong reading atmosphere, attracting and encouraging university students to actively participate in reading activities by creating a comfortable, quiet and scientific and healthy reading space. Nanchang University library has a wide range of content and well-structured book resources which provides university youth with rich extracurricular reading materials and creates good reading conditions. In order to further improve the efficiency of resource utilisation, the library will continue to strengthen collection construction, ensure the diversity and update frequency of resources to meet the needs of different disciplines and research fields. The library is well aware of the importance of reader feedback. In order to collect and respond to readers' opinions and suggestions in a timely manner, the library is establishing a more complete feedback collection and processing mechanism. This mechanism will help the library understand the specific needs of readers, so as to make timely adjustments to the book structure, optimise the borrowing process, and continuously improve the beauty and comfort of the reading environment. Based on reader feedback, the library continuously improves service processes, simplifies borrowing procedures, and improves service efficiency. Through these measures, the library can provide readers with a more convenient and personalised service experience, thereby increasing the frequency and depth of readers' use of library resources. Beautifying the reading environment is the key to improving the reading experience. Nanchang University library provides readers with a more pleasant and thought-provoking reading space through environmental design, facility renovation and cultural atmosphere creation. These not only enhances the attractiveness of the library, but also inspires students' enthusiasm for reading and academic exploration.

Campus culture plays a vital role in the entire campus environment and has received increasing attention in recent years. Good campus culture construction can revitalise the campus cultural atmosphere and promote the development of reading culture [12, p. 555–556]. University life has become more colorful due to the existence of student associations. Student associations are an indispensable part of university life and a beautiful landscape that constitutes campus cultural life. These associations not only enrich students' extracurricular life, but also enable students to make progress and grow

in the process of activities. Therefore, the development of student groups has received attention and support from Nanchang University. With the development of the times, university students are increasingly pursuing the freshness of extracurricular activities. Only by keeping pace with the times can the form of activities continue to attract students' participation. For example, when holding essay competitions, the topics are combined with current hot topics that are of concern to university youth; young writers who are loved by university students are invited to hold lectures to increase their enthusiasm for reading.

Aspects of teachers. Zhang Zhigong explained the significance of reading: «Reading is very important because through reading people can be educated in thought and edified in emotion, and can acquire all kinds of knowledge needed so as to be spiritually enriched and enjoyable» [13, p. 220]. University is far away from parents, so university students' reading cannot be supervised by their parents. Teachers, as the most frequent contact objects in university youth's study and life, play a guiding role in their thoughts and have the obligation to help them correctly understand extracurricular reading and improve their reading level. In order to help university students establish a correct reading concept, Nanchang University advocates that teachers help students establish appropriate reading goals:

- 1) understand the content of the book, absorb nutrients from the book, and cultivate a sense of language;
- 2) experience the rich emotions contained in the book and improve aesthetic ability. A book is the crystallisation of the author's thoughts and can cultivate students' ability to discover and create beauty;

- 3) expand the living space. In reading, we experience many things that we cannot experience in our lifetime and go to places where our bodies cannot reach. This interest is a manifestation of reading purpose and motivation. Reading interest in a narrow sense refers to the reader's tendency to choose a specific subject or a certain type of book. In order to cultivate university youth's interest in reading, first find the place of interest and leave room for free choice. In the process of reading, if there is no clear reading plan and just follow the feeling, it will cause meaningless loss of time and energy. Many students do not have the habit of making a reading plan. The reason may be that they think it is not necessary, or it may be due to lack of guidance from others.

Results

First and foremost, there is a need to develop the cultural confidence of university youth. Cultural confidence refers to the recognition and pride in one's own culture, and is an important spiritual pillar for the development of a country and a nation. General president Xi Jinping pointed out that cultural confidence

is a more fundamental, deeper, and more lasting force. For university youth, cultural confidence is not only a source of motivation for personal growth, but also an important force for promoting social progress. As an important place for knowledge dissemination and cultural inheritance, universities bear the responsibility of

cultivating young people's cultural confidence. Through various forms such as curriculum setting, campus cultural activities, and social practice, universities can help students deeply understand and identify with China's excellent traditional culture and advanced socialist culture. In terms of curriculum setting, China's excellent traditional culture and advanced socialist culture are included in compulsory courses, and through systematic theoretical learning, students' sense of identity and pride in their own culture are enhanced. In terms of campus cultural activities, a variety of cultural activities are organised, such as traditional festival celebrations, cultural lectures, art exhibitions, etc., to create a strong cultural atmosphere and enhance students' cultural experience. In terms of social practice, students are encouraged to participate in social practice activities, such as volunteer services and cultural research, so as to feel and inherit the essence of Chinese culture through practical actions. By integrating traditional culture into education, universities can help young students have a deeper understanding of their cultural roots, enhance cultural confidence, and thus better answer the question of the times: «Who am I, for whom, and who do I rely on?» [14, p. 34]. For example, Hunan Normal University has promoted the organic combination of Chinese excellent traditional culture, the university education and the high-quality development of university education by changing its educational philosophy, enhancing the attention of universities to excellent Chinese traditional culture, strengthening teachers' research on excellent Chinese traditional culture education and teaching, improving the curriculum system, educational effectiveness and comprehensive literacy promoting cultural integration, innovating teaching methods, cultivating the teaching staff. Through activities such as «Paying tribute to classics and promoting traditional culture», the library of Nanjing University of Technology has inherited and promoted excellent Chinese traditional culture, expanded the scope of services, and deepened the extended services of the connotation of «national reading», reflecting the cultural leadership and demonstration role of universities. These examples show that Chinese universities can integrate Chinese traditional culture into university education and reading culture construction in various ways which can not only enrich campus cultural life, but also enhance students' cultural literacy and sense of identity.

Second, technologies and media resources need to be integrated to help university youth. In modern society, the rapid development of technology and media resources has provided new opportunities for the promotion of reading culture among university youth. New media forms such as digital reading, online libraries, e-books, and audio books have greatly enriched reading resources and reading methods. These technologies and media resources not only improve the convenience of reading, but also broaden the breadth and depth of reading.

As an important place for knowledge dissemination and cultural inheritance, universities should make full use of modern technology and media resources to promote the development of reading culture. By building a digital reading platform and carrying out online and offline reading activities, universities can provide students with a more diverse and convenient reading experience, establish and improve the campus digital library, provide a wealth of e-books, journals and academic resources, and facilitate students to read and learn anytime and anywhere. In order to create vivid and interesting reading materials to attract students' reading interest, it is necessary to integrate media resources such as video, audio, and animation. For example, by producing microclass videos, audio books, and so on, the interactivity and fun of reading can be enhanced. Online and offline reading activities can be held, such as online reading clubs, reading check-in activities, online book review competitions, etc., combined with offline reading salons, author meetings and other activities, to form a full-scale, multi-level reading promotion model [15, p. 475–476]. With the continuous advancement of technology, universities should continue to pay attention to and introduce new technologies and media resources, such as virtual reality and augmented reality, to further enrich the reading experience. At the same time, we will strengthen cooperation with technology companies and publishing organisations to jointly promote the development of reading culture.

Third, there is a need to enrich educational resources and the reading environment in modern society. The richness of educational resources and reading environment directly affects the development of university youth reading culture. High-quality educational resources and a good reading environment can not only stimulate students' interest in reading, but also improve their reading ability and overall quality [16, p. 26]. As an important place for knowledge dissemination and cultural inheritance, universities should make full use of their own resource advantages, create a good reading environment, and provide rich educational resources. By optimising library resources, building reading spaces, and carrying out diversified reading activities, universities can provide students with a better reading experience. In order to optimise library resources, the library's collection should be updated and enriched, and the number and types of e-books, journals, and academic resources should be increased to ensure that students can easily obtain the required reading materials; to build reading spaces, comfortable reading corners and reading booths can be set up on campus to create a strong reading atmosphere and encourage students to read anytime and anywhere. Various reading activities can also be carried out, such as organising reading clubs, book review competitions, author meetings and so on, to stimulate students' interest

in reading and promote reading exchanges and interactions. Enriching educational resources and reading environment is not only a means for the development of university reading culture, but also an important way to improve students' reading interest and reading ability.

Finally, we should stimulate the intrinsic motivation of youth in universities and provide personalised support. Intrinsic motivation refers to the motivation of an individual to engage in certain activities spontaneously without external rewards or pressure. For university youth, the intrinsic motivation of reading can prompt them to actively explore knowledge and improve the depth and breadth of reading. Stimulating intrinsic motivation is an important way to cultivate lifelong learners. Universities should stimulate students' intrinsic motivation for reading in a variety of ways, such as providing rich reading resources, creating a good reading atmosphere, and carrying out diversified reading activities. Through these measures, students can be helped to discover the joy of reading and cultivate their reading habits. It is necessary to recommend relevant books and articles based on students' interests and professional backgrounds to stimulate their interest in reading. For example, science and engineering students can recommend science and technology books, and humani-

ties and social sciences students can recommend literature and history books. It is also important to encourage students to develop personal reading plans, independently select reading materials and reading progress, and enhance their autonomy and enthusiasm. Reading report meetings, book review competitions and other activities are organised to give students the opportunity to display and share their reading results and enhance their sense of accomplishment and self-confidence. Personalised support refers to providing targeted reading guidance and help based on individual differences of students. Universities should pay attention to the different needs of students, provide personalised reading resources and support services, help them overcome difficulties in reading, and improve reading results. It is necessary to provide personalised reading guidance and suggestions based on students' reading level and interests to help them choose suitable reading materials, ensure reading resources in various forms, such as paper books, e-books, audio books, etc., to meet students' different reading needs. It is important to pay attention to students' mental health, provide psychological support and counseling, help them overcome anxiety and pressure in reading, and enhance their reading confidence [17, p. 236–237].

Conclusions

This article provides a comprehensive analysis of the reading culture among university students in China and offers practical strategies to enhance it. The study reveals that while university youth generally hold a positive attitude towards reading and recognise its benefits for personal development and knowledge acquisition, students face significant challenges such as limited reading time and a lack of structured reading plans. They exhibit diverse reading preferences, with a majority favoring comprehensive books, but there is a need for a more balanced approach that includes both professional and non-professional reading materials.

Nanchang University has implemented several practical explorations to enhance reading culture. These include setting high-level reading goals to deepen the purpose of reading, cultivating a good reading mentality to ensure full engagement with materials, and stimulating reading interest by allowing students to choose their reading materials and providing them with autonomy. The university also supports the development of good reading habits through campus media and organised activities, encourages the use of various reading

methods to improve efficiency and quality, and leverages traditional culture to enrich the content of reading.

In order to promote reading culture more broadly, the article proposes a strategic framework that includes cultivating cultural confidence through curriculum integration, cultural activities, and social practice. It also emphasises the integration of technology and media resources to provide a diverse and convenient reading experience, enriching educational resources and the reading environment through optimised library resources and comfortable reading spaces, and stimulating intrinsic motivation with personalised support. These strategies are not only relevant to the context of Chinese universities but also offer valuable insights for institutions worldwide. By enhancing reading culture, universities can foster critical thinking, cultural literacy, and lifelong learning among students, preparing them to be well-informed and engaged members of society. This approach is particularly important in the global context where the ability to read deeply and critically is essential for addressing complex challenges and contributing to a knowledge-based economy.

References

1. Wang Yuguang, Wang Qin. Several issues on the study of reading culture. *Documentation, Information & Knowledge*. 2004(5):3–7. DOI: 10.13366/j.dik.2004.05.001. Chinese.
2. Huang Xiaoxia. Research on the correlation between university reading culture and campus culture. *Shanxi Library Journal*. 2012;5:19–22. Chinese.

3. Zhang Xu. Exploration on the construction of reading culture in university libraries. *Journal of Hubei Correspondence University*. 2016;17:30–31. Chinese.
4. Xu Jinzhu. The trend of changes in reading tourism destinations from the perspective of the current national reading survey. *Shanxi Library Journal*. 2018;6:30–35. Chinese.
5. Adler MJ. *How to read a book*. Hao Mingyi and Zhu Yi, translators. Beijing: Beijing Commercial Press; 2004. 376 p. Chinese.
6. Wang Daojun, Guo Wen'an, editors. *Jointly prepared by twelve key normal universities across the country*. Beijing: Beijing Educational Science Publishing House; 2014. 408 p. Chinese.
7. Kintsch W. Text comprehension, memory, and learning. *American psychologist*. 1994;49(4):294. DOI: 10.1037//0003-066x.49.4.294.
8. Yang Sulan. Discussion on reading methods and skills. *Journal of Inner Mongolia College of Education*. 2000;4:71–73, 82. Chinese.
9. Li Boyang, Li Yuesheng, Li Yuru, Cui Yanhong. On the methods and abilities of cultivating college students to acquire knowledge. *Journal of Agricultural University of Hebei (Agriculture & Forestry Education)*. 2001;1:22–24. Chinese.
10. Johnsson-Smaragdi U, Jonsson A. Book reading in leisure time: long-term changes in young people's book reading habits. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2006;5:519–540. DOI: 10.1080/00313830600953600.
11. Fitria W. Reading interest and reading comprehension: a correlational study. *Jurnal Educativ: Journal of Educational Studies*. 2019;4(1):95–107.
12. Zhang Chao, Li Mo, Zhai Leyu. Research on innovative methods for building campus reading culture. *Technology and Innovation Management*. 2019;40(5):555–558, 579. Chinese.
13. Zeng Xiangqin. *Preface to the book of reading*. Zhengzhou: Henan Education Press; 1992. 552 p. Chinese.
14. Li Yuping. *Research on national reading strategies under the new media environment* [dissertation]. Anhui: Anhui University; 2014. 52 p. Chinese.
15. Kamalova LA, Koletvinova ND. The problem of reading and reading culture improvement of students-bachelors of elementary education in modern high institution. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;11(4):473–484.
16. Vasil'ev VI, Ermolaeva MA, Bakun DN. Reading and information culture in modern society: features of study, approaches, development prospects. In: National Library of Belarus. *Proceedings of the III International congress «Library as a cultural phenomenon»; 2015 October 21–22; Minsk, Belarus*. Minsk: National Library of Belarus; 2015. p. 22–27. Russian.
17. Avgul LA. Young people's reading: goals and motives (based on materials from Belarus). In: Russian Academy of Sciences. *A book in the information society. Proceedings of the XIII International scientific conference on problems of bibliology; 2014 April 28–30; Moscow, Russia*. Moscow: Nauka; 2014. p. 234–237. Russian.

Received by editorial board 27.11.2024.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

УДК 159.92

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОГРАММ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ (ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ) ПСИХОТЕРАПИИ

Д. Г. ДЬЯКОВ^{1), 2)}, И. Е. ВАЛИТОВА^{2), 3)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусское общество когнитивно-поведенческой терапии, ул. М. Богдановича, 89, 220100, г. Минск, Беларусь

³⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224065, г. Брест, Беларусь

Аннотация. Обсуждаются возможности аплицирования методологических принципов конструирования доказавших свою эффективность программ психологической помощи к построению программ помощи детям. На конкретно-научном уровне анализируются принципы адаптивности к культурно-средовым условиям; диалектического единства модусов принятия и изменений; языка как фактора патологизации и инструмента психокоррекции; ориентации программы на овладение человеком собственным поведением и мышлением; учета контекста поведения и мышления; ориентации на процессы, поддерживающие проблему или расстройство; ориентации на интеграцию инструментов; интеграции когнитивного и метакогнитивного уровней работы с мышлением; ориентации на проверяемость

Образец цитирования:

Дьяков ДГ, Валитова ИЕ. Теоретико-методологические основания конструирования программ психологической помощи детям в контексте когнитивно-поведенческой (доказательной) психотерапии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:64–71.
EDN: LTOFPO

For citation:

Dyakov DG, Valitova IE. Theoretical and methodological grounds for designing programmes of psychological support for children in the context of cognitive-behavioural therapy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:64–71. Russian.
EDN: LTOFPO

Авторы:

Дмитрий Григорьевич Дьяков – доктор психологических наук, доцент; профессор кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук¹⁾, председатель правления²⁾.

Ирина Евгеньевна Валитова – доктор психологических наук, профессор; член правления, руководитель Брестского регионального филиала²⁾, профессор кафедры социальной педагогики и психологии социально-педагогического факультета³⁾.

Authors:

Dmitry G. Dyakov, doctor of science (psychology), docent; professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences^a, chairman of the board^b.
dg_dkv@mail.ru

Irina E. Valitova, doctor of science (psychology), full professor; member of the board, head of the Brest regional branch^b, professor at the department of social pedagogy and psychology, faculty of social and pedagogical sciences^c.
irvalitova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0751-8534>

эффективности программы и предсказуемости ее эффектов; нацеливания программы на решение конкретных задач; ориентации на осознанность; ориентации на эмпирически обоснованную модель психики; транспарентности эффектов психотехник; клиент-центрированности. Отмечается, что эти принципы могут быть эффективно применены к разработке программ психологической помощи детям.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческая терапия; философский уровень методологии; конкретно-научный уровень методологии; психологическая помощь детям; ППД; программы психологической помощи; доказательная психотерапия.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUNDS FOR DESIGNING PROGRAMMES OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR CHILDREN IN THE CONTEXT OF COGNITIVE-BEHAVIOURAL THERAPY

D. G. DYAKOV^{a, b}, I. E. VALITOVA^{b, c}

^aBelarusian State University, 4 Nizeliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian Society of Cognitive Behavioural Therapy, 89 M. Bagdanivicha Avenue, Minsk 220100, Belarus

^cBrest State A. S. Pushkin University, 21 Cosmonautov Boulevard, Brest 224065, Belarus

Corresponding author: D. G. Dyakov (dg_dkv@mail.ru)

Abstract. The article discusses the possibility of applying the methodological principles of constructing proven-effective psychological assistance programmes to building assistance programmes for children. At the specific scientific level, the principles of adaptability to cultural and environmental conditions are analysed; the dialectical unity of the modes of acceptance and change; language as a factor of pathologisation and a tool for psychocorrection; the orientation of the programme towards mastering a person's own behaviour and thinking; taking into account the context of behaviour and thinking; orientation towards processes that support a problem or disorder; orientation towards the integration of tools; integration cognitive and metacognitive levels of working with thinking; the verifiability of the effectiveness of the programme and the predictability of its effects; the programme's focus on solving specific tasks; orientation towards awareness; orientation towards an empirically based model of the psyche; transparency of the effects of psychotechnics; client-centricity. It is noted that these principles can be effectively applied to the development of psychological assistance programmes for children.

Keywords: cognitive-behavioural therapy; philosophical level of methodology; concrete-scientific level of methodology; psychological help to children; psychological help programmes; evidence-based psychotherapy.

Введение

Сегодня расширение практики психологической помощи детям (ППД) делает проблему оценки эффективности такой помощи актуальной. Оценка эффективности ППД основывается на реализации методологических принципов как в академической психологии, так и в психологической практике. В недавно опубликованной работе [1] были проанализированы ключевые методологические принципы, лежащие в основе разработки эффективных программ психологической помощи. Эти принципы представлены на философском и конкретно-научном уровнях.

В настоящей работе проанализированы возможности аппликации представленных в pilotной

работе [1] конкретно-научных и философских принципов к построению программ ППД. Реализация указанных принципов при конструировании программ ППД требует специального анализа, обсуждение результатов которого является целью нашей работы. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) описать содержание конкретно-научных принципов, применяемых при построении программ ППД; 2) определить перечень проблем детей, с которыми может работать психолог; 3) охарактеризовать детей как реципиентов психологической помощи; 4) привести и проанализировать примеры программ ППД.

Основная часть

В данной статье проводится анализ конкретно-научных принципов разработки эффективных программ ППД, определяются их особенности.

Ориентация на адаптивность к культурно-средовым условиям. Этот принцип предполагает повышение адаптивности субъекта в результате при-

менения программы [1]. На философском уровне он восходит к принципу эволюционности. Программы доказательной психотерапии через принятие, развитие психологической гибкости и ориентацию на ценности помогают людям запустить эволюционно сложившиеся механизмы по решению задач адаптации [2; 3].

В условиях оказания помощи детям декларируется ориентация на повышение возможностей их социокультурной адаптации. В то же время важно учитывать высокую вариабельность социального и культурного контекстов, ведущего вида деятельности, а также нейрофизиологическую динамику взросления ребенка.

Диалектическое единство модусов принятия и изменений. Данный принцип подразумевает, с одной стороны, единство валидации и принятия и, с другой стороны, изменение дисфункциональных убеждений, правил жизни и обусловленного ими поведения в ходе реализации программы [1]. На философском уровне принцип диалектического единства модусов принятия и изменений является реализацией диалектического принципа.

Разработка программ ППД, направленных на формирование новых психических структур, делает особенно важной необходимость валидации и принятия. Данное обстоятельство связано с повышенной чувствительностью детей к оценочным воздействиям взрослых и относительной незрелостью их личности, неспособностью отнести критически ко взрослым, их высказываниям и позиции. Терапевт в работе с детьми демонстрирует высокий уровень принятия ребенка с его проблемами, валидируя его стремление справиться с трудностями. Психолог может демонстрировать позицию, контрастирующую с позицией близкого к ребенку взрослого, выполняя роль так называемого замещающего родителя, а также создавая возможности для понимания ребенком отношения взрослого к его проблеме. В тех случаях, когда поведение ребенка имеет дисфункциональный характер, важно учитывать необходимость изменения его поведения. Принцип диалектического единства модусов принятия и изменений также соотносится с принципом учета субъектности ребенка.

Таким образом, при работе с детьми данный принцип должен реализоваться для всех сторон, участвующих в терапии. Для терапевта он выражается в принятии самого клиента как личности, но конфронтации с его дисфункциональными убеждениями или поведением. Для родителя, по возможности включенного в терапию, этот принцип заключается в обучении принятию своего ребенка и поощрении в нем изменений неадаптивного поведения. Наконец, для ребенка он реализуется в принятии себя, ценностей и стремлении справиться с проблемой, а также в признании необходимости изменить дисфункциональное поведение.

Язык как фактор патологизации и инструмент психокоррекции. Роль языка в психотерапии двойственна. С одной стороны, это необходимый инструмент психокоррекции. С другой стороны, язык может являться фактором развития и поддер-

жания патологий. Язык, участвуя в познании реальности, может стать причиной искажений восприятия и вызвать формирование неработающих или малоэффективных правил жизни. На философском уровне данный принцип восходит к принципу рефлексивности [1].

Одной из задач терапевта в работе с детьми выступает обучение их словесному обозначению, или означиванию, признаков предметов и явлений внешнего мира, а также собственных внутренних состояний, когниций и эмоций. Недостаточность словарного запаса детей может объяснить их психологические проблемы. Например, у детей с избирательным ограничительным пищевым поведением обнаружено незнание слов, обозначающих запахи и вкусы продуктов, а у детей с трудностями социального поведения – недостаточность развития словаря эмоциональных состояний.

В практике детской психотерапии язык психолога вследствие неточного или искаженного понимания ребенком речи других людей, которое может быть симптомом нарушения его развития (например, тяжелого нарушения речи, задержки психического развития, расстройства аутического спектра (PAC) и др.), может выступать фактором патологизации. Следовательно, в работе с детьми следует использовать так называемый ясный язык – адаптированный вариант языка, предназначенный для людей, у которых по разным причинам не сформирован или недостаточно сформирован навык понимания устного или письменного текста. Основная цель создания текстов на этом языке – это предоставление безбарьерного доступа к информации для таких людей [4]. Использование терапевтом ясного языка, доступного ребенку определенного возраста, является его специальной задачей.

Ориентация программы на овладение человеком собственным поведением и мышлением. В условиях оказания помощи ребенку этот принцип реализуется как принцип профилактики нарушений развития и становления личности. Л. С. Выготский писал, что принцип овладения собственными психическими процессами является краеугольным для развития ребенка в онтогенезе [5]. Взрослый передает ребенку знания и навыки эффективного решения предметных и коммуникативных задач, а вместе с этим право и обязанность самостоятельного осознанного и произвольного их решения. Формирование функциональности психической жизни и поведения в ходе психотерапии предполагает фактически ту же стратегию: выступая в роли мудрого взрослого, мы обучаем человека самостоятельно удовлетворять свои эмоциональные потребности наиболее эффективным способом. Данный принцип восходит к философскому принципу субъектности [1].

Поскольку у детей многие навыки здоровой функциональности еще находятся в процессе формирования, важно помнить, что обучающий взрослый для них является фактором как психокоррекции, так и патологизации. Таким образом, принцип субъективности в условиях работы с ребенком может быть реализован как принцип участия взрослых как клиентов и котерапевтов (параиспциалистов) в процессе ППД. Вклад ребенка и взрослого в возникновение и разрешение проблемы ребенка относителен и зависит от уровня осознанности ребенка: чем выше уровень осознанности ребенка, тем меньше вклад взрослого и больше вклад ребенка. Отсюда следует, что, если взрослый не включен в процесс работы с ребенком, эффективность ППД значительно уменьшается, хотя уровень и степень включенности взрослого различаются в зависимости от возраста ребенка.

При составлении программы ППД необходимо включать в нее подпрограмму (модуль) «взрослый (родитель, педагог)», в которой должны быть проанализированы мотивы обращения взрослых с проблемой ребенка к психологу, формулировки запросов, их готовность к совместной работе с психологом, понимание проблемы ребенка и особенностей его развития. В программе следует определить задачи работы со взрослым, в том числе задачу установления терапевтических отношений психолога и взрослого.

Еще одним направлением развития рассматриваемого принципа при разработке программ ППД является ориентация на формирование субъектности ребенка. При реализации программ ППД психолог осуществляет коррекционно-развивающую деятельность, так как используемые методы направлены не только на исправление дефектных функций, но и на стимулирование развития функций нормативного развития. Например, работа, нацеленная на формирование эмоционального интеллекта, включает обучение детей способам распознавания эмоций других людей, осознание собственных эмоций, установления связей когнитивных, эмоциональных и телесных функций, что позволяет им быть осознанным и произвольным в своем мышлении и поведении.

Учет контекста поведения и мышления. В современных программах доказательной психотерапии когниции пациента рассматриваются не только и не столько с точки зрения соответствия или не соответствия фактам. Часто критерием их анализа становится функциональность. Применительно к психическому развитию детей контекстуальность реализуется через соответствие когниций и поведения ребенка социальной ситуации развития, специфичной для его социокультурной жизни. Так, мы анализируем, насколько когнитивное развитие и поведение ребенка являются приемлемыми для данной культуры (например, содержание гендерных ро-

лей мальчиков и девочек в западной и восточной культурах); в какой степени оно соответствует требованиям к учебным навыкам детей разного возраста в различных образовательных системах и воспитательным традициям семьи; определяется ценностями и интересами ребенка, живущего в конкретных социально-экономических условиях. Принцип учета контекста поведения и мышления восходит к философскому принципу контекстуализма.

Принцип ориентации на процессы, поддерживающие проблему или расстройство. Данный принцип выражается в переориентации терапевта с синдромального подхода на процессуальный, которая может выражаться в нацеленности как на поддерживающие проблему процессы, так и на процессы, имеющие универсально-терапевтический характер [6]. На философском уровне этот принцип восходит к принципу процессуальности. В условиях разработки программы ППД принцип процессуальности выражается в ориентации психолога на концепцию структуры дефекта (нарушения) (Л. С. Выготский [7], В. В. Лебединский [8], А. М. Поляков [9]). В структуре дефекта принято выделять первичные, вторичные и третичные дефекты, что отражает последовательность возникновения нарушений; в нее также включаются функции-компенсации как ресурсы. При работе с проблемой ребенка психолог анализирует взаимовлияние разных психических функций, поведения ребенка и обратной связи от окружающих его людей.

Рассмотрим пример запроса на ППД: девочка (5 лет и 6 месяцев) отказывается посещать детский сад и группу дополнительного образования по подготовке к школе. Биологические предпосылки поведения – высокая чувствительность и тревожность, соматическая ослабленность с рождения и после перенесенной ротавирусной инфекции. Психологические особенности ребенка – сензитивность ко всему новому, длительный период адаптации, легкость возникновения страхов, фобия возникновения тошноты и диареи. Социальные факторы – непринимающее поведение воспитателей в детском саду, жесткие требования к поведению детей, гиперопекающий стиль поведения матери. Компенсаторные ресурсы – высокий уровень развития воображения, интерес к рисованию. Терапевтический ресурс – готовность матери к изменениям в отношении к ребенку.

В контексте концепции структуры дефекта (нарушения) процессуальность разворачивания и закрепления проблемы ребенка и ее проявления в новых ситуациях может описываться следующим образом. Факторами склонности к возникновению проблемы выступили слабый тип нервной системы, высокая чувствительность и тревожность, а также соматическая ослабленность вследствие перенесенной ротавирусной инфекции с типичными клиническими проявлениями. Поддерживающими течение проблемы

условиями явились жесткие (в ультимативной форме) требования воспитателей и няни, в том числе относительно приемов пищи, которые актуализировали дисфункциональную схему недоверия и ожидания жестокого обращения, а также обусловили использование избегающего копинга, что усилило настойчивость взрослых.

Ориентация на интеграцию инструментов, появившихся в рамках разных школ. Данный принцип восходит к принципу интегративности и является остро необходимым для оказания ППД, что определяется возрастными особенностями (в работе с детьми когнитивно-ориентированные методы и технологии, требующие высокого уровня осознанности и сформированности метакогнитивных умений, используются ограничено). Интеграция инструментов разных школ основывается на содержании блока целей и задач терапии, в котором каждой задаче соответствует специфическая техника или метод. В практике детской психотерапии сочетаются методы игротерапии и арт-терапии в директивных и недирективных вариантах, методики рассказывания и сочинения текстов, ролевые игры и поведенческие методы [10–13]. Этот принцип предполагает психотехническую интеграцию с опорой на систему обоснованных методологических принципов.

Интеграция когнитивного и метакогнитивного уровней работы с мышлением. Данный принцип предполагает определение приоритета работы с содержанием когниции либо с ее функциональностью. Варьирование отношения к когниции – это специфический конкретно-научный принцип. Он означает, что программы, базирующиеся на доказательной методологии, должны как ориентироваться на работу с когнициями, так и в случае необходимости и наличия объективных условий выходить на метакогнитивный уровень. Ориентация на работу с когнициями и выход на метакогнитивный уровень отчетливо прослеживаются в большинстве современных программ доказательной психотерапии [14; 15]. Идея единства и непротиворечивости когнитивного и метакогнитивного уровней работы также восходит к философскому принципу рефлексивности [1].

При разработке программ ППД необходимо, как и в случаях со взрослыми людьми, ориентироваться на обоснованность апелляции к содержанию когниции ребенка, а также анализ когнитивных иска- жений. Одновременно с этим важно понимать, что низкий уровень развития сознания и когнитивных функций ребенка ограничивает доступ к метакогнитивному уровню работы.

Ориентация на проверяемость эффективности программы и предсказуемость ее эффектов. Согласно этому принципу, восходящему к философскому принципу доказательности, программа ППД должна закономерно характеризоваться интер-

субъективностью, демонстрировать свою эффективность независимо от личностных и квалификационных особенностей психолога, его профессиональной подготовленности и интересов. Эффективность программы проверяется в методологии формирующего эксперимента, который может использоваться вариативно: а) при сравнении уровней развития ребенка, его состояния в начале и в конце реализации программы; б) при сравнении влияния разных вариантов программы помочь на состояние ребенка [1].

Нацеливание программы на решение конкретных задач. Этот принцип является одной из ключевых переменных, обусловливающих структуру и содержание коррекционных программ. Данный принцип восходит к философскому принципу целеориентированности. В практике ППД программа включает целевой блок, интегрирующий формулировку цели и перечень задач. Цель понимается как образ будущего результата, т. е. она описывает тот главный результат, который планируется достичь. Задачи конкретизируют цель и содержат описание способов ее достижения. Более детальное представление цели терапии в форме перечня задач необходимо ввиду сложности процесса развития ребенка и множественности факторов, определяющих возможновение проблем в нем. Например, психологическая помощь ребенку при наличии у него фобических расстройств предполагает решение следующих задач: 1) снижение эмоциональной валентности предмета страха; 2) развитие асертивности ребенка, его уверенности в себе; 3) изменение отношения близких взрослых к проявлениям страхов у детей. Определение цели и перечня задач в программе ППД является результатом анализа проблем ребенка. Использование конкретных методов и техник ППД определяется содержанием задачи, так как методы представляют собой способы достижения цели и решения задач.

Ориентация на осознанность. Данный принцип является универсальным для современной доказательной психотерапии. В философском плане этот принцип также восходит к принципу рефлексивности. В практике детской психотерапии при анализе проблемы ребенка определяется уровень развития его осознанности, который отражает уровень метакогнитивного развития ребенка. Осознанность может рассматриваться в контексте внутренней картины болезни (расстройства, нарушения) ребенка, т. е. с точки зрения того, как он воспринимает, понимает и оценивает свое расстройство, есть ли у ребенка потребность в устранении (коррекции, излечении) этого расстройства, знает ли он, что для этого можно сделать. В то же время следует ориентироваться на понятие реакции личности на дефект (нарушение) и цикл формирования его структуры. А. М. Поляков выделяет два цикла формирования структуры дефекта: 1) дисфункциональный цикл, поддерживающий

ядерный дефект и запускающий механизм его поддержания; 2) эволюционный цикл, использующий ядерный дефект как индивидуальную особенность, которую можно применять при проектировании способов взаимодействия ребенка с миром [9].

Ориентация на эмпирически обоснованную модель психики. При работе с нарушениями и расстройствами психического развития важно учитывать характеризующие их закономерные процессы, что требует формирования модели психики и входящих в нее структур. Понимание этих закономерностей позволяет определить факторы эффективности программы ППД. В философском плане этот принцип восходит к принципу доказательности.

В контексте методологического обоснования формирования программ ППД данный принцип может быть сформулирован как принцип ориентации на возрастные особенности и закономерности развития. «Знания и компетентность в отношении того, как проводить когнитивно-поведенческую терапию с учетом особенностей развития, имеют решающее значение для всех терапевтов, которые хотят использовать когнитивно-поведенческую терапию в работе с детьми и подростками» (перевод наш. – Д. Д., И. В.) [16, р. 406].

Принцип ориентации на возрастные особенности детей и закономерности их развития при построении программ ППД выражается в понимании возрастных ограничений детей, препятствующих использованию определенных методов и техник; модификации методов в соответствии с возрастными возможностями детей; использовании ресурсных возрастных особенностей детей (специфических интересов, ведущих форм деятельности, типичных отношений со взрослыми и сверстниками). Например, в младенчестве и раннем детстве основные проблемы детей проявляются на соматовегетативном уровне, а также в поведении и детско-родительских отношениях. В то же время дети не могут выступать как самостоятельные клиенты психолога, и психологическая помощь в решении их проблем реализуется через близкого взрослого. Но уже к трем годам у ребенка формируются восприятие и речь, способность к целеполаганию, целенаправленность поведения и деятельности, что может быть основанием для работы с самим ребенком.

Дети дошкольного возраста характеризуются низким уровнем развития когнитивных и социальных навыков (эгоцентризмом, отсутствием обратимости операций, черно-белым и предпричинным мышлением), что в соответствии с классификацией Ж. Пиаже является характеристикой дооперационной стадии интеллектуального развития [17]. У детей обнаруживается недостаточность в развитии теории психического (*theory of mind*) как метакогнитивной способности. Эта недостаточность проявляется в непонимании мыслей и чувств другого человека, отсутствии способности от-

личать их от собственных и строить свое поведение с учетом этих знаний. Теория психического рассматривается как основная предпосылка развития рефлексивного сознания и сложных форм социального поведения; эта способность начинает развиваться у детей после 4 лет [18].

К концу дошкольного возраста у детей формируется умение осознавать собственные мысли и эмоции, управлять своими эмоциями, а также логика чувств как результат обобщения эмоциональных переживаний. «Семилетка открывает для себя сам факт своих переживаний» [19, с. 379], т. е. происходит дифференциация внешней и внутренней жизни ребенка. Важнейшим ресурсом в работе с детьми является воображение, которое Л. С. Выготский описывал как живое и непосредственное (для детей нет четкой границы воображаемого и реального) [5].

В младшем школьном возрасте у детей развивается понятийное мышление, складывается обоснованная дифференцированная самооценка, образ телесного Я, развиваются метакогнитивные способности. В работе с ребенком в конце младшего школьного возраста становится возможным применение психологом большинства техник из арсенала доказательных методов психотерапии.

При разработке программ ППД необходимо опираться на верифицированные теории психического развития, его установленные закономерности, использовать релевантные понятия и категории. Начальным этапом реализации программы ППД является анализ проблемы ребенка, который опирается на использование эмпирически обоснованной модели закономерностей психического развития. Так, рассматривая закономерности развития мышления детей дошкольного и младшего школьного возраста и его особенности, описанные в работах Ж. Пиаже, мы можем понять, как у них складывается картина мира, какие способы познания других людей они используют, и объяснить ограниченность образа другого человека.

Понятие ведущей деятельности, эмпирически обоснованное в исследованиях Д. Б. Эльконина [20], дает возможность определить ведущие психологические новообразования детей разных возрастов как итоги развития на протяжении определенного периода, а также основное средство коррекционно-развивающей работы с ребенком. Понятие интериоризации, эмпирически обоснованное представителями школы Л. С. Выготского, позволяет объяснить развитие психических процессов (восприятия, памяти, мышления) как последовательное появления практических, наглядных и словесных форм познавательных процессов в онтогенезе¹. Это понятие дает возможность определить задачи коррекционно-развивающей работы с ребенком, в ходе которой обеспечивается реализация процессов интериоризации.

¹Радзиховский Л. А. Психология развития / ред. А. Л. Венгер. М. : Персэ, 2005. 176 с.

Транспарентность эффектов психотехник, используемых в программе. На философском уровне данный принцип восходит к принципу доказательности. Механизм действия используемых в работе с детьми техник и методик должен быть объяснен с точки зрения академической психологии. В качестве примеров таких техник и методик можно привести техники формирования навыков как автоматизированных действий, рисуночные методики и методики составления терапевтической сказки (в том числе вышеуказанные методики), в которых реализуется несколько механизмов: проекция, идентификация, экстериоризация, осознание проблемы, расширение когнитивного опыта и др.

Для обоснования транспарентности используемых техник особенно ценным является концепция зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский), которая определяется как разница между уровнем развития ребенка в самостоятельной активности и в совместной деятельности со взрослым [21]. Эта концепция предполагает ориентацию на желания ребенка и его активность во взаимодействии со взрослым. В процессе такого взаимодействия осуществляется пошаговая передача ребенку знаний, умений, навыков и способов выполнения действий, при этом вклад взрослого в совместную деятельность уменьшается, а вклад ребенка – увеличивается. Примерами ориентации терапевта на зону ближайшего развития ребенка являются дозированные подсказки, использование копинг-карточек, совместное составление сказок или социальных историй, интерпретация созданных ребенком в арт-терапии продуктов.

Клиент-центрированность. Этот принцип предполагает ориентацию терапевта при разработке программы психологической помощи на клиента, его интересы и пользу, которую он может получить в ходе терапии. Данный принцип является отражением философского принципа ориентации на челове-

ка (субъект-центрированности). Согласно принципу клиент-центрированности необходимо конструировать программы для решения: а) группы сходных проблем (коррекции страхов и тревожности); б) типичных для детей одного возраста проблем (проблем пит器ия у детей раннего возраста; проблем отношений с одноклассниками в младшем школьном возрасте); в) проблемы разной степени выраженности одного и того же расстройства (например, СДВГ, РАС); г) индивидуальных проблем одного ребенка. В наибольшей степени принцип клиент-центрированности реализуется при создании индивидуально-ориентированных программ ППД, что объясняется разнообразием детских проблем, которое детерминировано их возрастными особенностями, уровнем развития, индивидуальными особенностями социальной ситуации развития (контекста), степенью выраженности проблемы (расстройства, нарушения), а также различными вариантами сочетания факторов, вызывающих расстройство.

В качестве примеров реализации принципа клиент-центрированности в практике детской психотерапии можно привести использование программ поведенческого вмешательства в работе с детьми с тяжелой формой РАС и программ, основанных на составлении социальных историй, в работе с детьми с так называемым высокофункциональным аутизмом.

Соблюдение этических принципов взаимодействия с клиентом, таких как конфиденциальность или ограничение двойных отношений, также выступает проявлением принципа клиент-центрированности. В практике детской психотерапии дополнительно возникают такие ограничения, как отсутствие двойных отношений не только психолога с ребенком, но и психолога со взрослыми, связанными с ребенком (его родителями, родственниками, учителями и др.).

Заключение

Принципы построения программ ППД, обеспечивающие их доказательность, могут быть корректно апплицированы к решению задач помощи детям. Если при экспликации этих принципов использовалась индуктивная логика (от анализа фактически работающих программ, выявления конкретно-научных принципов, лежащих в основе их эффективности, к выходу на фи-

лософский уровень), то в рамках описанного в данной статье анализа реализуется дедуктивная логика апплицирования этих принципов к процессу разработки программ ППД. Технология конструирования конкретных программ ППД, базирующаяся на реализации конкретно-научных принципов, обоснованных в данной работе, будет представлена в следующей статье.

Библиографические ссылки

1. Дьяков ДГ. Современная когнитивно-поведенческая терапия: схизис и выход. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія.* 2024;3:52–64.
2. Торнеке Н. *Теория реляционных фреймов в клинической практике.* Москва: Диалектика; 2022. 320 с.
3. Хэррис Р. *Полное наглядное пособие по терапии принятия и ответственности. Революционные методы и стратегии для содействия глубоким изменениям в поведении клиентов.* Москва: Эксмо; 2022. 432 с.
4. Нечаева НВ, Хельмле К-С, Каирова ЭМ. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики.* 2020;3:8–24. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.1.

5. Выготский ЛС. *Психология развития ребенка*. Санкт-Петербург: Питер; 2020. 432 с.
6. Кларк Да, Бек АТ. *Тревога и беспокойство: когнитивно-поведенческий подход*. Киев: Диалектика; 2019. 450 с.
7. Выготский ЛС. *Собрание сочинений. Том 5, Основы дефектологии*. Москва: Педагогика; 1983. 368 с.
8. Лебединский ВВ. *Нарушения психического развития в детском возрасте*. Москва: Академия; 2011. 144 с.
9. Поляков АМ. Психологическая структура дефекта как основание психологической помощи детям с отклонениями в развитии. *Культурно-историческая психология*. 2024;20(2):23–31. DOI: 10.17759/chp.2024200203/.
10. Гарднер Р. *Психотерапия детских проблем*. Санкт-Петербург: Речь; 2002. 416 с.
11. Зинкевич-Евстигнеева ТД, Тихонова ЕА. *Проективная диагностика в сказкотерапии*. Санкт-Петербург: Речь; 2003. 208 с.
12. Костила ЛМ. *Игровая терапия с тревожными детьми*. Санкт-Петербург: Речь; 2001. 160 с.
13. Чистякова МИ. *Психогимнастика*. Москва: Просвещение, Владос; 1996. 160 с.
14. Брим В, Чаллакомбе Ф, Палмер А, Салковскис П. *Когнитивно-поведенческая терапия обсессивно-компульсивного расстройства*. Санкт-Петербург: Диалектика; 2021. 384 с.
15. Harvey AG, Watkins E, Mansell W. *Cognitive behavioural processes across psychological disorders. A transdiagnostic approach to research and treatment*. New York: Oxford University Press; 2004. 365 p.
16. Riise EN, Haugland BSM, Wergeland GJH. Cognitive behavioral therapy (CBT) with children and adolescents. In: Matson JL, editor. *Handbook of Clinical Child Psychology. Integrating Theory and Research into Practice*. Baton Rouge: Springer; 2023. p. 406–424. DOI: 10.1007/978-3-031-24926-6.
17. Флейвелл ДжХ. *Генетическая психология Жана Пиаже*. Москва: Просвещение; 1967. 623 с.
18. Сергиенко ЕА, Уланова АЮ, Лебедева ЕИ. *Модель психического. Структура и динамика*. Москва: Институт психологии РАН; 2020. 503 с. EDN: IBFNZM.
19. Выготский ЛС. *Собрание сочинений. Том 4, Детская психология*. Москва: Педагогика; 1984. 432 с.
20. Эльконин ДБ. *Избранные психологические труды*. Москва: Педагогика; 1989. 560 с.
21. Выготский ЛС. *Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте*. Москва: Эксмо; 2004. 512 с.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025.
Received by editorial board 05.03.2025.

ФОРМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В СФЕРЕ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Г. Р. ЗАИДОВА^{1, 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный колледж монтажных технологий и транспортной логистики, ул. Буденного, 8, 220070, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Описана сущность психологического насилия. Предложена типология психологического насилия, критерием которой выступает сфера психического развития (когнитивная сфера (познавательное развитие, способности личности) и психосоциальная сфера (эмоциональное, личностное и социальное развитие)). Предложено определение эмоционального насилия, рассматриваемого в качестве формы психологического насилия, которая заключается в систематическом принудительном угнетающем воздействии агрессора на эмоциональную сферу жертвы, нарушающем согласованность между ее подлинными эмоциями, чувствами и их выражением. Рассмотрены следующие формы эмоционального насилия над детьми: обесценивание эмоций и чувств; эмоциональный холод и игнорирование; запрет на выражение истинных эмоций; формирование чувства вины и стыда; запугивание; эмоциональное слияние вследствие гиперопеки и чрезмерного контроля; бесконтрольная смена эмоций, или «эмоциональные качели». Представлены последствия различных форм эмоционального насилия для детей.

Ключевые слова: насилие; психологическое насилие; эмоциональное насилие; области психического развития; родительско-детские отношения.

FORMS OF EMOTIONAL ABUSE IN THE SPHERE OF PARENT – CHILD RELATIONSHIPS

Г. Р. ЗАИДОВА^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Nizeliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMinsk State College of Assembly Technologies and Transport Logistics, 8 Budzionnaga Street, Minsk 220070, Belarus

Abstract. The article describes the essence of psychological abuse. A typology of psychological abuse is proposed, the criterion of which is the sphere of mental development (cognitive sphere (cognitive development, personality abilities) and psychosocial sphere (emotional, personal and social development)). A definition of emotional abuse is proposed, considered as a form of psychological abuse which consists in the systematic forced oppressive impact of the aggressor on the emotional sphere of the victim, violating the consistency between her true emotions, feelings and their expression. The following forms of emotional abuse against children are considered: devaluation of emotions and feelings; emotional coldness and ignoring; ban on expressing true emotions; formation of feelings of guilt and shame; intimidation; emotional fusion due to overprotection and excessive control; uncontrolled change of emotions, or «emotional swings». The consequences of various forms of emotional abuse for children are presented.

Keywords: abuse; psychological abuse; emotional abuse; spheres of mental development; parent-child relationships.

Образец цитирования:

Заидова ГР. Формы эмоционального насилия в сфере родительско-детских отношений. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;2:72–77.

EDN: YTFALT

For citation:

Zaidova GR. Forms of emotional abuse in the sphere of parent – child relationships. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:72–77. Russian. EDN: YTFALT

Автор:

Галина Рафиковна Заидова – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук¹⁾, педагог-психолог²⁾. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. Н. Андреева.

Author:

Galina R. Zaidova, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences^a, educational psychologist^b. baranchuk.g@inbox.ru

Введение

Психологическое насилие является распространенной деструктивной формой внутрисемейной коммуникации и важной темой для изучения. Даный вид насилия не такой очевидный, как физическое и сексуальное насилие, но зачастую имеет более долгосрочные последствия для жертвы. Например, оно может стать причиной формирования и развития личностной тревожности, депрессии, психотравмы, посттравматического стрессового расстройства [1]. Дети, которые подвергаются психологическому насилию дома или являются свидетелями подобного обращения в семье, в силу зависимого положения, несформированной психики, отсутствия чувства безопасности и возможности выйти из разрушительных отношений, крайне уязвимы.

Психологическое насилие рассматривается учеными как воздействие на ребенка, провоцирующее появление патологических черт характера, снижение самооценки и нарушения социализации (Т. М. Журавлева, Т. Я. Сафонова, Е. И. Цымбал) [2]; формирование у ребенка представления о том, что он нежеланный, нелюбимый, незначимый и является не более чем инструментом для удовлетворения потребностей других людей (М. Брассард, С. Харт) [2]; игнорирование субъективных характеристик ребенка (прав, достоинства и свободы), преднамеренное манипулирование им как объектом, разрушение привязанности между взрослыми и ребенком, или, напротив, фиксация этих отношений, которая в последующем приводит к различным деформациям и нарушениям психического (коммуникативного,

интеллектуального, поведенческого, эмоционального, волевого, личностного) развития (А. Б. Орлов) [3]; совершенное по отношению к ребенку действие, которое вредит развитию его потенциальных способностей [4]; социально-психологическое воздействие, принуждающее ребенка к поступкам, которые не входили в его намерения, нарушающее индивидуальные границы личности, осуществляющее без информированного согласия и обеспечения социальной и психологической безопасности индивида, а также всех его законных прав, приводящее к социальному, психологическому, физическому или материальному ущербу (Е. Н. Волков) [5]. Обобщая данные определения, можно сделать вывод о том, что психологическое насилие – это такое поведение родителей, которое приводит к нарушению психического развития ребенка (наносит вред его самооценке, эмоциональной сфере, межличностным отношениям и потенциальным способностям).

На данный момент хорошо изучены особенности насилия в семье, его виды, формы, причины, а также последствия для жертв. Среди отечественных ученых, таких как Е. П. Ильин [6], Е. Н. Волков [5], Я. К. Нелюбова [7], О. Е. Додонов, Г. П. Афонькин [8], Н. Л. Больщакова, Р. М. Садыко [9], принято отождествлять эмоциональное и психологическое насилие, использовать эти категории как синонимы. Однако мы считаем целесообразным предложить типологию, в которой эмоциональное насилие выступает в качестве одного из видов психологического насилия.

Теоретические основы исследования

Развитие человека осуществляется благодаря биологическим процессам, протекающим внутри организма, и воздействию окружающей среды. Области развития указывают на то, что конкретно изменяется в индивиде. Г. Дж. Крайт определяет физическую, когнитивную и психосоциальную области развития человека [10]. В. А. Аверин выделяет психофизическую, когнитивную и психосоциальную области развития [11]. Области развития – это своеобразные устойчивые подсистемы человека как биосоциокультурного существа. Когнитивная область развития отвечает за формирование умственных способностей и психических процессов (изменения в восприятии, памяти, воображении и речи, развитие интеллекта и способностей), тогда как психосоциальная область

развития – за становление личности и формирование межличностных отношений, изменения в эмоциональной сфере, самосознании и я-концепции, социальных навыках и моделях поведения.

Результатом развития когнитивной и психосоциальной областей являются умственная и социальная зрелость человека соответственно. Психологическое насилие может стать причиной нарушений развития различных компонентов этих областей. Критерием типологии психологического насилия выступает сфера психического развития, на которую оказывается негативное воздействие (когнитивная сфера (познавательное развитие, способности личности) и психосоциальная сфера (эмоциональное, личностное и социальное развитие)).

Результаты и их обсуждение

Психологическое насилие по воздействию на области психического развития можно разделить на следующие виды:

- причинение вреда познавательной сфере личности. Ввиду психологического давления когнитивное развитие ребенка осуществляется медленнее,

он менее вовлечен в учебную деятельность и имеет более низкую успеваемость по сравнению с детьми, у которых не было опыта насилия в детстве;

- формирование деструктивных когнитивных установок, снижающих качество жизни. Насилие оправдывается следующими фразами: «Родители

всегда правы. Они знают, как лучше», «Мир жесток. Никому нельзя доверять. Все новое и неизвестное опасно», «Ты должен нравиться каждому, с кем общаешься», «Нельзя расслабляться», «Ты должен быть успешным», «Инициатива наказуема», «Нельзя быть высокочкой, таких не любят», «Деньги – зло. Они портят человека», «Твое мнение никому не интересно», «Жизнь – тяжелая штука»;

- торможение развития потенциальных способностей. Жертва присваивает негативные установки в отношении своих способностей, которые слышит от значимого человека. Фразы «У тебя ничего не получится», «Я сама все сделаю», «Ничего хорошего из тебя не выйдет» становятся интроектами и могут сформировать выученную беспомощность;

- нанесение вреда сфере самоотношения. Психологическое насилие приводит к снижению самооценки и разрушению самоуважения. Высмеивание, оскорбления, систематическая критика внешнего вида и некоторых черт характера, унижения, сравнение со сверстниками или со взрослыми, к которым ребенок относится негативно, не в его пользу, завышенные требования, неуважительное отношение, принижение успехов и навешивание ярлыков оказывают крайне негативное влияние на личностное становление ребенка;

- разрушение отношений с другими людьми. К формам данного вида психологического насилия можно отнести использование ребенка в конфликтах, в том числе во время развода (оскорбление значимого человека в присутствии ребенка, использование ребенка для передачи сообщений, призыв встать на сторону одного из родителей, запрет на общение без законных оснований), изоляцию (осуждение друзей и (или) их родителей в присутствии ребенка, создание препятствий для установления дружеских связей, запрет на общение с друзьями, угрозы по отношению к ним, контроль телефонных разговоров), клевету;

- эмоциональное насилие. Мы предлагаем определить эмоциональное насилие как форму психологического насилия, которая заключается в систематическом принудительном угнетающем воздействии агрессора на эмоциональную сферу жертвы, нарушающем согласованность между ее подлинными эмоциями, чувствами и их выражением [12]. В условиях эмоционального насилия жертве приходится подавлять либо маскировать собственные эмоции, чтобы быть в безопасности и в дальнейшем избежать негативных последствий в виде психологического давления или жестоких действий со стороны агрессора.

Эмоциональное насилие может проявляться в обесценивании эмоций и чувств ребенка; эмоциональном холде и игнорировании (наказании молчанием); запрете на выражение истинных эмоций; формировании чувства вины и стыда; запугивания (использовании угроз, запугивания наказани-

ем); эмоциональном слиянии вследствие гиперопеки и чрезмерного контроля (формировании у ребенка чувства зависимости от мнения матери, несоблюдении его личных границ); бесконтрольной смене эмоций, или «эмоциональных качелях» (смене эмоционального тепла холодом и отстраненностью, агрессивностью). Рассмотрим формы эмоционального насилия над детьми и их последствия подробнее.

Обесценивание эмоций и чувств. В условиях такой формы насилия эмоциональная реакция ребенка или волнующее его событие обесцениваются и значимость проблемы взрослыми резко преуменьшается [13]. Данная форма эмоционального насилия может проявляться в следующих родительских посланиях и формулировках: «Ты же уже взрослый, чего ты боишься?»; «Не реви, это ерунда!»; «Тоже мне проблема, вот у меня...»; «Забудь об этом»; «У тебя нет причин грустить, тревожиться или расстраиваться».

М. М. Линехан описала явление инвалидации. Оно является субъективным и заключается в отсутствии признания эмоциональных реакций индивида со стороны его окружения. От уровня чувствительности личности, обусловленного психосоциальными факторами, зависит, будут ли определенные слова и поступки восприниматься как инвалидирующие. По мнению ученого, именно инвалидация играет ключевую роль в развитии пограничного расстройства личности.

Инвалидирующее окружение с его неадекватным реагированием на личный опыт жертвы выступает основным фактором, приводящим к эмоциональной дисрегуляции. В семьях с благоприятным психологическим климатом эмоции взрослых и детей воспринимаются в качестве значимых коммуникационных сигналов. В инвалидирующих семьях болезненные переживания ребенка незначимы, они объясняются недисциплинированностью, отсутствием мотивации, неспособностью к позитивному мышлению. В таких семьях ребенок вместо того, чтобы доверять собственным эмоциональным реакциям и относиться к ним как к адекватным интерпретациям полученного опыта, учится подавлять эти реакции [14]. Становясь взрослым, индивид демонстрирует равнодушие, считает, что проявлять эмоции не следует, перестает слышать телесные сигналы, что может привести к различным заболеваниям, например ожирению, расстройству пищевого поведения и алекситимии [15; 16].

Эмоциональный холод и игнорирование. Эмоционально холодные родители выполняют свои функции формально. С их стороны отсутствует эмоциональный отклик (внимательность к потребностям ребенка, ласка, тактильный и невербальный контакт (взгляды, улыбки, одобрение)). Они не интересуются состоянием ребенка, не обнимают и не целуют его и др. Такие родители не способны быть эмоционально теплыми, они отказывают ребенку в поддержке.

Женщина, которая находится в подавленном или депрессивном состоянии, переживает горе, страдает алкогольной или наркотической зависимостью, зачастую меньше взаимодействует с ребенком, а тот, в свою очередь, хуже справляется с когнитивными задачами и демонстрирует меньше положительных эмоций [17]. В последующем такие дети становятся взрослыми, нуждающимися в том, чтобы их научили, как устанавливать контакт с другими людьми. Нехватка невербальных эмоциональных сигналов приводит к лишению ощущения безопасности и поддержки. К отстраняющимся родителям дети испытывают скрытые негативные чувства. Такие дети характеризуются как конфликтные и необщительные, их уровень самооценности снижен.

Эмоциональная отчужденность матери приводит к проблемам с установлением личных границ у детей, их повышенной зависимости от других людей либо самоизоляции, недоверию, трудностям с пониманием и проявлением эмоций, а также с установлением близких межличностных отношений, обуславливает склонность к зависимостям [18]. Став взрослыми, дети эмоционально холодных матерей обычно не имеют связанных с ними счастливых детских воспоминаний [17].

Запрет на выражение истинных эмоций. Данная форма эмоционального насилия может проявляться в установках «Я предпочитаю не слишком радоваться, потому что за радостью всегда следует грусть», «Если я показываю эмоции, я слабый», «Меня отвергнут за мои настоящие эмоции», «Я не имею права печалиться или плакать, ведь кому-то сейчас намного хуже». Когда родители запрещают ребенку выражать радость, у него блокируется способность проявлять чувственное удовольствие, оно замещается чувством вины и страха. Запрет на выражение гнева свойствен девочкам, тогда как мальчикам более характерен запрет на проявление страха. В семьях, где принято подавлять эмоции, травмирующие события не только не «прорабатываются», но и не проговариваются, не обсуждаются [19].

В эмоционально благополучных семьях родители испытывают радость и гордость, когда их ребенок добивается успеха. Дети, которые сталкиваются с раздражением и равнодушием в ответ на их положительное поведение, быстро теряют мотивацию и учатся тому, что радоваться за свои достижения неуместно и неправильно. Общение с людьми, склонными подавлять эмоции и контролировать мимику, как правило характеризуется тревогой, поскольку отсутствие невербальной коммуникации не позволяет адекватно воспринимать вербальные сообщения собеседника.

Стремление родителей к осознанию эмоций, их открытому выражению и обсуждению с детьми способствует развитию такого компонента эмоционального интеллекта, как понимание эмоций. Ро-

дители с высоким уровнем эмоционального интеллекта относятся к возникновению отрицательной эмоции как к новой возможности обучить ребенка выражать ее приемлемым способом и развить его способность решать проблемы. Такой подход повышает уровень доверия и близости в родительско-детских отношениях [20].

Формирование чувства вины и стыда. Исследователь особенностей материнской депривации Дж. Боулби относит провоцирование чувства вины, стыда и несостоятельности к одному из типов неадекватного родительского отношения [21]. Стимулирование чувства вины в целях воспитательного контроля над ребенком проявляется в вербальных посланиях «Я все для тебя делаю, а ты...», «Ты разочаровал меня», «Я всем пожертвовала ради тебя», которые сопровождаются навешиванием ярлыков «неблагодарный», «бессовестный» или «наглый» [22]. Помимо этого, ребенок в случаях, когда родители предъявляют нереалистичные завышенные требования, которые он не может реализовать, сталкивается с осуждением или гневом родителей и испытывает стыд [23]. Впоследствии чувство вины в сочетании с повышенной нервной возбудимостью и страхами не позволяет личности испытывать удовольствие, выражать обиду, злость и озвучивать свои мысли, желания и чувства, ребенок начинает считать себя недостойным чьей-либо заботы [18; 24].

Запугивание. Данная форма эмоционального насилия над ребенком осуществляется с помощью фраз «Ты об этом пожалеешь!», «Ты у меня за это поплатишься!», «Только попробуй!». Родители считают, что используют страх как способ повышения уровня адаптационных возможностей ребенка. Дети, которых запугивают родители, приспособливаются к эмоциональному насилию и маскируют свои эмоции, так как взрослые могут нанести вред им самим, их любимым вещам или домашним животным. При систематическом запугивании ребенка в целях воспитания у него формируются необоснованные страхи и реакция «как бы чего не вышло», проявляющиеся в объективно безопасных обстоятельствах. Например, при запугивании родители могут ссылаться на наказание со стороны вымышленных персонажей и людей определенных профессий (милиционеров, врачей), угрожать тем, что ребенка отсадят в приют, если тот продолжит себя плохо вести. В связи с этим некоторые дети чувствуют себя униженными, у них развиваются фобии, враждебные чувства по отношению к родителям [19].

Эмоциональное слияние вследствие гиперопеки и чрезмерного контроля. К признакам гиперопеки можно отнести чрезмерное внимание и навязчивую заботу, принятие решений без учета мнения ребенка, недоверие по отношению к его идеям и поступкам, тотальный контроль, отсутствие

поддержки во время проявления ребенком самостоятельности, выполнение заданий и посильных задач за него. Гиперопекающие родители из-за собственной тревоги транслируют детям установку о том, что окружающий мир опасен. При гиперопекающем стиле воспитания родители не придают значения личному пространству ребенка. Также в ходе слияния родитель «присоединяет» ребенка к собственному эмоциональному состоянию и чувствам таким образом, что ребенок приучается игнорировать собственные ощущения и эмоции, нередко у него формируется выученная беспомощность. Во взрослом возрасте у личности развивается чувство вины из-

за желания сепарироваться от родителей и «построить» личную жизнь.

Бесконтрольная смена эмоций, или «эмоциональные качели». Проблема перепадов настроения родителя заключается в резком чередовании близости и отчуждения. Такой эффект может наблюдаться из-за наличия родителя пограничного расстройства личности и привести к тому, что ребенок в целях прогнозирования поведения матери или отца научится распознавать их настроение по едва заметным сигналам, будет пребывать в состоянии постоянного эмоционального напряжения [19].

Заключение

Таким образом, эмоциональное насилие рассматривается нами как составляющая психологического насилия, специфика которого заключается в систематическом принудительном угнетающем воздействии агрессора на эмоциональную сферу жертвы, нарушающем согласованность между ее подлинными переживаемыми эмоциями, чувствами и их выражением. К эмоциональному насилию над ребенком можно отнести обесценивание эмоций и чувств, эмоциональный холод и игнорирование, запрет на выражение истинных эмоций, формирование чувства вины и стыда, запугивание, эмоциональное слияние вследствие ги-

перопеки и чрезмерного контроля, а также бесконтактную смену эмоций, или «эмоциональные качели».

Последствиями эмоционального насилия могут быть отсутствие чувствительности к собственным эмоциональным сигналам, проблемы в установлении личных границ и соблюдении границ других людей, зависимость от окружения, самоизоляция и трудности с установлением близких межличностных отношений, блокирование чувственного удовольствия, хроническое чувство вины, стыда, выученная беспомощность, эмоциональное напряжение и враждебные чувства по отношению к родителям.

Библиографические ссылки

1. Аптикиева ЛР. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2020;1:6–13. DOI: 10.25198/1814-6457-223-6.
2. Журавлева ТМ. Помощь детям – жертвам насилия. Москва: Генезис; 2006. 112 с.
3. Орлов АБ. Психологические аспекты насилия в семье. Москва: Сфера; 2007. 214 с.
4. Зиновьева НО. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. Санкт-Петербург: Речь; 2003. 248 с.
5. Волков ЕН. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2002;6:84–95. EDN: HRNRHN.
6. Ильин ЕП. Насилие как психологический феномен. *Вестник Герценовского университета*. 2013;1:167–173. EDN: QIVSLZ.
7. Нелюбова ЯК. Помощь детям, пострадавшим от насилия в семье: правовые аспекты, тренинговые занятия, рекомендации. Волгоград: Учитель; 2009. 171 с.
8. Афонькин ГП. Современные проблемы правового обеспечения уголовной ответственности за семейное (домашнее) насилие в России. *Полицейская и следственная деятельность*. 2013;3:175–181.
9. Садыков РМ. Насилие в семье: сущность и виды. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;7-2:81–84.
10. Край Г, Бокум Д. *Психология развития*. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 940 с.
11. Аверин ВА. *Психология развития человека: рождение и жизнь*. Санкт-Петербург: Спецлит; 2021. 432 с.
12. Заидова ГР, Андреева ИН. Эмоциональное насилие как форма психологического насилия в детско-родительских отношениях. *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова*. 2024;1:58–64. EDN: FXZICJ.
13. Черная АВ. Стратегии реагирования родителей на негативные эмоции и эмпатические реакции детей дошкольного возраста. *Российский психологический журнал*. 2022;19(2):161–173. DOI: 10.21702/grj.2022.2.12.
14. Лайнен ММ. Руководство по тренингу навыков при терапии пограничного расстройства личности. Москва: И. Д. Вильямс; 2018. 336 с.
15. Мамедова ЕН, Мамедова ЕВ. Родительские директивы как источник психологических травм. Управление образованием: теория и практика. 2022;2:91–100. DOI: 10.25726/t4735-3616-8673-r.
16. Искусных АЮ. Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройства. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015;15:59–68. EDN: TWNWHB.

17. Ли Кори Ж. *Мамина нелюбовь*. Москва: Эксмо; 2022. 400 с.
18. Стрип П. *Нелюбимая дочь*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2021. 326 с.
19. Лоусон КЭ. *Матери с пограничным расстройством личности и их дети: как справиться с напряженностью, не-предсказуемостью, непостоянством в отношениях с матерью*. Санкт-Петербург: Диалектика; 2021. 320 с.
20. Андреева ИН. *Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой; 2011. 388 с.
21. Волкова ЕН. *Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 240 с.
22. Чередник ТВ. Влияние детско-родительских отношений на особенности развития и переживания чувства вины. *Шаг в науку*. 2020;1:80–83. EDN: QDOBRR.
23. Фурманов ИА. Моральная регуляция агрессивного поведения детей. *Психологический журнал*. 2010;1:26–32. EDN: ZUWNIX.
24. Фурманов ИА. *Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства*. Минск: Тесей; 1999. 160 с.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2024.
Received by editorial board 01.06.2024.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ И ЕЕ СВЯЗИ С ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ СМАРТФОНА, ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ И САМОКОНТРОЛЕМ В ОБЩЕНИИ

А. Ч. ВЫРВИЧ^{1, 2)}, В. П. ШЕЙНОВ³⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

³⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220001, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты исследования связи прокрастинации с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении. Выявлены положительные связи прокрастинации с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, самоконтролем в общении, а также с интровертированной и экстернальной мотивацией, что означает негативную взаимосвязь прокрастинации с академической мотивацией. Отмечено, что полученная в настоящем исследовании положительная связь прокрастинации с самоконтролем в общении является новым результатом.

Ключевые слова: прокрастинация; зависимость от смартфона; зависимость от социальных сетей; академическая мотивация; самоконтроль; самоконтроль в общении.

RELATIONSHIPS OF PROCRASTINATION WITH SMARTPHONE ADDICTION, SOCIAL MEDIA ADDICTION, ACADEMIC MOTIVATION AND SELF-CONTROL IN COMMUNICATION

A. Ch. VYRVICH^{a, b}, V. P. SHEINOV^c

^aPolotsk State University named after Euphrosinia Polotskaya, 29 Blachina Street, Navapolack 211440, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Nizelaziehnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^cRepublican Institute of Higher School, 15 Moskovskaya Street, Minsk 220001, Belarus

Corresponding author: A. Ch. Vyrvich (nastya_vyrvich99@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the study of the relationship between procrastination and smartphone addiction, social media addiction, academic motivation, and self-control in communication. Positive relationships between procrastination and smartphone addiction, social media addiction, self-control in communication, as well as introjected and

Образец цитирования:

Вырвич АЧ, Шейнов ВП. Прокрастинация и ее связи с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:78–87.

EDN: XZNBMO

For citation:

Vyrvich ACh, Sheinov VP. Relationships of procrastination with smartphone addiction, social media addiction, academic motivation and self-control in communication. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:78–87. Russian.

EDN: XZNBMO

Авторы:

Anastasiya Чеславовна Вырвич – преподаватель кафедры технологии и методики преподавания гуманитарного факультета¹⁾, аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук²⁾.

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Authors:

Anastasiya Ch. Vyrvich, lecturer at the department of technology and teaching methodology, faculty of humanities^a, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences^b.

nastya_vyrvich99@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3977-5802>

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), PhD (physics and mathematics), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical skills, faculty of advanced training and retraining.

sheinov1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

external motivation were revealed which means a negative relationship between procrastination and academic motivation. It is noted that the positive relationship between procrastination and self-control in communication obtained in this study is a new result.

Keywords: procrastination; smartphone addiction; social media addiction; academic motivation; self-control; self-control in communication.

Введение

Изучение прокрастинации является важной и актуальной задачей, поскольку прокрастинация негативно отражается на успеваемости учащихся и студентов. Следовательно, изучение прокрастинации, причин ее появления и установление взаимосвязей прокрастинации с различными психологическими феноменами особенно важно.

Согласно ряду зарубежных исследований привычка откладывать выполнение различных действий характерна для 20 % совершеннолетних граждан англоязычных стран. По другим данным, предрасположенность к откладыванию реализации запланированных дел признают около 95 % взрослых жителей западных государств, при этом четверть из них считают подобную склонность хронической [1–4].

В научном контексте феномен «прокрастинация» (англ. *procrastination* – откладывание, промедление) первый раз упоминается в 1977 г. в книге П. Рингенбаха «Прокрастинация в жизни человека». Изначально понятия «прокрастинация» и «лень» рассматривались как синонимы, однако в дальнейшем первый термин вошел в научный обиход и был определен как научный феномен [5].

В психологических словарях определение термина прокрастинации отсутствует. В издании «Большой психологический словарь» дается следующее определение понятия «прокрастинаторы»: «Прокрастинаторы – личности, склонные медлить в принятии решений, оттягивать и откладывать выполнение различных работ “на потом”»¹.

Имеется множество определений термина «прокрастинация» различных авторов. Данное понятие означает добровольное иррациональное откладывание выполнения намеченных действий, которое оказывает негативное влияние на личность [6] и влечет за собой определенные проблемы [7]. Российский психолог В. С. Ковылин, разрабатывающий теоретические вопросы прокрастинации, понимает данный термин как «паттерн поведения, при котором даже важные и срочные дела, задачи, планы, решения откладываются “на потом”» [8, с. 26].

Таким образом, общим для вышеприведенных определений является указание на откладывание реализации намеченных действий или решений. Согласно Г. В. Тарасевич «прокрастинация – склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам» [9, с. 25].

Анализ данных зарубежных исследований показывает наличие 3 базовых психологических компонентов в структуре прокрастинации:

- эмоционального компонента, который относится к волевой сфере личности и сопряжен с когнитивным компонентом;
- когнитивного компонента, который предполагает формирование негативных когнитивных установок, связанных с изменениями образа восприятия времени, в области деятельности и выполнения задач;
- поведенческого компонента, который обуславливает откладывание принятия решений и выполнения дел, нарушение планирования, целеполагания и селф-менеджмента.

После публикации работы П. Рингенбаха в научных исследованиях появилось направление, посвященное изучению откладывания выполнения учебных заданий, которое в последующем обрело название «академическая прокрастинация». Согласно полученным данным академическая прокрастинация признана одним из наиболее существенных факторов трудностей в обучении, приводящим к его негативным результатам. Учащиеся откладывают выполнение заданий, что приводит к задержке сдачи работ в сочетании с общим сокращением учебного времени и недостаточной подготовкой к экзаменам [8, с. 23].

В связи с увеличением доли индивидуальной работы обучающихся на первый план выходит их самостоятельное распределение учебной нагрузки. Однако отсутствие или недостаточное формирование навыков самоконтроля и планирования часто приводят к тому, что выполнение необходимых заданий откладывается на более поздний срок.

В рамках психодинамического подхода также выделяется четвертый компонент прокрастинации, связанный с подсознанием. По данным исследования М. С. Слободянюк и С. В. Чабаненко, «...глубокие внутриличностные конфликты разного масштаба могут являться предикторами прокрастинации. Индивид стремится с помощью психологической защиты избежать субъективно травмирующей ситуации или символической ситуации» [10, с. 126].

Ученые С. Б. Мохова и А. Н. Неврюев на основе имеющихся исследований причин прокрастинации выявили ее связь с особенностями личности (наибольшую взаимосвязь с академической прокрастинацией получили такие особенности личности,

¹Большой психологический словарь / сост. и ред.: Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2004. С. 415.

как перфекционизм, черты обсессивно-компульсивного расстройства); тревожностью; мотивацией (авторами также отмечается роль самомотивации в прогнозировании прокрастинации: внутренняя и отождествленная (основанная на выполнении личностно значимых задач) мотивация присущи более низким уровням прокрастинации, в то время как внешняя мотивация и демотивация (процесс, в результате которого у человека снижается желание действовать) – более высоким уровням); копинг-стратегиями [11].

В настоящее время возможно выделить следующие направления изучения прокрастинации:

- ситуативные причины прокрастинации (анализ общих ситуативных факторов, изучение характеристик задач) [12];
- индивидуально-личностные особенности самих прокрастинаторов. Прокрастинация связана с самоконтролем [13], успеваемостью [14], перфекцио-

низмом, тревожностью [7], а также особенностями мотивационной сферы человека [12; 15];

- последствия откладывания [7];
- социально-культурные и демографические различия прокрастинации [16].

При изучении прокрастинации наибольшее внимание уделяется первым двум направлениям. Сегодня единой структуры исследования индивидуально-личностных особенностей откладывания реализации дел на более поздний срок не существует. Например, М. Хен в ходе исследований выявил связь академической прокрастинации с плохой успеваемостью, низким уровнем благополучия, высоким уровнем тревожности и напряженностью во время обучения. Также обнаружено, что академическая прокрастинация тесно связана с неприятием и задержкой выполнения задач, самоэффективностью, импульсивностью, а также с сознательностью и самоконтролем [14].

Теоретические основы исследования

Различия в прокрастинации мужчин и женщин. Юноши и девушки склонны в большей степени избегать субъективно неприятные задачи и замещать их другими, в некоторых случаях непродуктивными задачами. Данный паттерн поведения можно объяснить попыткой избегания детерминант тревоги и негативных переживаний, из чего можно сделать вывод о защитной функции прокрастинации, которая связана с мотивационной сферой личности.

По результатам исследования Д. С. Корниенко и Н. А. Рудновой, женщины более увлечены социальными сетями, причем при более высоком уровне прокрастинации могут проявляться и негативные эффекты увлеченности социальными сетями (межличностные, эмоциональные и деловые проблемы) [13]. Исследование Д. Лу, И. Хэ и Ю. Тань позволило заключить, что мужчины в общем и академическом профилях склонны к прокрастинации больше, чем женщины [17].

По данным исследования половых различий в самоконтроле и прокрастинации Р. Валенсузэлы, Н. Кодиной и Г. Пестана, женщины набрали больше баллов, чем мужчины, по параметрам саморегуляции и меньше баллов, чем мужчины, по параметрам прокрастинации, за исключением обучения на ошибках и прокрастинации при принятии решений, которые не показали гендерных различий [18].

Взаимосвязи прокрастинации и мотивации изучали как отечественные, так и зарубежные исследователи, при этом особый интерес они проявляли к взаимосвязям прокрастинации с академической мотивацией, самоконтролем в общении и успеваемостью. В эпоху цифровизации ученые также стали уделять внимание взаимосвязям прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей. Рассмотрим их более подробно.

Взаимосвязи прокрастинации с академической мотивацией и успешностью обучения. Мотивация учебной деятельности относится к числу профессионально значимых личностных характеристик, являясь как показателем, так и критерием успешности и качественности профессионального становления будущего специалиста. В исследовании Л. А. Забродиной и Ю. Р. Мухиной изучалась связь академической прокрастинации и академической мотивации студентов высших учебных заведений. Авторами было выявлено, что студенты, у которых преобладают внутренние (профессиональные и учебно-познавательные) и внешние позитивные мотивы (мотивов достижения успеха), склонны к проявлению академической прокрастинации меньше [19].

В последние годы набирает популярность исследование интровертированной мотивации, которая обусловлена ощущением стыда и чувства долга перед собой и другими значимыми людьми, и экстернальной мотивации, которая оценивает ситуацию вынужденной учебной деятельности (человек учится, чтобы избежать возможных проблем). По данным Д. С. Корниенко и Н. А Рудновой, низкий уровень интровертированной мотивации и высокий уровень экстернальной мотивации обусловливают откладывание реализации дел, что связано со стремлением избежать наказания за недостаточное качество или несвоевременное выполнение дел [13]. Исследование Е. А. Гущиной позволило выявить, что «чем выше академическая прокрастинация, тем ниже внешняя (мотивация к самоуважению, интровертированная мотивация, экстернальная мотивация), внутренняя мотивация и амотивация (состояние отсутствия интереса и намерения действовать)» [15, с. 300].

Студенты, которым по причине интровертированного стыда за невыполнение деятельности или не-

успехи важна учебная деятельность, склонны к проектинации больше. Так, в исследовании З. Г. Цховребовой и М. Д. Кондратьева между интровертированной мотивацией, амотивацией и проектинацией выявлена отрицательная связь [20].

К. Краус и А. Фреунд пришли к выводу о том, что проектинация выступает мотивационной проблемой и для ее преодоления необходимо достичнуть очень высокого порога автономности мотивации (ощущение значимости выполняемого действия) [21]. В исследовании А. Д. С. Хальмакера Е. Дармента выявлена высоко значимая отрицательная связь академической проектинации с академической мотивацией: чем выше уровень академической проектинации, тем ниже академическая мотивация, и наоборот [22].

Результаты исследования Е. Кутяк свидетельствуют о том, что учащиеся с плохой успеваемостью склонны к проектинации, лени, импульсивному принятию решения при попытке управлять своим временем, они с большей вероятностью испытывают разочарование, стресс и гнев [23]. Согласно исследованию З. Г. Цховребовой и М. Д. Кондратьева академически неуспешные студенты зачастую не видят смысла в учебной деятельности и имеют склонность к проектинации [20]. Ф. Тисокко и М. Ф. Липорейс выявили, что индивиды склонны проектинировать при низком уровне внутренней и интровертированной мотивации, а также амотивации, что приводит к снижению успеваемости [24]. Исследование Ю. К. Тюреля и О. Докумаци студенческой выборки позволило выявить, что использование подростками информационных технологий приводит к академической проектинации и снижению их успеваемости [25].

Согласно теории временной мотивации, разработанной П. Стилом и Дж. Кенингом, нехватка мотивации на первоначальном этапе выполнения дела и есть главная причина того, что задача не выполняется в положенный срок: чем меньше остается времени до дедлайна, тем больше страх неудачи. Таким образом, вероятность проектинации повышается в тех случаях, когда мотивация находится на низком уровне.

Существуют исследования, которые показывают наличие значительных корреляций между зависимостью от социальных сетей, академической проектинацией и успеваемостью. Злоупотребление социальными сетями значительно сокращает время обучения, что способствует откладыванию реализации дел на более поздний срок и снижению успеваемости.

Взаимосвязь проектинации с зависимостью от социальных сетей. На современном этапе одним из направлений исследования феномена проектинации является изучение онлайн-проектинации, а именно проектинации при работе в условиях социальных сетей. В современных зарубежных публикациях представлены исследования данного типа проектинации, одним из примеров которого является киберслакинг (*cyberslacking*). В данном

контексте киберслакинг означает потребление различного контента для реализации задач, не связанных с учебной деятельностью, и выражается прежде всего в интернет-серфинге [26].

При изучении академической проектинации у магистрантов во время пандемии COVID-19 было выявлено, что отсутствие необходимой информации или большой объем и малопонятность задач служат аргументами для откладывания выполнения дел на более поздний срок. В исследовании А. М. Сембаевой цифровые факторы (отвлечение на информацию о распространении заражения COVID-19 и вакцинации, фильмы и видеоХостинги, социальные сети и мессенджеры) являются причинами академической проектинации [27]. Согласно исследованию В. П. Шейнова и А. С. Девицына зависимость от социальных сетей положительно связана с интернет-зависимостью, зависимостью от смартфона и тремя ее факторами (потерей контроля, страхом отказа, эйфорией), стрессом, проектинацией, незащищенностью от кибербуллинга и отрицательно связана с возрастом и самоуважением [28].

В исследовании Д. Серрано и соавторов обнаружено, что проблемное использование социальных сетей в значительной степени предсказывает академическую проектинацию [29]. В исследовании Л. Ц. С. Чонг и П. И. С. Ху выявлено, что зависимость от социальных сетей обуславливает низкий уровень упорства и, следовательно, высокую склонность к академической проектинации [30].

Взаимосвязь проектинации с зависимостью от смартфона. Смартфоны стали неотъемлемой составляющей повседневной жизни. Они имеют множество способов применения, включая общение, образование, развлечения и социализацию. Тем не менее неправильное использование смартфона приводит к зависимому поведению, а в дальнейшем – к проектинации.

Изучению связи проектинации с зависимостью от смартфона посвящено мало русскоязычных работ. Согласно исследованию В. П. Шейнова зависимость от смартфона юношей и девушек положительно соотноситься с академической медлительностью, проектинацией, незащищенностью от кибербуллинга, проблемами со сном и отрицательно – с асертивностью [31].

Исследование, проведенное среди 100 учащихся колледжа одного из университетов Бандунга, показало наличие связи между зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей и проектинацией [32]. Результаты турецкого исследования Д. М. Гезкина свидетельствуют о том, что положительной корреляции между зависимостью от смартфона и отсутствием саморегуляции, академической проектинацией и частотой проверки смартфона в учебное время находится на статистически значимом умеренном уровне [33].

В исследовании Р. А. Фабио и соавторов выявлено, что люди, боясь быть исключенными из потока

информации, часто используют смартфон, демонстрируют трудности в поведенческом и когнитивном самоконтроле и имеют высокий уровень прокрастинации [34]. Результаты исследования Я. Гэн и соавторов показали, что прокрастинация перед сном частично опосредует связь между зависимостью от смартфона и депрессией, а также тревогой. Кроме того, этот опосредующий эффект смягчается самоконтролем [35]. Респонденты, которые испытывают трудности из-за зависимости от социальных сетей, обладают низким уровнем эмпатии, что приводит к проблемам в общении.

Самоконтроль в общении является одной из главных составляющих коммуникативных умений, связанных с социализацией личности, ее способностью к саморегуляции эмоциональных состояний, которые возникают в процессе общения. Люди, обладающие высоким уровнем самоконтроля в общении, могут с легкостью создать нужное впечатление о себе, а мимолетные взаимодействия способствуют повышению их настроения. Однако в обычной жизни такие люди испытывают трудности со спонтанностью самовыражения в непрогнозируемых ситуациях [36].

Обоснование выбора измеряемых переменных и необходимости установления их взаимосвязей

Вышепредставленный обзор исследований показывает, что изучение прокрастинации охватывает широкий спектр различных представлений о данном феномене. Но в последнее время особую тревогу у педагогов и родителей вызывает массовое увлечение учащихся и студентов смартфонами и социальными сетями. Их наблюдения за тем, как цифровизация связана с отношением к учебе, находят подтверждение в зарубежных исследованиях, показавших, что зависимость от смартфона и зависимость от социальных сетей имеют негативную корреляцию с академической мотивацией и успеваемостью, они напрямую связаны с прокрастинацией.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием в русскоязычном и белорусскоязычном социумах исследований взаимосвязей зависимости от смартфона и зависимости от социальных сетей с прокрастинацией, мотивацией к учебе, самоконтролем в общении. Данные вопросы являются важными для системы образования, активно

развивающей цифровую образовательную и воспитательную среду. Ответы на них позволят правильно оценивать потенциал внедрения цифровых коммуникативных технологий и риски, которые оно за собой влечет. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на обширной выборке обучающихся (школьники, студенты, слушатели курсов повышения квалификации) изучена взаимосвязь прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении. Объектом исследования выступает прокрастинация, предметом – взаимосвязь прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении. Целью настоящей работы служит выявление возможных связей прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении.

Материалы и методы исследования

Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 826 респондентов ($M = 25,2$, $SD = 10,7$), среди которых 530 опрошенных являлись женщинами, 296 опрошенных – мужчинами. Респондентами выступили школьники, студенты, а также учителя и преподаватели колледжей и высших учебных заведений, проходившие переподготовку или повышение квалификации. Ссылка на тесты распространялась преподавателями на занятиях и обучающимися в учебных группах. Поскольку результаты тестирования приходили сразу после от правки ответа, респонденты имели возможность задавать преподавателю вопросы по полученным результатам, что обусловило их благожелательное отношение к тесту и его активное распространение среди целевой аудитории. В результате возраст основной выборки составил от 15 до 36 лет.

В исследовании использованы шкала общей прокрастинации, предложенная К. Леем в адаптации Я. И. Варваричевой [7], короткая версия опросника «шкала зависимости от смартфона», разработанная

В. П. Шейновым [37], опросник зависимости от социальных сетей, созданный В. П. Шейновым и А. С. Девицким [38], краткий вариант методики «шкала академической мотивации» [39] и тест Снайдера «самоконтроль в общении» [36].

Выявление связей между изучаемыми переменными возможно двумя способами: с помощью вычисления корреляций и посредством построения регрессионных моделей. Для построения регрессионных моделей необходимо выполнение двух обязательных условий: 1) нормальное распределение всех изучаемых выборок; 2) отсутствие связей между независимыми переменными. К сожалению, оба условия для исследуемых выборок не выполняются: распределения изучаемых выборок отличны от нормального, а независимые переменные связаны между собой. В связи с этим в качестве метода исследования выбрано вычисление корреляций. Для статистического анализа использована программа SPSS-22, принят уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проверка по критерию Колмогорова-Смирнова показала, что среди всех изучаемых переменных нормальное распределение имеет только зависимость от смартфона. Следовательно, возможные связи необходимо искать с помощью непараметрической корреляции. Для решения данной задачи выбрана корреляция Кендалла, поскольку она позволяет выявлять как линейные, так и нелинейные связи. Поскольку непараметрическая корреляция дает заниженный показатель связи, приведем значения соответствующих корреляций Пирсона, учитывая, что зависимость от смартфона имеет нормальное распределение. Сопоставление значимости корреляций Пирсона и Кендалла позволяет определить не только истинные пределы величины взаимосвязей, но и характер этих взаимосвязей (линейные или нелинейные).

В исследовании использован краткий вариант методики «шкала академической мотивации» [39], включающий 4 шкалы: шкалу познавательной мотивации, шкалу мотивации к достижению, шкалу интровертированной мотивации и шкалу экстернальной мотивации, которые несут наиболее важную информацию о качестве мотивационных процессов, побуждающих и регулирующих выполнение учебной деятельности. Опросник позволяет оценить 2 типа внешней

мотивации: экстернальную мотивацию (стремление к выполнению деятельности ради избегания проблем) и интровертированную мотивацию (заданную фрустрацией потребность в автономии, проявляющуюся в переживании чувства долга и стыда). Связи прокрастинации с познавательной мотивацией и мотивацией к достижению оказались статистически незначимыми, поэтому далее они не рассматриваются.

Корреляции Пирсона и Кендалла (табл. 1) показывают положительные связи прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, интровертированной и экстернальной мотивацией, а также самоконтролем в общении. Положительная связь прокрастинации с интровертированной и экстернальной мотивацией означает негативную связь прокрастинации с академической мотивацией. Интровертированная и экстернальная мотивация повышают уровень прокрастинации. Таким образом, желание избежать наказания (как внешнего, так и внутреннего) приводит к некачественному и несвоевременному выполнению задач. Подобная связь постоянно наблюдается в реальной жизни учащихся, она подтверждается В. Е. Василенко и О. И. Малышевой, которые подчеркивали, что у прокраинаторов преобладает мотивация к избеганию неудач [40].

Таблица 1

Корреляции прокрастинации с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении среди женщин и мужчин ($n = 826$)

Table 1

Correlations of procrastination with smartphone addiction, social media addiction, academic motivation, and communication self-control among women and men ($n = 826$)

Тип корреляции	Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей	Интровертированная мотивация	Экстернальная мотивация	Самоконтроль в общении
Корреляция Пирсона	0,317*	0,229*	0,297*	0,252*	0,247*
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Корреляция Кендалла	0,256*	0,185*	0,202*	0,174*	0,176*
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечание. Знаком * отмечены значения, имеющие высокую статистическую значимость корреляций.

Зависимость от смартфона у женщин в целом выражена значительно сильнее [28], это показывают и результаты тестирования в настоящем исследовании. Так, среднее значение зависимости женщин от смартфона (17,0) является статистически значимым ($p \leq 0,001$) и превосходит этот же показатель (15,3) среди мужчин. Такое же соотношение установлено и применительно к зависимости от социальных сетей. Следовательно, получен-

ные результаты необходимо проверить для мужчин и женщин отдельно.

Сходность связей прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей вполне естественна в силу того, что между этими зависимостями и факторами, их образующими [20], существует положительная высоко значимая связь. Подобная взаимосвязь имеет место и в данном исследовании: корреляция Кендалла равна 0,538* ($p \leq 0,001$).

Таблица 2

Корреляции прокрастинации с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении среди женщин (n = 530)

Table 2

Correlations of procrastination with smartphone addiction, social media addiction, academic motivation, and communication self-control among women (n = 530)

Тип корреляции	Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей	Интроецированная мотивация	Экстернальная мотивация	Самоконтроль в общении
Корреляция Пирсона	0,346*	0,288*	0,282*	0,272*	0,207*
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Корреляция Кендалла	0,258*	0,176*	0,193*	0,188*	0,189*
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечание. Знаком * отмечены значения, имеющие высокую статистическую значимость корреляций.

Таблица 3

Корреляции прокрастинации с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении среди мужчин (n = 296)

Table 3

Correlations of procrastination with smartphone addiction, social media addiction, academic motivation, and self-control in communication among males (n = 296)

Тип корреляции	Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей	Интроецированная мотивация	Экстернальная мотивация	Самоконтроль в общении
Корреляция Пирсона	0,095	0,057	0,225*	0,209*	0,285*
	0,103	0,330	0,000	0,000	0,000
Корреляция Кендалла	0,128*	0,084*	0,165*	0,156*	0,182*
	0,002	0,036	0,000	0,000	0,000

Примечание. Знаком * отмечены значения, имеющие высокую статистическую значимость корреляций.

Как видно из табл. 2 и 3, у мужчин прокрастинация имеет положительную нелинейную связь с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, в то время как у женщин эта связь линейная. Данная особенность обусловлена тем, что у женщин корреляция Пирсона является статистически значимой, а у мужчин – статистически незначимой. Наши данные согласуются с полученными ранее сведениями о том, что женщины чаще мужчин проводят время в социальных сетях и испытывают потребность в общении [41], а также результатами исследования Д. С. Корниенко и Н. А. Рудновой, согласно которым активное использование женщинами социальных сетей ведет к межличностным проблемам и прокрастинации [13].

Из табл. 1–3 следует, что положительная корреляция прокрастинации с зависимостью от смартфона соответствуют установленным ранее в ряде зарубежных исследований связям [3; 23; 25; 42; 43]. Более того, было установлено, что даже активное пользование смартфоном (без попадания в зависимость от этого гаджета) положительно связано с академической прокрастинацией ($r = 0,777, p < 0,01$) [33].

Обнаруженная положительная связь прокрастинации с зависимостью от социальных сетей (табл. 1–3) подтверждается ранее представленными результатами [28, с. 566] и зарубежными исследованиями. Установлено, что чем сильнее зависимость от социальных сетей, тем выше уровень прокрастинации [44]. Имеет место не только положительная статистически значимая связь между зависимостью от социальных сетей и академической прокрастинацией, но и отрицательная статистически значимая связь между академической прокрастинацией и успеваемостью учащихся [45]. Зависимость от социальных сетей предсказывает как академическую прокрастинацию, так и снижение успеваемости среди студентов [46]. Эта зависимость повышает уровень академической прокрастинации и отрицательно влияет на успешность обучения. Опосредующий эффект академической прокрастинации в отношениях между зависимостью от социальных сетей и академической успеваемостью статистически значим [47]. Не только зависимость от социальных сетей, но и их ежедневное использование положительно коррелировано с академической прокрастинацией [26]. При изуче-

нии взаимосвязи между академической прокрастинацией и успеваемостью студентов исследователь Ф. М. Аленази определил, что чем выше уровень прокрастинации, тем ниже успеваемость студенток [48].

Отметим, что во всех обнаруженных нами зарубежных публикациях связь прокрастинации с зависимостью от смартфона характеризуется значительно более сильными, чем в данном исследовании, корреляциями Пирсона, тогда как непараметрических корреляций в этих работах обнаружить не удалось. Полученная положительная связь прокрастинации с самоконтролем в общении является новым результатом, поскольку в отечественных и зарубежных публикациях подобная связь не была установлена.

Корреляция Кендалла самоконтроля в общении с зависимостью от смартфона равна 0,148*, с зависимостью от социальных сетей – 0,118*.

Заключение

Предрасположенность к прокрастинации является весьма распространенным явлением и наносит большой ущерб как учебе, так и другим видам деятельности человека. По этой причине особый интерес вызывает изучение взаимосвязей прокрастинации с академической мотивацией, успеваемостью и качеством общения.

В то же время современный мир трудно представить без информационных технологий, которые теперь внедрены во все сферы жизни общества. Эпоха цифровизации обусловила необходимость в исследовании взаимосвязей прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей. Это исследование является важным для системы образования, активно развивающей цифровую образовательную и воспитательную среду. Данное исследование позволит правильно оценить потенциал внедрения цифровых технологий и риски, которые оно за собой влечет.

В настоящем исследовании выявлены положительные взаимосвязи прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, самоконтролем в общении, интровертированной и экстернальной мотивацией для белорусов. Этот факт свидетельствует о негативном влиянии прокрастинации, зависимости от смартфона и зависимости от социальных сетей на академическую мотивацию и успешность обучения. При этом у мужчин прокрастинация имеет положительную нелинейную связь с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, в то время как у женщин эта связь линейная.

Полученная в настоящем исследовании положительная взаимосвязь прокрастинации с самоконтролем в общении является новым результатом, поскольку в отечественных и зарубежных публикациях подобная связь не была установлена. Другие результаты проведенного исследования не только подтверждают результаты зарубежных исследований,

Индивиды с высоким уровнем самоконтроля в общении всегда следят за собой, хорошо ориентируются в ситуации, лучше управляют эмоциями. Однако у них затруднена спонтанность самовыражения, они не любят непрогнозируемых ситуаций. Их кредо: «Я такой, какой есть». Индивиды с низким уровнем самоконтроля в общении, напротив, более непосредственны в контактах и открыты.

По нашему мнению, положительная взаимосвязь самоконтроля в общении с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей обусловлена тем, что социальные сети являются своеобразной «ярмаркой тщеславия», площадкой для демонстрации своих успехов. Такие условия затрудняют открытое непосредственное общение, что подтверждают положительные связи самоконтроля в общении с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей.

Заключение

но и в определенной степени уточняют их, поскольку статистически значимые взаимосвязи установлены благодаря использованию наиболее корректных методов обработки данных (с учетом того, что эмпирические распределения изучавшихся выборок отличны от нормального). Непараметрические корреляции показывают более низкие значения, чем использованные во многих зарубежных исследованиях корреляции Пирсона, поэтому полученные в данном исследовании взаимосвязи наиболее статистически обоснованы.

Еще одним важным аспектом настоящего исследования является то, что прокрастинация изучалась не только у школьников и студентов (как во многих исследованиях других авторов), но и у учителей школ, преподавателей колледжей и высших учебных заведений, проходивших переподготовку или повышение квалификации. Таким образом, результаты настоящего исследования способствуют более глубокому пониманию процессов формирования и распространения прокрастинации и роли цифровых зависимостей в них.

По нашему мнению, интерес представляет расширение географии данного исследования посредством проведения аналогичной работы на российской выборке и сопоставления результатов, полученных в ходе тестирования в белорусском и российском социумах. Другим возможным направлением будущих исследований прокрастинации и цифровых зависимостей может стать изучение роли родителей и педагогов в формировании и развитии каждого из этих феноменов как по-отдельности, так и в совокупности. Результаты проведенного исследования можно использовать в разъяснительной работе с учащимися и студентами в целях предупреждения формирования у них указанных негативных свойств личности (прокрастинации, зависимости от смартфона и зависимости от социальных сетей).

Библиографические ссылки

1. Aznar-Díaz I, Romero-Rodríguez JM, García-González A, Ramírez-Montoya MS. Mexican and Spanish university students' Internet addiction and academic procrastination: Correlation and potential factors. *PLoS One*. 2020;15(5):e0233655. DOI: 10.1371/journal.pone.0233655.
2. Dewany R, Asnah MB, Hariko R. Self-control and parenting style of academic procrastination in vocational high school students. *International Journal of Educational Review, Law and Social Sciences*. 2023;3(1):1781–1787.
3. Li L, Gao H, Xu Y. The mediating and buffering effect of academic self-efficacy on the relationship between smartphone addiction and academic procrastination. *Computers & Education*. 2020;29:104001. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104001.
4. Susilawati E. The influence of gadget towards information technology addict and procrastination behavior. *Materials Science and Engineering Conference Series*. 2019;2:22–54. DOI: 10.1088/1757-899X/662/2/022054.
5. Anierobi EI, Etodiike CE, Uzochukwu N. Social media addiction as correlates of academic procrastination and achievement among undergraduates of Nnamdi Azikiwe University Awka, Nigeria. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. 2021;10(3):20–33.
6. Lay C. At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 1986;20:474–495. DOI: 10.1016/0092-6566(86)90127-3.
7. Варваричева ЯИ. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования. *Вопросы психологии*. 2010; 3:121–131.
8. Ковылин ВС. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013;2:22–41.
9. Тарасевич ГВ. Прокрастинация: болезнь века. *Русский репортер*. 2014;14:20–29.
10. Слободянюк МС, Чабаненко СВ. Феномен прокрастинации: теоретическое обоснование, анализ исследований и влияние на человека. *Научные известия*. 2022;26:124–126. EDN: OWRTRH.
11. Мохова СБ, Неврюев АН. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов. *Вопросы психологии*. 2013;1:24–35. EDN: RRVJHT.
12. Виндекер ОС, Останина МВ. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С. Н. Lay (на примере студенческой выборки). *Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии*. 2014;1:106–115.
13. Корниенко ДС, Руднова НА. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией. *Психологические исследования*. 2018;11(59):1–6. EDN: YLPTBR.
14. Hen MG. The effects of decisional and academic procrastination on students' feelings toward academic procrastination. *Current Psychology*. 2020;39:556–563. DOI: 10.1007/s12144-017-9777-3.
15. Гущина ЕА. Взаимосвязь академической прокрастинации и мотивации учения студентов вуза. В: Аршанский ЕЯ, редактор. *XIV Машеровские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых; 21 октября 2020 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова; 2020. с. 299–300.
16. Caratiquit KD, Caratiquit LJC. Influence of social media addiction on academic achievement in distance learning: intervening role of academic procrastination. *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2023;24(1):1–19. DOI: 10.17718/tojde.1060563.
17. Lu D, He Y, Tan Y. Gender, socioeconomic status, cultural differences, education, family size and procrastination: a sociodemographic meta-analysis. *Frontiers in Psychology*. 2021;12:719425. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.719425.
18. Valenzuela R, Codina N, Pestana JV. Gender differences in university students' self-regulation and procrastination: the role of physical activity and its characteristics. In: International Academy of Technology, Education and Development. *Edulearn20. Proceedings of 12th International conference on education and new learning technologies; 2020 July 6–7; Valencia, Spain*. Valencia: International Academy of Technology, Education and Development; 2020. p. 5206–5211. DOI: 10.21125/edulearn.2020.
19. Забродина ЛА, Мухина ЮР. Взаимосвязь особенностей прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов. *АНИ: педагогика и психология*. 2017;6(3):311–315. EDN: ZISSGJ.
20. Щовребова ЗГ, Кондратьев МД. Мотивация и прокрастинация как факторы академической успешности у студентов первого курса. В: Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева. *Психология в системе социально-производственных отношений. Материалы V Международной научно-практической конференции; 28 октября 2022 г.; Красноярск, Россия*. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева; 2022. с. 61–65.
21. Krause K, Freund A. Delay or procrastination: a comparison of self-report and behavioral measures of procrastination and their impact on affective well-being. *Personality and Individual Differences*. 2014;63:75–80. DOI: 10.1016/j.paid.2014.01.050.
22. Halmahera ADS, Darminto E. The relationship between academic procrastination and self-regulated learning and learning motivation in high school student. *Bisma the Journal of Counseling*. 2022;6(2):166–176. DOI: 10.23887/bisma.v6i2.50673.
23. Kuftyak E. Procrastination, stress and academic performance in students. In: Kazan Federal University. *IFTE 2021. Proceedings of VII International forum on teacher education; 2021 May 26–28; Kazan, Russia*. Kazan: Kazan Federal University; 2022. p. 965–974. DOI: 10.3897/ap.5.e0965.
24. Tisocco F, Liporace MF. Structural relationships between procrastination, academic motivation, and academic achievement within university students: a self-determination theory approach. *Innovative Higher Education*. 2023;48(2):351–369. DOI: 10.1007/s10755-022-09622-9.
25. Türel YK, Dokumaci O. Use of media and technology, academic procrastination, and academic achievement in adolescence. *Participatory Educational Research*. 2022;9(2):481–497. DOI: 10.17275/per.22.50.9.2.
26. al Shaibani MH. Academic procrastination among university students in Saudi Arabia and its association with social media addiction. *Psychology and Education*. 2020;57:1118–1124.
27. Сембаева АМ. Академическая прокрастинация у магистрантов вуза в условиях пандемии COVID-19. *Вестник Казахского национального университета. Серия: Педагогические науки*. 2021;66(1):35–40. DOI: 10.26577/JES.2021.v66.i1.04.
28. Шейнов ВП, Девицын АС. Взаимосвязь зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021;4:566–570. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-71.

29. Serrano DM, Williams PS, Ezzeddine L, Sapon B. Association between problematic social media use and academic procrastination: the mediating role of mindfulness. *Learning Research and Practice*. 2022;8(2):84–95. DOI: 10.1080/23735082.2022.2100920.
30. Ch'ng LTX, Hoo PYS. Relationship between social media addiction levels and academic procrastination among undergraduate students in Malaysia: grit as the mediator. *Advanced Journal of Social Science*. 2022;11(1):13–27. DOI: 10.21467/ajss.11.1.13-27.
31. Шейнов ВП. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
32. Suárez-Perdomo A, Ruiz-Alfonso Z, Garcés-Delgado Y. Profiles of undergraduates' networks addiction: difference in academic procrastination and performance. *Computers & Education*. 2022;181:104459. DOI: 10.1016/j.compedu.2022.104459.
33. Gezgin DM. Gender, self-regulation, academic procrastination, and smartphone checking frequency during study hours in predicting turkish adolescents' smartphone addiction. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. 2021;9(1):21027. DOI: 10.5152/ADDICTA.2021.21027.
34. Fabio RA, Stracuzzi A, Faro RL. Problematic smartphone use leads to behavioral and cognitive self-control deficits. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(12):1–13. DOI: 10.3390/ijerph19127445.
35. Geng Y, Gu J, Wang J, Zhang R. Smartphone addiction and depression, anxiety: the role of bedtime procrastination and self-control. *Journal of Affective Disorders*. 2021;293:415–421.
36. Райгородский ДЯ. Практическая психиодиагностика. Москва: Бахрах-М; 1998. 558.
37. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(1):97–115. EDN: AFWUAD.
38. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2:41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
39. Гордеева ТО, Сычев ОА, Осин ЕН. Опросник «шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*. 2014;35(4):96–107. EDN: SJVWLN.
40. Василенко ВЕ, Малышева ОИ. Личностные особенности взрослых с разным уровнем и типом прокрастинации. В: Санкт-Петербургский государственный университет. *Ананьевские чтения – 2014. Материалы научной конференции «Психологическое обеспечение профессиональной деятельности»; 21–23 октября 2014 г.*; Санкт-Петербург; Россия. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2014. с. 307–309.
41. Шейнов ВП. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2021;18(3):607–630. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-607-630.
42. Wang J, Wang P, Yang X, Zhang G, Wang X, Zhao F, et al. Fear of missing out and procrastination as mediators between sensation seeking and adolescent smartphone addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:1049–1062. DOI: 10.1007/s11469-019-00106-0.
43. Rozgonjuk D, Kattago M, Täht K. Social media use in lectures mediates the relationship between procrastination and problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*. 2018;89:191–198. DOI: 10.1016/j.chb.2018.08.003.
44. Üztemur S. The mediating role of academic procrastination behaviours in the relationship between pre-service social studies teachers' social media addiction and academic success. *International Journal of Education Technology & Scientific Researches*. 2020;5(11):63–101. DOI: 10.35826/ijetsar.112.
45. Bachmann O, Grunschel C, Fries S. Multitasking and feeling good? Autonomy of additional activities predicts affect. *Journal of Happiness Studies*. 2019;9:1–20. DOI: 10.1007/s10902-018-9973-3.
46. Alblwi A, Mcalaney J, Al-Thani D, Phalp K, Ali R. Procrastination on social media: predictors of types, triggers and acceptance of countermeasures. *Social Network Analysis and Mining*. 2021;11:19. DOI: 10.1007/s13278-021-00727-1.
47. Yang Z, Asbury K, Griffiths MD. An exploration of problematic smartphone use among chinese university students: associations with academic anxiety, academic procrastination, self-regulation and subjective wellbeing. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:596–614. DOI: 10.1007/s11469-018-9961-1.
48. Alenazi FM. The relation between academic procrastination and student's achievement-a quantitative study among female students at jouf university. *Information Sciences Letters an International Journal*. 2023;12(5):2075–2087.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024.
Received by editorial board 14.06.2024.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 1(075.8)+167/168(075.8)

Философия и методология науки : электрон. учеб.-метод. комплекс для всех специальностей углубл. высш. образования и специального высш. образования / А. И. Зеленков [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 245 с. Библиогр.: с. 232–245. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/325994>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.12.2024, № 002217022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов, аспирантов, соискателей всех специальностей углубленного высшего образования и специального высшего образования. ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

УДК 101.1:316(082)

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований : сб. науч. ст. участников XXXI Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 126 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/328149>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2025, № 005809042025. Текст : электронный.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ XXXI Республиканского конкурса научных работ студентов 2025–2026 гг.

УДК 1(06)+001:1(06)

Трансдисциплинарные тренды в современной философии и науке : сб. науч. ст. XIX Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17 апр. 2025 г. / БГУ ; редкол.: А. С. Лаптёнок (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 415 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/328415>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.04.2025, № 006014042025. Текст : электронный.

Представлены научные статьи участников XIX Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 17 апреля 2025 г. на факультете философии и социальных наук БГУ.

Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

УДК 17.022.1(075.8)

Беляева Е. В. Моральная аксиология : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0223-01 «Философия» / Е. В. Беляева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 42 с. Библиогр.: с. 40–41. Режим

доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329098>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.05.2025, № 006406052025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Моральная аксиология» предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: конспект лекций, тематика семинарских занятий, тематика контрольных и рефератов, учебная программа, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам факультета философии и социальных наук, а также всем интересующимся этикой и моральной аксиологией.

УДК 17(075.8)

Беляева Е. В. **Этика** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0223-01 «Философия» / Е. В. Беляева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 76 с. Библиогр.: с. 74–75. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329110>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.05.2025, № 006606052025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Этика» предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: конспект лекций, тематика семинарских занятий, тематика контрольных и рефератов, учебная программа, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам факультета философии и социальных наук, а также всем интересующимся этикой.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Румянцева Т. Г. Диалектика И. Канта: учение о развитии или логика видимости.....	4
Стаськевич С. А. Концептуальные основания теории языка в философии культуры А. Ф. Лосева и Э. Кассирера: компаративный анализ.....	8

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Федорченко С. Н. «Умный полемос»: искусственный интеллект в информационных войнах.....	13
Курбачёва О. В. Социально-философское осмысление феномена расы: от понятия к концепту...	23

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Логиновская Л. М. Феномен внутренней ценности природы.....	29
--	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кечина Е. А. Вопросы вакцинации детей мигрантов в Республике Беларусь (опыт социологического исследования).....	38
---	----

Титаренко Л. Г. Человеческий капитал vs цифровые технологии: скрытое противостояние и риски в современном обществе.....	44
---	----

Сойко А. Д. Качество образования и профессиональные компетенции преподавателей: социологический подход.....	49
---	----

Чжан Н. Практика и методы развития культуры чтения современной университетской молодежи в Китае (на примере Наньчанского университета).....	56
---	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дьяков Д. Г., Валитова И. Е. Теоретико-методологические основания конструирования программ психологической помощи детям в контексте когнитивно-поведенческой (доказательной) психотерапии.....	64
--	----

Зайдова Г. Р. Формы эмоционального насилия в сфере родительско-детских отношений	72
--	----

Вырвич А. Ч., Шейнов В. П. Прокрастинация и ее связи с зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, академической мотивацией и самоконтролем в общении.....	78
---	----

Аннотации депонированных в БГУ работ.....	88
---	----

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rumyantseva T. G.</i> Kant's dialectics: the doctrine of development or logic of visibility.....	4
<i>Staskevich S. A.</i> Conceptual foundations of the theory of language in the philosophy of culture by A. F. Losev and E. Cassirer: a comparative analysis.....	8

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Fedorchenko S. N.</i> «Smart polemos»: artificial intelligence in information wars.....	13
<i>Kurbacheva O. V.</i> Socio-philosophical understanding of the phenomenon of race: from notion to concept.....	23

ENVIRONMENTAL ETHICS

<i>Loginovskaya L. M.</i> The phenomenon of intrinsic value of nature.....	29
--	----

SOCIAL RESEARCHES

<i>Kechyna Ya. A.</i> Issues of vaccination of migrant children in the Republic of Belarus (experience of sociological research).....	38
<i>Titarenko L. G.</i> Human capital vs digital technologies: hidden confrontation and risks in modern society.....	44
<i>Soyka N. D.</i> Quality of education and professional competences of teachers: a sociological approach....	49
<i>Zhang N.</i> Practice and methods of developing a reading culture for modern university youth in China (on the Nanchang university example).....	56

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Dyakov D. G., Valitova I. E.</i> Theoretical and methodological grounds for designing programmes of psychological support for children in the context of cognitive-behavioural therapy.....	64
<i>Zaidova G. R.</i> Forms of emotional abuse in the sphere of parent – child relationships	72
<i>Vyrvich A. Ch., Sheinov V. P.</i> Relationships of procrastination with smartphone addiction, social media addiction, academic motivation and self-control in communication.....	78
Indicative abstracts of the papers desposited in BSU.....	88

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор С. Р. Пинчук
Технический редактор М. А. Панкратова
Корректор С. Р. Пинчук

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.
Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor S. R. Pinchuk
Technical editor M. A. Pankratova
Proofreader S. R. Pinchuk